

Научно-издательский центр «Социосфера»
Российско-Армянский (Славянский)
государственный университет
Липецкий государственный технический университет
Пензенская государственная технологическая академия

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ:
ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ПРОШЛОЕ,
ЗАДУМЫВАЯСЬ О БУДУЩЕМ**

Пенза – Липецк – Ереван
2011

УДК 316+93/94
ББК 473
И 87

И 87 Интеллигенция и власть: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: материалы международной научно-практической конференции 1–2 апреля 2011 года. – Пенза – Липецк – Ереван: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 190 с.

Редакционная коллегия:

Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, доцент, декан факультета психологии Российско-Армянского (Славянского) государственного университета.

Дорошин Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Пензенской государственной технологической академии.

Попов Валентин Ярославович, кандидат философских наук, доцент Липецкого государственного технического университета.

В сборнике представлены научные статьи преподавателей вузов, соискателей и аспирантов, посвященные интеллигенции: этимологии данного термина и его социологическому содержанию; мировоззрению и нравственным императивам интеллигенции; образовательной, научной и просветительной деятельности её представителей и их судьбам в исторических процессах XIX – начала XXI вв.; месту и роли интеллигенции в социально-экономической и политической жизни.

ISBN 978-5-91990-015-3

УДК 316+93/94
ББК 473

© Научно-издательский
центр «Социосфера», 2011.
© Коллектив авторов, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

І. ДИСКУРС ПРОСВЕЩЕНИЯ – ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Узлов Ю. А. Историческая традиция российской интеллигенции.....	6
Алиева Д. К. Просвещенные слои российского общества как социальная основа формирования интеллигенции на Северном Кавказе	11
Милаева О. В. Модернизация кадрового научного потенциала в системе высших учебных заведений в 1930-е годы.....	14
Милаева О. В. Организация системы подготовки научно-педагогических кадров в СССР и проблемы их аттестации в 1930-е годы (на материале вузов Поволжья).....	21
Будка К. С. Отношения между интеллектуалами польскими и русскими – сравнительный анализ	35
Прокохин В. А. К вопросу об образе жизни интеллигенции.....	37
Грязнухина Т. В. Проблемы нравственного развития современной интеллигенции на основе возрождения традиций интеллигенции XIX в.	42
Попов В. Я. Ценностный аспект социализации-индивидуализации личности в условиях трансформирующегося общества.....	46
Мишин В. А., Галиева Р. Д. Просвещённые слои как социальная основа развивающегося общества.....	49
Александрова А. В. Условия формирования независимого действующего экспертного сообщества или Как заставить «фабрику мыслей» реализовывать «продукт»?.....	51
Семёнов В. В. Платон, технократия и власть.....	53
Дорошин Б. А., Махтина С. А. Парадигмы высшего образования: интеллигентность, интеллектуальность и потребительское медиа-мышление	60

II. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ, НАУЧНАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Шелепина Е. Н. Православная интеллигенция и её участие в организации народного образования в середине XIX века	66
Дорошин Б. А., Удалова А. В. Деятельность представителей власти и интеллигенции Пензенской губернии по созданию учёной архивной комиссии	69
Гаврин Д. А. «Записка о нуждах просвещения» – манифест учёного сообщества России начала XX века	74
Хорина В. В. Красноярский отдел общества изучения Сибири и улучшения её быта (1914–1917 гг.).....	77
Савчук В. А. Интеллигенция Каменец-Подольского региона в контексте историко-краеведческого движения 20-х годов XX ст.	82
Гантимурова М. И. Научно-просветительская деятельность Забайкальского отделения РГО и краевого музея в Чите (1920–1922 гг.).....	91
Милаева О. В., Сиушкин А. Е. Организация научно-исследовательской работы в вузах в СССР в 1930-е годы	95
Милаева О. В. Основные направления и проблемы научных исследований в 1930-е годы в высших учебных заведениях.....	106
Милаева О. В. Научные исследования в нижеволжском крае в 1930-е годы (на примере работ учёных ведущих саратовских вузов)	114
Милаева О. В., Моисеева Е. С. Научные исследования в высшей школе в 1930 годы в Среднем Поволжье	129
Антипов М. А. Э. В. Ильенков: интеллигент в «тисках» авторитаризма	145
Дорошина Л. И. Тернистый путь поиска истины в важных вопросах русской истории	148
Лобузная Д. А. Об истоках празднования дня славянской письменности в России	151

III. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Мартыненко Н. К.

Опыт сотрудничества общественных организаций
с государственной властью
в борьбе с социальными девиациями155

Кольчугина С. В.

Приоритеты экономической политики России
в общественно-политическом дискурсе (1861–1914 гг.) 160

Лызлова Т. С.

Роль еврейской партийной интеллигенции
в русском революционном движении
в конце XIX – первой четверти XX века 163

Егоров П. М.

Политические принципы
якутского трудового союза федералистов в 1917 г..... 170

Сюков А. В.

Идейно-политические взгляды
научной интеллигенции Среднего Поволжья в 1930-е годы.....173

Филипчук И. В.

Взаимоотношения местных органов власти
и творческой интеллигенции в 1946–1948 гг.
(на примере Горьковской области)177

Трофимов Е. А.

Либеральная интеллигенция и бюрократия:
конфликтное измерение 180

Нечаев Д. Н., Селиванова Е. С.

Западническая и славянофильская линия
конфликта регионального медиасообщества
с властью (на примере газеты «Воронежский курьер») 183

План международных конференций, проводимых
вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии,
Казахстана, Ирана и Чехии на базе НИЦ «Социосфера»
в 2011 году 187

I. ДИСКУРС ПРОСВЕЩЕНИЯ – ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Ю. А. Узлов

Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

The summary: In article new scientific approaches to a problem of definition of the Russian intelligentsia in a historical retrospective show are considered.

Keywords: modernization, globalization, intelligentsia, development models, national model, adaptation, culture.

Культура связана с историей и подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, забвение культурных ценностей приводит к саморазрушению личности и, как следствие, структуры общества и государства. История российской интеллигенции, её типология широко представлены как в отечественной, так и зарубежной литературе. Обращение к данной проблеме представляет попытку определения новых ориентиров в свете глобальных проблем, вставших перед нашим обществом.

История оставила нам своё видение российского общества и его составляющих. В отечественной науке последнее десятилетие доминируют социологические и культурологические позиции в определении исторической роли интеллигенции. Эти подходы демонстрируют двуединую природу интеллигенции как социальную общность, так и общность духовного производства, представляющую собой многослойное явление с ядром и периферией, где генетическая связь поколений претерпевает постоянную деформацию, сохраняя сущностные признаки социума. Н. Бердяев, раскрывая историческую сущность отечественной интеллигенции, даёт ей характеристику: «Интеллигенция скорее напоминала монашеский орден или религиозную секту со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим мирозерцанием, со своими особыми нравами и обычаями, своеобразным физическим обликом, по которому всегда можно было узнать интеллигента и отличить его от других социальных групп. Она была у нас идеологической, а не профессиональной» [1, с. 17].

Б. А. Успенский, определяя характерные признаки интеллигенции, указывает на её оппозиционность к доминирующим в со-

циуме институтам, политическому режиму, религиозным и идеологическим установкам, которая может распространяться и на этические нормы и правила поведения [5, с.10].

Интеллигенцию объединяет не столько идеологическая составляющая, сколько традиция противостояния. Находясь в оппозиции к доминирующим в социуме институтам, она находится в зависимости от них. При изменении общих стандартов меняется характер оппозиционности и формы проявления.

А. П. Чехов представляет интеллигенцию как сложную формулу, которая не поддаётся строгой формации, в которую входит, но не исчерпывает, представление о хорошем образовании, образ, формируемый в глубоком детстве и проявляющийся в таких чертах, как голос, тон, фигура, выражение лица, одежда и речь.

Как показывают исследования, интеллигентность необязательно связана с ярким умом и большим талантом, но, несомненно, связана с внутренним достоинством, со сдержанностью, тактом, подчёркнутым уважением к собеседнику. Это – не даваемый никаким образованием, а прививаемый только воспитанием стиль жизни, свойственный лучшим дворянским семьям.

В России представление об интеллигенции исторически формируется на основе представления о делении общества на народ, интеллигенцию, мещанство. За каждой из этих категорий стоит не столько набор идей, сколько определённый стиль жизни. Здесь проходит та черта, которая отделяет российского интеллигента от западного интеллектуала.

С конца 40-х годов XIX в. русский народ, его настоящее и будущее всё больше начинают занимать просвещённые умы дворянства. Тема народа стала ключевой в освободительном движении и общественной жизни. Причины удручающего положения простого народа нам хорошо известны. Это, прежде всего, разрыв культурной целостности в результате петровских преобразований начала XVIII в., которые привели к образованию двух культур, и последствия этого раскола особенно остро стали восприниматься в интеллигентских кругах.

После Отечественной войны 1812 г. интеллигенция озаботилась нравственными исканиями, что нашло отражение в творчестве А. С. Грибоедова: «Каким чёрным волшебством сделались мы чужие между своими! Финны и тунгусы скорее приемлются в наше собрание, становятся выше нас, даются нам образцами, а народ единокровный, наш разрознен с нами, и навеки! Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он конечно бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами» [3, с. 383–384].

В России начинается поиск национальной идентичности. Искания приводят к формированию западников и славянофилов. Среди интеллигенции распространяются представления о том, что именно с простым народом связано своеобразие русской культуры. При этом считалось, что культура «образованного класса» является слепком с западной традиции, т. е. инородным для русской жизни образованием. С ростом значимости такого явления, как «народ», появляется необходимость в специальном обозначении отрицания, подчёркивающим не народное, а инородное начало. Эту функцию отрицания с конца 60-х годов XIX в. начинает выполнять интеллигенция.

И. В. Киреевский, размышляя о характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению в России, отмечает: «В Европе раздвоение духа, раздвоение мыслей, раздвоение наук, раздвоение государства, раздвоение сословий, раздвоение общества, раздвоение семейных прав и обязанностей, раздвоение нравственного и сердечного состояния, раздвоение всей совокупности и всех отдельных видов бытия человеческого, общественного и частного.

В России, напротив того, преимущественное стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего, общественного и частного, умозрительного и житейского, искусственного и нравственного. Поэтому, если справедливо сказанное нами прежде, то раздвоение и цельность, рассудочность и разумность будут последним выражением западноевропейской и древнерусской образованности» [4, с. 290]. Эту целостность находят славянофилы в русском народе, противопоставляя её раздвоенности и метаниям публики.

Что объединяло официальную идеологию и интеллигентов типа славянофилов и западников? Это представление о миролюбивом и пассивном характере русского народа, стремящегося, скорее, подчиниться, чем повелевать. Поэтому, чтобы реализовать дремлющие в русском народе возможности, считали они, требовалась внешняя сила, которая придавала бы этой аморфной и благодатной материи нужные формы.

Такой силой должна была стать интеллигенция, но только та её часть, которая в состоянии преодолеть собственные сословные предрассудки, «западное» происхождение, образ жизни и учить русский народ. Такой образовательной концепцией стала «официальная народность», где главная фигура царь, в роли учителей – интеллигенция, в роли воспитуемых – народ.

А. И. Герцен в романе «Былое и думы» дополняет картину российской действительности: «Нравственность у нас свелась на то, что неимущий должен всеми средствами приобретать, а имущий – хранить и увеличивать свою собственность: флаг, который поднимают на рынке для открытия нового торга, стал хоругвию нового общества. Человек сделался принадлежностью собственности; жизнь свелась на постоянную борьбу из-за денег. Все партии и оттенки разде-

лились в мире мещанском на два: с одной стороны, мещане собственники, упорно отказывающиеся поступиться своими монополиями, с другой – неимущие мещане, которые хотят вырвать из их рук их достояние, но не имеют силы, то есть, с одной стороны, скупость, с другой – зависть. Так как действительно нравственного начала во всём этом нет, то и место лица в этой или другой стороне определяется внешними условиями состояния общественного положения». Быстро развивались два социально-политических явления. Одно из них, затронувшее малое число россиян, отмечено раскрепощением личности, выдавливавшей из себя раба, достижением внутренней свободы как условия активного, осознанного общественно-политического действия. Второе явление, охватившее значительные массы русского населения, характеризовалось убеждением о вседозволенности в поведении и поступках. Многочисленные примеры мы находим в романах Ф. М. Достоевского «Идиот» (1868), «Бесы» (1871–1872) и в пьесе А. М. Горького «Мещане» (1902).

Под влиянием поражения России в войне с Японией, первой русской революции общество всё более раскалывалось, расслаивалось, социально конфликтовало. Конфронтационность становилась определяющей его характеристикой. Становилось очевидным, что уже ничто не могло примирить это общество. Власть проявляла полное пренебрежение к интересам огромной массы населения, а в народе нарастало массовое недовольство властью.

Консерватизм как охранительное течение уже больше не преваляло в общественно-политическом сознании. Охранители наивно полагали, что мужик – опора трону и Отечеству, надо только убрать смутьянов и поджигателей. Облагораживающее течение связывалось с подвижнической деятельностью растущего в России мещанства и с «хождением в народ» дворян и разночинной интеллигенции для его просвещения, как культурного, так и политического. Культурное просвещение строилось на иллюзии интеллигенции поднять крестьянство до своего уровня: из мира «дольнего» в мир «горний». Хождение в народ, желание осчастливить его, направить к лучшей доле, столкнулись с вопросом: кто у кого должен учиться культуре, нравственности и духовности. Простонародье из глубинки у столичных просвещённых классиков или просвещённые классики у простонародья. Вопрос состоял в том, что для народа лучше: допетровская патриархальность или радикальные, революционные преобразования. Русская душа в пору исторического безмолвствования простолюдина с его представлениями о добре и зле, красоте и пользе, ценностях земных и духовных, расходилась с представлениями народников. Углублялся конфликт между теми, кто ходил в народ, и народом.

Вскоре в общественное сознание россиян не без интеллигентского влияния были привнесены представления о социализме как

новом социально-политическом явлении, где нет эксплуатации и произвола. Революционная интеллигенция восприняла новые идеи как средство для низвержения монархии и захвата власти организацией революционеров методом индивидуального террора.

Известные нереализованные политические воззрения всё больше концентрировались в идейно-политические течения, которые, в свою очередь, организационно оформлялись в многочисленные политические партии.

Многопартийность, ставшая совершенно новым явлением в общественно-политической жизни России, ещё больше разобщила общество. Если достижения европейской цивилизации в развитии общественной мысли во всех сферах человеческой жизнедеятельности исторически созревали и утверждались, то в России всё воспринималось на веру, без анализа целесообразности, политической дальновидности, учёта менталитета, или полностью отторгалось, как иностранное, с упованием на отечественную самобытность, свой жизненный и социально-исторический опыт.

Спор западников и славянофилов по вопросу о том, «каким путём России идти дальше», ни к чему не привёл, все течения общественной мысли уверовали в собственную непогрешимость, знание и владение абсолютной истиной в последней инстанции.

Идеологи всех идейных течений активно участвовали в общественно-политической деятельности, готовили февраль и октябрь 1917 г., входили во власть и находились во власти, обладая всей полнотой политических полномочий. Об огромной дистанции, отделявшей власть от человека, писал ещё В. А. Гиляровский: «В России две напасти: внизу – власть тьмы, а наверху – тьма власти».

Что изменилось в истории русской интеллигенции? Сам тип бытия в культуре, который был создан и сохранялся в прошлом интеллигенцией, оказался сегодня размытым. Бытие приобрело потребительский характер. Высокая культура превратилась в объект потребления.

Новые социальные реалии породили новые для менталитета, основанного на традиционном гуманизме, испытания, которые требуют научной оценки, чтобы российское общество могло продолжить своё существование, мысля себя как человеческое, культурное и гражданское.

Интеллигенция, воплощая высокие нравственные качества совершенного человека, сыграет свою роль в будущем, т. к. без интеллигенции и учёта её роли в обществе неполными по смысловому значению будут такие понятия, как «российская культура» и «российская цивилизация».

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Париж, 1955.
2. Герцен А. И. Сочинения в 9 т.: Т. 5. Былое и думы. Ч. 4–5. – М., 1956.
3. Грибоедов А. С. Загородная поездка. Сочинения. – М., 1988.
4. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению в России // Киреевский И. В. Критика и эстетика. – М., 1979.
5. Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // РОССИЯ / RUSSIA. – Вып. 2 [10]. – М., 1999.

ПРОСВЕЩЁННЫЕ СЛОИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Д. К. Алиева

Дербентский институт искусств и культуры,
г. Дербент, Россия

Summary. Russian intelligency possesses an important role in formation of spiritual life of the people of the North Caucasus. Russian scientists collect an extensive and valuable material about history and culture of the North Caucasus. Spiritual inhabitancy promotes an eminence of the person.

Keywords: Russian intelligency, education, medicine, the literature, influence.

Интеллигенция, по словарю С. И. Ожегова, – люди умственного труда, обладающие образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры; общественный слой людей, занимающихся таким трудом. Интеллигент – лицо, принадлежащее к интеллигенции [1]. Именно русской интеллигенции принадлежит важная роль в формировании духовной жизни народов Северного Кавказа. В современных условиях наметились новые подходы к проблеме изучения истории интеллигенции, её методологии, теории, источниковедения и историографии. В исследованиях ученых М. А. Абдулаева, Г. Г. Гамзатова, В. К. Горданова, Б. А. Калоева, Г. Ш. Каймаразова, Р. М. Магомедова, И. М. Саидова, А. И. Свистуновой и многих других в значительной степени отражена данная проблема. Анализ литературы позволяет сделать вывод, что и сегодня наши подходы к проблеме интеллигенции, её места и роли в общественной жизни, в развитии Северо-Кавказского экономического региона мало отличаются от подходов наших предшественников. Однако многие аспекты данной проблемы не нашли отражения в трудах российских учёных. По мнению А. И. Манаенкова и Г. М. Мирзоева такие вопросы, как взаимоотношения интеллигенции и государства в

истории народов Северного Кавказа второй половины XIX–начала XX века, интеллигенция как фактор общественной жизни региона в начале XX века, вопросы влияния русской культуры на становление и развитие просвещения, формирование прогрессивных сил Северного Кавказа, требуют более тщательного исследования [2].

Народы Северного Кавказа были связаны с Россией и русским народом многовековыми узами, уходящими в древние века. В сложной, противоречивой обстановке постепенно складывались предпосылки влияния на народы региона русской культуры. Русские учёные положили начало историко-археологическому изучению Северного Кавказа. Примером изучения горских кавказских языков являются работы учёного П. К. Услара, монографически описавшего наиболее крупные языки Дагестана – аварский, лакский, кюринский (лезгинский), хюрклинский (даргинский) и табасаранский. Исследования П. К. Услара положили начало научному изучению дагестанских языков, заняли почетное место в истории русского языкознания и до настоящего времени сохраняют своё научное значение. Они содержат подробные грамматические очерки, комментированные тексты и богатый фразеологический материал к словарям [3].

Работы П. К. Услара вызвали огромный интерес в научном мире к изучению кавказских языков, и в первую очередь – дагестанских тюркских языков. В 1889 году появилась работа Р. Эркерта «Языки кавказского корня» [4], представлявшая первую попытку сравнительного изучения данных языков. В своё время она возбудила заметный интерес к изучению не только языков кавказского корня, но и разгадке древних мёртвых языков Передней Азии.

Именно русскими учёными собран обширный и ценный материал об истории и культуре Северного Кавказа. Гении русского народа А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, А. С. Грибоедов гуманно и сочувственно отнеслись к горским народам Кавказа. Идеи классической литературы XIX в., русского просветительства оказали большое влияние на формирование горской интеллигенции. В русской печати выступали со статьями, очерками, рассказами Д. Бутаев, Д. Маллатиханов, М. Хандиев, Д. Шихалиев. В результате роста культуры возникает новая горская литература. В Дагестане – это Казим Бек, Ирчи Казак, Омарлы Батырай, Гамзат Цадаса. Русские интеллигенты Я. М. Неверов, А. П. Скрабе, Л. А. Егоров, С. М. Иванов, И. Я. Яковлев принимали участие в создании школ. В распространении медицинских знаний, санитарном просвещении населения большую роль играли русские врачи Е. Д. Поухверов, Г. С. Кузнецов. В 1847 г. в Дагестане Н. И. Пирогов впервые в истории применил эфирный наркоз. Слава доктора Пирогова распространилась по всему Дагестану, к нему обращались местные жители за медицинской помощью.

На Кавказ, после отбывания сибирской каторги, были сосланы 68 офицеров-декабристов. Среди них были А. И. Одоевский, А. А. Бестужев-Марлинский, М. М. Нарышкин, М. А. Назимов, В. Н. Лихарев и другие. Декабристы с большим вниманием относились к истории горских народов, познакомились с их своеобразной культурой, языком, обычаями. А. А. Бестужев-Марлинский, проживая в Дербенте, установил дружеские отношения с местным населением. Здесь им были написаны повести «Аммалат-бек», «Мулла Нур», «Кавказская стена». Горцам посвящены «Письма к доктору Эрдману», «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев», «Шах Гусейн» и другие. События и факты, описанные в произведениях Бестужева, будили в читателе жажду свободы, чувство уважения к народам Кавказа. С другой стороны, его дружеское отношение к горцам оказывало влияние на местное население, которое убеждалось, что в России живут люди, достойные уважения и сочувствующие горцам.

История культурной деятельности интеллигенции и её проблемы в современный период перекликаются. Определённые закономерности предшествующего периода так же оказываются актуальными и сегодня. В проекте Декларации прав культуры, разработанном под научным руководством Д. С. Лихачёва в 2001 г., сформулирован подход к месту и роли культуры в жизни общества. «В настоящей декларации под культурой понимается сотворённая человеком материальная и духовная среда обитания, а также процессы создания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека». А культурно-историческое наследие рассматривается «как форма закрепления и передачи совокупного духовного опыта человечества (язык, идеалы, традиции, обычаи, обряды, праздники, памятные даты, фольклор, народные промыслы и ремёсла»[5]. Многие положения целого ряда документов, принятых в последние годы в России, ориентируют общество на консолидацию, сохранение единого социокультурного пространства страны, преодоление этнонациональной напряжённости и социальных конфликтов на началах приоритета прав личности, равноправия национальных культур и различных конфессий. И, конечно же, именно интеллигенция формирует, развивает и сохраняет культуру межнациональных отношений.

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд. – М.: Рус. яз., 1990. – 921 с. – С. 251.
2. Манаенков А. И., Мирзоев Г. М. Российская интеллигенция и вопросы использования исторического опыта культурного строительства на Северном Кавказе // Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее. Международная научная конференция. Тезисы докладов. – Краснодар, 1996. – С. 105.

3. Муркелинский Г. Б. Языки Дагестана. – Махачкала, 1995. – С. 13.
4. Erckert R. Der Kakasus und seine Volker. – Leipzig, 1887; Die Sprachen des kaukasischen Stammes. – Wien, 1896.
5. Декларации прав культуры, (проект), 3-е изд., испр. – Д28. – СПб.: СПбГУП, 2001. – Статья 1.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАДРОВОГО НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА В СИСТЕМЕ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В 1930-Е ГОДЫ

О. В. Милаева
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

Summary. In the article is analyzed the process of creation in the USSR in 1930th years of a body of highly skilled specialists in the system of higher educational institutions. Dynamics of their qualitative and quantitative structure is traced and analyzed.

Keywords: scientific potential highly skilled specialists, Higher school modernization, history of the Soviet science.

Проблема роста и совершенствования кадрового потенциала науки всегда была объектом общественного внимания, но в настоящее время в связи с интенсификацией научной деятельности она стоит особенно остро. Несомненным приоритетом в сфере высшего образования и подготовки научных кадров является создание корпуса высококвалифицированных специалистов, предназначенного для решения социально-экономических проблем и реализации оптимальных моделей общественного и научного развития.

В Советском государстве в 1930-е годы активно развивалась радикальная модернизация научно-кадрового потенциала страны, создавались необходимые для этого инфраструктуры. Ключевым и базовым фактором развития системы высшего образования, проведения научных исследований в высших учебных заведениях, безусловно, является её профессорско-преподавательский состав. К развитию научно-исследовательской работы уровень квалификации учёных имеет прямое отношение.

Целью данной статьи является исследование возможностей структурных элементов научных кадров, качественная и количественная характеристика их, изучение движения кадровых ресурсов (моделей движения). Формально-статистический анализ показывает как общественную тенденцию развития кадрового обеспечения науки, так и его состояние на каждый зафиксированный момент.

Экстенсивный рост экономики, характеризующийся в промышленности высоким годовым ростом темпов развития в 1928-

1930-м годах, к 1931 году стал ощутимо упираться в границы своего развития в силу недостаточности имеющегося кадрового потенциала. Главной проблемой была нехватка кадров высшей квалификации работников физического и умственного труда. Не случайно, что на смену технократическому подходу (техника решает всё) приходит личностный (кадры решают всё). 1930-е годы представляют собой постепенное развитие государственной кадровой политики от решения кадровой проблемы валовым способом с помощью мобилизационных средств к акцентированию внимания на качественных показателях.

В 1930 году Рабоче-крестьянская инспекция СССР по заданию Госплана обследовала научно-исследовательские учреждения (далее НИУ), в том числе вузы и втузы. Инспекцией было констатировано, что многие ведомства уделяют слабое внимание и даже «не имеют сведений о численном составе физических лиц научных кадров, их специальностях, партийной и социальной принадлежности» [1]. Таким образом, даже в центральных органах Госплана, не говоря уже о провинции, не имелось элементарных сведений о кадрах научных работников. Нет более или менее точных данных и в других органах, например, в Центральном Бюро Секции научных работников (далее СНР). Единственно доступными являются данные Госплана СССР за 1929 год. По ним можно судить, что среди общего количества научно-исследовательских и научно-педагогических кадров 43 % начали свою деятельность до революции. Из остальных треть окончила дореволюционные вузы и имела дореволюционный стаж работы, то есть формировали своё мировоззрение в дореволюционное время. Советские вузы окончили 27 % научных работников, но при этом нужно учитывать, что многие из них поступили в вуз в дореволюционное время и представляли собой классово чуждые элементы. Комиссией Госплана отмечалась чрезвычайно низкая рабоче-крестьянская прослойка среди контингента научных работников. По данным Комиссии на территории РСФСР на 1929 год из числа научных работников 4,5 % являлись выходцами из рабочих и 15,7 % – из крестьян. Партийная прослойка среди научных работников составляла 8–9% , каково распределение членов партии среди научных работников по отдельным специальностям представлено в таблице 1 [2].

Таблица 1. Партийная прослойка среди научных работников

Сельскохозяйственные	6,2 %	Медицинские	10,6 %
Индустриально-технические	7,8 %	Педагогические	11,0 %
Транспорт	4,4 %	Литература и искусство	6,7 %
Социально-экономические	13,9 %	Универсальные	11,3 %

Как следует из представленных в таблице 1 данных, наиболее высокая партийная прослойка фиксировалась в составе научных работников социально-экономических специальностей, наименьшая – среди представителей сельскохозяйственных наук. Комиссией Госплана особо отмечалось, что среди научных работников не ведётся работы по повышению уровня их марксистско-ленинской подготовки. Таким образом, ни социальное, ни партийное, ни идеологическое состояние кадров научных работников не было признано удовлетворительным. Учёта по уровню научной квалификации и по должностям не проводилось.

И только в 1931 году была проведена первая специализированная профессиональная перепись сферы науки. Её данные отразили состояние основных сторон научного потенциала на 1 марта 1931 года. Перепись была проведена Центральным управлением народнохозяйственного учёта (далее ЦУНХУ) Госплана СССР – сектором культуры и науки. Она способствовала выявлению двух сторон науки: институциональной (бланки по форме «А» – обследование НИУ) и личностной (бланки по форме «Б» – учёт научных и научно-технических работников). Научно-исследовательские учреждения, подлежащие обследованию, подразделялись на шесть типов. Отмечалось, что в отличие от первого подобного мероприятия, проводимого в 1929 году, из настоящего обследования будут исключены некоторые НИУ, но проверке подвергнутся кафедры вузов и втузов, ведущие НИР (причём по всему СССР, а не только по УССР, как в 1929 году). Собственно научные работники вузов, как и остальных учреждений, учитывались по бланку по форме «Б». Форма включала 53 вопроса, касавшихся национальности, социального происхождения, занятий опрашиваемого с двенадцатилетнего возраста, службы в армии, образования, специальности, основной научной деятельности, партстажа, занимаемой должности, семейного положения, жилплощади и т. д., то есть бланк представлял собой несколько видоизменённую личную карту. Все данные заполнялись в двойном экземпляре: первый шёл в Госплан для статистических подсчётов через ЦУНХУ, второй должен был оставаться в соответствующих учреждениях краёв и областей [3]. Данные переписи, обработанные ЦУНХУ, в 1932 – 1934 годах были введены в научный оборот И. С. Самохваловым [4]. Но в информации, содержащейся в переписи и опубликованной, отсутствовал региональный компонент. После необходимых расчётов первичные бланки формы «Б» (учёт кадров) были уничтожены. Имеются лишь бланки формы «А». Динамика численности научных работников по СССР с 1929 по 1940 годы представлена нами в таблице 2 [5].

Таблица 2. Динамика численности НР по СССР (1929-1940 годы)

Годы	Численность НР, тыс. человек	В том числе	
		В вузах	В отраслевых и академических НИИ
1929	36,4	13,8	22,6
1931	57,8	26,2	31,6
1934	65,5	24,2	41,3
1937	80,0	42,4	37,6
1940	98,3	61,4	36,9

В количественном отношении кадровый потенциал вузов РСФСР характеризовался следующими цифрами. В 1930 году в РСФСР было 18181 человек (из них профессоров – 7116 человек, доцентов – 11065 человек); в 1934 – 22873 человек (профессоров – 7541, доцентов – 15332 человека); в 1937 – 13340 (4340 и 9000 человек соответственно); в 1940 – 18458 (5353 и 13105 человек соответственно) [6].

На основе анализа данных предлагаемой таблицы 2 и данных о движении контингента профессорско-преподавательского состава в 1930-е годы можно прийти к некоторым основным выводам.

Годы первой пятилетки характеризовались значительным увеличением качественных и количественных характеристик кадрового научного потенциала. Но темпы качественного роста ППС в вузах РСФСР были сравнительно низки и составляли в 1930–1934-м годах от 1 до 1,5 %. Иная ситуация складывается при анализе количественного роста общего числа вузовских НР: его темпы за указанный период в СССР варьируются от 17 % до 18 % (учитывая, что территориально большая часть НР находилась в РСФСР и определяла основные тенденции развития научных кадров страны). Такое сопоставление будет вполне уместно. Но и количественный рост ППС вузов был всё-таки недостаточным. Для сравнения: за годы первой пятилетки число НР различных НИИ возросло более чем в 2 раза, в отдельные годы темпы роста составляли 60 %. В целом качественный и количественный показатели кадрового потенциала в годы первой пятилетки постепенно росли, но количественный рост значительно опережал качественный, обеспечивая прогрессивную экстенсивную модель развития научного потенциала. С точки зрения возможностей кадровой структуры экстенсивный путь ещё только начинал использоваться для расширения контингента НР и не исчерпал своих возможностей. Но такая модель, когда нарастающая масса работников компенсирует отсутствие высоких качественных показателей, может эффективно работать сравнительно короткий срок. Следует отметить, что отставание качества подготовки вузовских работников было связано не только с логикой собственно научного развития, но и с привнесёнными социальными обстоятельствами: несформированной системой квалификационной аттестации НР, второстепенным положением вузовской науки.

Годы второй пятилетки наиболее противоречивы с точки зрения формирования кадрового научного потенциала. Наблюдаются принципиально различные тенденции в отношении роста НР в разных секторах науки. Фиксировался сравнительно стационарный поступательный процесс роста научного потенциала в целом по секторам науки со среднегодовым темпом 11–12 %. Однако в отраслевом и академическом секторах темпы роста снизились до 9 %. При разграничении НР на две категории – преподавателей и исследователей, становится заметным важный переломный момент: наблюдается снижение числа исследователей в рамках общего подъёма численности НР (уже в 1937 году численность ППС превысила число исследователей). Объяснялось это тем, что растущая индустрия нуждалась не в притоке новых исследовательских результатов (которые при существовавшем уровне материальных ресурсов и владении техникой не могли быть внедрены), а в притоке высококвалифицированных специалистов и широкой репродукции уже имеющегося информационного фонда, чего не могла обеспечить отраслевая и академическая наука. В отношении количественной составляющей кадрового потенциала вузов годы второй пятилетки характеризуются стабилизацией темпов роста на 17 % в среднем. Но качественная характеристика резко падает: высококвалифицированный ППС вузов (количество профессоров и доцентов) уменьшается в среднем в РСФСР на 58 %, количественный рост достигается за счёт младшего научного персонала. Весьма показательное следующее сравнение: ППС вузов РСФСР составлял в 1934 году 22873 человек [7], а в 1937 году уже по СССР только 19114 человек [8].

В целом для развития кадрового потенциала во вторую пятилетку характерна негативная модель развития: количественный рост замедляется, не исчерпав полностью возможности экстенсивного пути развития, а качественный рост вообще резко идёт вниз. В дальнейшем количественный рост уже не сможет компенсировать качественное ухудшение. Причин этого можно назвать несколько.

Одна из них связана с проецированием системы государственного идеологического контроля на сферу науки и чистками партийных рядов по признаку социального происхождения, практиковавшимися первичными партиячками вузов; а так же проведением идеологических кампаний – по борьбе с троцкизмом, троцкистско-зиновьевской оппозицией, вредительством, «педологическими извращениями», извращениями марксистско-ленинской теории, различными научными школами (Покровского, Чаянова, Кондратьева и др.). Этот процесс укладывался в рамки процесса формирования новых мировоззренческо-методологических научных установок и ликвидации диссидентствующих представителей ППС. Представленные Госпланом СССР данные дают возможность утверждать, что наиболее квалифицированные кадры ППС, особенно профессура, в силу

возрастных особенностей, наличия большого дореволюционного научного стажа, приверженности старым научным школам и т. п., попадали под категорию «неблагонадёжных» и подвергались репрессиям в первую очередь. Это, а также отсутствие разработанной эффективной системы воспроизводства собственных советских кадров высшей квалификации, которая ещё только начинала складываться, привели к тому, что качественная убыль не компенсировалась даже довольно быстрым количественным ростом научной интеллигенции.

Другая причина состояла в повышении требований к квалификации НР и более точном их учёте. Разрабатывая планы народнохозяйственного развития на второе пятилетие, Сектор планирования науки Госплана СССР по кадрам ставит следующую задачу: необходимость количественного удвоения числа НР. При этом особое внимание уделяется таким вопросам, как: 1) источники покрытия прироста научных кадров; 2) пути переподготовки НР; 3) упорядочение подготовки аспирантов.

Учёным комитетом при ЦК СССР при проектировании плана по кадрам на второе пятилетие были разработаны основные критерии по учёту кадров в подчинённых ему вузах, эта система была принята для разработки во всех вузах страны [9]. Соответственно этим критериям под понятием НР понимались лишь те работники вузов, которые действительно вели НИР и владели методологией научного исследования. Младший научный персонал в число учитываемых работников включать не следовало (потребность в нём проектировалась особо). НР по квалификации разделялись по критериям ведения НИР самостоятельно или под руководством.

При планировании покрытия прироста НР организациям следовало максимально точно определить их наличный состав, их распределение по специальностям (применительно к номенклатуре выпускаемых аспирантов).

«С особым вниманием дать оценку и сделать соответствующие выводы, касающиеся классовой и политической их ценности, обосновывая их цифровыми данными» [10]. Особую проблему представляло «обоснование цифровыми данными» отчётов о количестве НР в регионах, т. к. даже в годы третьей пятилетки не всегда имеются данные о ППС вузов, несмотря на неоднократные предписания как местных органов контроля, так и Главных управлений вузами (далее Гувузов) соответствующих наркоматов и ведомств и Всесоюзного комитета по делам высшей школы (далее ВКВШ).

Необходимым параметром определения качественного состава НР была партийная прослойка. В плане по кадрам на второе пятилетие ставилась задача увеличить количество членов партии среди НР до 75 %, «особенно в тех отраслях знания, которые имеют актуальное значение» [11]. В центре и в регионах особо вёлся учёт и контроль партийной принадлежности преподавателей социально-

экономических дисциплин – как особо перспективных в трансляции новой методологии и государственной идеологии.

В планах по учёту научных кадров предписывалось учитывать убыль научных работников с указанием причин (смерть, возраст, отсевание по социально-классовому признаку или малой научной ценности).

Особо Учёным комитетом отмечалась необходимость в пятилетнем плане по кадрам «дать районный разрез», особо следовало остановиться на мероприятиях по покрытию потребности в НР в тех областях науки, где недостаток в них был наиболее значителен и которые являлись приоритетными в деле реконструкции народного хозяйства.

В соответствии с разрабатываемыми планами по НИР, планы по кадрам должны были отражать и финансовую сторону подготовки научных кадров (расход по аспирантуре, на научные командировки, стипендии выдвигенцам и т. д.).

Учёный комитет пытался разрешить проблему оптимизации территориального размещения научных кадров, преодолевая скопление их в центральных районах, когда «у крупного профессора учатся всего какие-нибудь десятки студентов», а перераспределяя научный потенциал в наименее обеспеченные регионы. Решение поставленной задачи предполагалось несколькими методами: использованием крупных специалистов в качестве организаторов учебной и научной работы и для подготовки кадров; прикреплением к такому специалисту нескольких вузов для создания базы для НИР; систематическим написанием специалистами учебных и методологических пособий; созданием выездных бригад профессоров по разным специальностям в сопровождении коммуниста-методиста.

Таким образом, проблему накопления научного кадрового потенциала в начале второй пятилетки пытались решить форсированными темпами и директивно-плановыми методами. Но благодаря государственному вмешательству и законодательному регулированию, развитие кадрового потенциала вузов в годы второй пятилетки было направлено в сторону постепенного перспективного роста качественных показателей.

Результаты этого сказались гораздо позже, пока же было налицо резкое снижение всех показателей, что в совокупности с репрессивной политикой в отношении учёных сильно затормозило рост числа НР в период третьей пятилетки. Темпы количественного роста научных кадров в целом колеблются от 12 % до 13 %; по вузам они составляют 14 %, т. е. на 5–6 % выше, чем в различных НИИ, но на 3–4 % ниже, чем в годы второй и третьей пятилеток. Показатели качественного роста составили в среднем 13 % в год, что значительно опережает соответствующие показатели предыдущих пятилеток [12].

Следовательно, для третьей пятилетки характерна позитивная модель развития кадрового потенциала, то есть было найдено оптимальное сочетание интенсивного и экстенсивного путей развития кадров. Этому также способствовало окончательное структурное оформление процесса подготовки научных кадров и повышения их квалификации, разработка единых квалификационных требований.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-7668 Оп. 1. Д. 338. Л. 11.
2. ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 338. Л. 18.
3. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 17. Д. 462. Л. 61–69.
4. Самохвалов И.С. Кадры научных работников. – М., 1934.
5. Научные кадры СССР. – М., 1956; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. – М., 1992.
6. Галкин А. А. На изломах социальной структуры. – Киев, 1983.
7. Там же. С. 88.
8. Методы научного анализа. – Л., 1986; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. – М., 1992.
9. ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 234. Л. 7. Указания и рекомендации Учёного Комитета по составлению плана по научным кадрам вузов, НИИ, НИУ.
10. Там же. Л. 10.
11. ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 234. Л. 7 (об.).

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В СССР И ПРОБЛЕМЫ ИХ АТТЕСТАЦИИ В 1930-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ВУЗОВ ПОВОЛЖЬЯ)

О. В. Милаева

**Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия**

Summary. In the article is described the organization of system of preparation of the scientific and pedagogical staff in the USSR in 1930 in higher educational institutions on an example of Volga region is analyzed. Рассматриваются нормативные государственные акты, регулировавшие процесс реорганизации системы высшего образования на протяжении всего периода. The normative state documents adjusted process of reorganization of system of higher education during all period are considered. Processes of formation of system of certification of the staff of the top skills in the USSR are analyzed.

Keywords: scientific potential highly skilled specialists, Higher school modernization, postgraduate study, history of the Soviet science.

В процессе организации аспирантуры в предвоенное десятилетие можно выделить три этапа, связанных с государственным зако-

нодательным регулированием. 1929–1933 годы – первоначальное организационное оформление института аспирантуры с высокими темпами наращивания её количественного потенциала. 1934–1938 годы – разработка законодательных основ функционирования и частных вопросов оптимизации структуры аспирантуры; в данный период наблюдалась стабилизация количественного роста научного потенциала. 1939–1941 годы – завершение на государственном и законодательном уровнях процесса организации института аспирантуры, который в основных чертах продолжает существовать до настоящего времени; был найден оптимальный баланс между наращиванием качественной и количественной характеристик научного потенциала.

С включением подготовки научных кадров в приоритетные направления государственной политики в области образования были достигнуты высокие показатели количественного роста аспирантуры в течение одного десятилетия (таблица 1 [1]).

Таблица 1. Рост контингента аспирантуры с 1930 по 1941 гг. по СССР

Отрасль хозяйства и культуры	Количество вузов, готовящих аспирантов	Всего аспирантов	Из них	
			Коммунистов В %	Комсомольцев В %
Промышленность и строительство	78	2784	29,5	29,5
Транспорт и связь	18	662	32,3	25,2
Сельское хозяйство	63	849	28,9	31,8
Социально – экономическая	25	661	35,1	39,0
Просвещение	58	2296	25,2	34,4
Искусство	12	270	8,1	24,4
Здравоохранение	58	1689	11,8	22,3
Всего по СССР	312	9175	25,1	29,8

Наиболее высокие темпы роста аспирантуры фиксируются в годы первой и третьей пятилеток, что связано в годы первой пятилетки с началом процесса организации аспирантуры, а в годы третьей пятилетки – с окончательным оформлением её организационных структур, установлением норм государственного планирования в области подготовки кадров и законодательной базы работы аспирантуры. Годы второй пятилетки явились периодом стабилизации роста контингента аспирантуры и основным периодом разработки законодательства в этой области. В целом с 1930 по 1940 год по СССР было подготовлено 110, 3 тысячи аспирантов, из них 74,7 тысяч, то есть 68 %, при вузовских аспирантурах [2]. В отличие от НИИ вузы имели более

квалифицированную научную теоретическую базу и требовали меньших финансовых затрат (по данным 1932 года на подготовку научных кадров через аспирантуру НИИ выделялось 78 % от общего количества финансовых затрат на подготовку научных кадров, а аспирантура вузов финансировалась по остаточному принципу).

Формирование системы подготовки научных кадров шло параллельно в центре и регионах и отличалось тенденцией к универсализации и единообразному планированию процессов, темпов, показателей развития. Специфические черты и особенности работы аспирантуры вузов в Поволжье рассмотрим ниже.

Особенностью научного развития Поволжья в этот период стал параллелизм, а не последовательное прохождение в годы первой пятилетки процессов создания разветвлённой сети вузов (с 1929 по 1932 год в Самаре были открыты 18, в Саратове 14, в Ульяновске 1 вуз), организации плановой научно-исследовательской работы в вузах, формирования системы подготовки научных кадров (аспирантуры).

С 1930 по 1932 год аспирантура в Средневолжском крае была организована при сельскохозяйственном, педагогическом, медицинском институтах, Комвузе в Самаре. В Саратове с 1930 по 1932 год были открыты аспирантуры при СГУ, педагогическом, медицинском, плановом, сельскохозяйственном институтах, институтах Советского права и Советского строительства.

Основной проблемой организации аспирантуры в Поволжье, как и по стране в целом, было форсирование темпов её становления, упор на количественные показатели, необеспеченность материально-технической базой, нехватка кадров. Другая проблема заключалась в том, что органы государственного контроля и Госплан на высшем уровне, наркоматы, в ведении которых находились вузы, не имели чёткого представления о научном потенциале конкретных институтов и университетов, при которых организовывалась аспирантура, что приводило к завышению плановых показателей по цифрам приёма, которые вузы выполнить не могли по объективным ограничениям.

Попытки упорядочить и внести плановость в работу аспирантуры, в подбор и учёт контингента аспирантов предпринимались Учёным комитетом при ЦИК СССР при разработке указаний для вузов по вопросам организации аспирантуры, где подчёркивалась необходимость согласования плановых показателей с возможностями и потребностями вузов, но при согласовании с потребностями ведущих научных отраслей хозяйства края. В планах вузов по подготовке научно-педагогических кадров необходимо было представлять анализ настоящего состава аспирантов, источников его пополнения (студенты-выдвиженцы, студенты старших курсов, младшие

научные сотрудники, повышающие квалификацию). В пятилетнем плане должна была быть представлена развёрнутая и вполне конкретизированная система мероприятий по улучшению подготовки аспирантов с установлением среднего срока обучения в аспирантуре в 2 года. Так же в плане необходимо было отразить финансовую сторону подготовки научных кадров (стипендии, оплату научного руководства, научные командировки и т. д.).

Однако при организации аспирантуры в регионе был упущен очень важный момент: ни при одном вузе не был создан совет по защите кандидатских диссертаций, а большинство их не имели права принимать вступительные аспирантские испытания и кандидатские экзамены. Наблюдалась организационная слабость института аспирантуры, особенно в годы первой пятилетки: не было планов по набору контингента, индивидуальных планов работы аспирантов, отсутствовали отчётность по результатам и эффективности работы аспирантуры; не было точных цифр по источникам покрытия (по социальному и партийному составу). Отсутствие реального государственного контроля над деятельностью аспирантуры на местах приводило к диспропорции между государственными планами по подготовке аспирантов и существующим положением дел. Так, Наркомздрав, в ведении которого находились медицинские институты, в частности Самарский, считает, что подготовка аспирантов в медицинском институте (существующем всего один год) будет обеспечена на 90 % (особенно по клиническим специальностям) и в первое пятилетие существования в Самаре медицинского института предполагалось подготовить по теоретическим и клиническим кафедрам в общей сложности 109 аспирантов [3]. Однако за всё предвоенное десятилетие не было подготовлено и половины предполагаемого контингента по государственной развёрстке. За годы первой пятилетки (данные 1933 года) в Самарском сельскохозяйственном институте число аспирантов составляло 30 человек, что в три раза меньше предполагаемых государственной развёрсткой цифр [4]. Запоздывал также набор в аспирантуру. Так, параллельно с созданием Саратовского медицинского института в 1930 году при нём была создана и аспирантура, но первый аспирантский набор прошёл только в 1932 году, и количество обучающихся по основным специальностям составило там 30 человек [5]. С осени 1932 года планировалось увеличить аспирантский контингент в Самарском педагогическом институте с 10 аспирантов в 1931 году до 18 в 1932, что также не было реализовано, так как не хватало научно-технического и финансового обеспечения [6]. Предполагалась организация аспирантуры при Ульяновском педагогическом институте с контингентом в 37 аспирантов [7]. Но с учётом полного отсутствия кадров высшей квалификации для руководства в

Ульяновске вузовская аспирантура до 1941 года так и не была создана.

Тенденция общего количественного роста, характерного в данный период по всей стране, хорошо просматривается в возрастании численности аспирантов в вузах Саратова – с 153 аспирантов в 1931 году до 167 человек в 1933 году. Наиболее интенсивный рост контингента аспирантуры наблюдается в СГУ – с 47 человек в 1931 году до 73 человек в 1933 году [8]. Количественный скачок, фиксируемый в 1931–33 годах, сменяется впоследствии (из-за большого числа выбывших по различным причинам) процессом стабильного роста с невысокими темпами [9].

Организационные правительственные мероприятия этого периода имели целью утвердить аспирантуру в качестве основной формы подготовки кадров высшей квалификации. В 1932 году ЦИК СССР издаёт постановление от 19 сентября 1932 года «Об учебных программах в высшей школе и техникумах» [10]. Впервые на государственном уровне была восстановлена обязательная публичная защита диссертации на соискание учёной степени, отменённая в 1919 году. Контроль за подготовкой научных кадров был возложен на Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию при ЦИК СССР.

На местах комиссиями горкомов и первичными партийными комитетами вузов проводились регулярные обследования вузовского аспирантского контингента. Особое внимание уделялось социальному и партийному составу аспирантов. Рассмотрим это на примере социального контингента Саратовских вузов за 1933–1934 годы [11]. Партийная прослойка составляла 64 %, то есть из 167 аспирантов 107 являлись членами и кандидатами ВКП(б) и ВЛКСМ, что соответствовало установленным требованиям (1932 год) увеличения партийной прослойки по крайней мере до 50 % от общего контингента. По социальному составу 44 человека являлись выходцами из рабочих и крестьян, 11 – из служащих. Социальный состав остальных не обследовался [12]. Динамику социального состояния и партийной прослойки можно проследить на примере СГУ [13]. В 1933 году в СГУ из 74 аспирантов выходцы из рабочих составляли 61 %, из служащих – 16 %, прочих – 1, 4 %. Партийная прослойка составляла 24 % от общего количества. В 1934 году из 60 аспирантов рабочие составляли – 41 %, выходцы из крестьян – 53 %, служащих – 23 %. Партийная прослойка была представлена 71 %. В 1935 году – 49 аспирантов (рабочих – 28 %, крестьян – 43 %, служащих – 8 %). Партийная прослойка сократилась до 16 %. Таким образом, с начала существования аспирантуры был обеспечен устойчивый перевес социально-приемлемых элементов в аспирантуре, но устойчивого партийного большинства достигнуто не было.

Большой проблемой организации аспирантуры при вузах было затягивание центральными инстанциями процесса её документального утверждения. Так, в акте обследования СГУ парторганизацией в 1933 году отмечалась «ударная подготовка “кадров для кадров”», но также констатировалось то, что аспирантура центральными органами не утверждена. В 1933 году, после восстановления в университетах факультетской системы, заново разработанный университетский устав возлагал на университеты следующие задачи в области воспроизводства научных кадров: а) подготовку квалифицированных специалистов-исследователей по общественным дисциплинам; б) подготовку через аспирантуру высококвалифицированных работников для самостоятельной научно-исследовательской и педагогической деятельности в вузах и научных учреждениях [14].

Следующим этапом организационного оформления института аспирантуры было постановление СНК СССР от 13 января 1934 года «О подготовке научных и научно-педагогических работников» [15]. Подготовка аспирантов была оставлена лишь в тех учреждениях, которые были обеспечены высококвалифицированными кадрами профессуры, причём распределение контингента приёма было принято в расчёте не более пяти аспирантов на профессора-руководителя. Повышались требования к кандидатам в аспиранты – преимущественно пользовались лица со стажем работы и высоким уровнем научной подготовки. Для получения кандидатской степени необходимо было успешно окончить аспирантуру или сдать соответствующие экзаменов вне аспирантуры, пройти публичную защиту.

В ходе реализации данного Положения аспирантура в Поволжских вузах была оставлена лишь при наиболее мощных из них. В Самаре – при педагогическом, медицинском, сельскохозяйственном институтах; в Саратове – при СГУ, медицинском, педагогическом, сельскохозяйственном институтах; в Ульяновске проекты создания аспирантуры при пединституте окончательно отвергнуты.

Проверка, проведённая в 1934 году Управлением университетов и научно-исследовательских учреждений, выявила необходимость планирования подготовки аспирантов, проверки квалификационного уровня руководителей аспирантов, повышения эффективности работы аспирантуры в плане своевременной защиты аспирантами диссертационных работ [16].

Годы второй пятилетки характеризуются снижением количественно-качественного роста аспирантуры Поволжья, что соответствовало общегосударственным тенденциям. В Саратове была ликвидирована аспирантура при институте Советского строительства, плановом, институте Советского права из-за отсутствия квалифицированных кадров руководителей и достаточного набора аспирантов.

Следующим шагом государства по оптимизации подготовки научных кадров через аспирантуру было «Положение о подготовке

научных кадров в системе педагогического образования Наркомпроса РСФСР» от 30 ноября 1935 года [17]. Данное положение чётко разграничивало основные виды работы с аспирантами, устанавливало новый порядок зачисления в аспирантуру, порядок защиты диссертации. Возрастной ценз устанавливался в 35 лет, требовалось обязательное наличие законченного высшего образования и стажа научной работы по специальности не менее двух лет. Документы кандидатов в аспирантуру рассматривались в Управлении подготовки учителей Наркомпроса, после утверждения передавались директору института, который окончательно решал вопрос о зачислении в аспирантуру. Кандидатов делили на три категории: беспартийные обязаны были представить документы об успешном окончании вуза и отзывы общественных организаций; партийные обязаны были представить те же документы плюс отзывы партийных организаций; выдвиженцы – заключение кафедры и Совета института. Для отбора контингента аспирантуры на уровне непосредственно заинтересованного вуза организовывались отборочные комиссии.

Положение рассматривало также вопросы организационного порядка. Научно-исследовательская работа аспиранта должна была состоять из трёх пунктов: работы по утверждённому индивидуальному плану, составленному совместно с научным руководителем; сдачи кандидатского минимума по специальности; прохождении трёхступенчатой педагогической практики (в средней школе, ассистентская и доцентская). Работе над диссертацией отводилось три года, темы исследования официально утверждались в конце второго года Наркомпросом, который вёл учёт аспирантов и определял стипендиальный фонд. Утверждался порядок защиты диссертации и конкретные сроки выполнения по всем направлениям работы аспирантов: а) защита в течение срока обучения, предоставление работы за два месяца до окончания обучения; б) публикация сведений о защите в местной печати за десять дней до защиты; в) отправка сведений о результатах защиты в Наркомпрос в течение двух месяцев. В Положении представлены материалы по вопросам учёта аспирантов и контроля над их работой, в основном подтверждавшие соответствующие параграфы положения от 1934 года. Обращает на себя внимание тот факт, что работа по контролю и руководству аспирантурой передавалась в различные ведомственные инстанции. Для директоров вузов для улучшения работы с аспирантами были разработаны рекомендации, включавшие, помимо организационных моментов, и признание необходимым выделения из числа дирекции вуза лица, ответственного за работу аспирантуры [18].

Наиболее существенным из всей законодательной деятельности по превращению вузов в серьёзные комплексные научно-исследовательские учреждения было принятие

постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О работе высших учебных заведений и руководстве высшей школой» от 21 мая 1936 года [19]. Постановление утвердило научно-исследовательскую деятельность вузов в качестве основного вида деятельности наряду с образовательной, и при всех наркоматах, в ведении которых находились вузы, требовалось организовать управление учебными заведениями, возложив на них руководство всей работой по подготовке и переподготовке кадров высшей квалификации и инспектированию вузов по всем направлениям их работы.

Напомним, что годы второй пятилетки характеризовались качественным и количественным спадом контингента аспирантуры в общегосударственном масштабе. Фактически в середине 1930-х годов институт аспирантуры так и не стал основным источником подготовки научных кадров, что связано с ликвидацией ряда вузов и, соответственно, аспирантуры при них, а также повышением требований к качественному отбору кандидатов в аспиранты вследствие государственных организационных мероприятий. Однако при этом произошёл окончательный отбор наиболее жизнеспособных научных центров, включающих и подготовку кадров высшей квалификации. Общегосударственная тенденция нашла подтверждение и в сокращении сети учебных заведений, имевших право открывать аспирантуру и готовить кадры высшей квалификации в Поволжье. Из двенадцати вузов, которые существовали в Саратове к 1936 году, аспирантура сохранилась при четырёх (хотя в начале 1930-х годов они были организованы при девяти учебных заведениях). В течение 1934–1935 годов были ликвидированы аспирантуры при таких вузах, как Плановый институт, финансово-экономический, Советского строительства, в 1936 году при юридическом институте в Саратове. Однако ни одна аспирантура в Самаре не была ликвидирована, так как заранее создавалась при институтах, обеспеченных кадрами и материальной базой.

Как и по всей стране в целом, наблюдался значительный количественный спад аспирантских контингентов в вузах. В Самарском медицинском институте в 1937 году в аспирантуре вуза обучались всего пять аспирантов и тринадцать интернов [20]. В Самарском сельскохозяйственном институте в 1936–1937 годах обучались шестнадцать аспирантов. Из 14 вакансий на 1937 год было заполнено только одиннадцать [21]. В Самарском педагогическом институте в 1937 году обучались 17 аспирантов, а в 1938 – 19, то есть процент годового прироста контингента был сравнительно низким [22].

Организационное завершение структуры подготовки научно-педагогических кадров через аспирантуру и её централизация были достигнуты после выхода положения об аспирантуре СНК СССР от 31 марта 1939 года, подтвердившим и оптимизировавшим опыт

организации аспирантуры предшествующих Положений. В нем подчёркивалось, что аспирантура является основной формой подготовки научных и профессорско-преподавательских кадров [23]. Общее руководство этой подготовкой окончательно возлагалось на ВКВШ при СНК СССР, что ликвидировало разноречие в требованиях, предъявляемых к аспирантам различными ведомствами, и нарушения плановости в подготовке научно-педагогических и научных кадров. Возрастной ценз для поступления в аспирантуру был увеличен до 40 лет, срок обучения был установлен в 3 года. Преимущество при поступлении обеспечивалось ударникам труда. Каждый аспирант прикреплялся к квалифицированному научному руководителю, который мог одновременно руководить не более чем пятью аспирантами. Тематика работы утверждалась на первом году обучения директором, а не Наркомпросом, как ранее. Однако распределение окончивших аспирантуру осталось за ведомствами или наркоматами, что заведомо лишало вузы наиболее квалифицированных научных кадров. Также организовывалась заочная аспирантура, которая давала возможность специалистам-производственникам повышать квалификацию без отрыва от производства.

В годы третьей пятилетки контингент аспирантов основных поволжских вузов характеризовался следующими цифрами: в аспирантуре СГУ с 1938 по 1940 год обучались 106 человек; в Саратовском педагогическом институте контингент в 1939 – 1940 годах составлял 15 человек; в медицинском – сорок аспирантов, в сельскохозяйственном – восемнадцать [24]. В Самарском педагогическом институте в 1939 – 40 годах обучались 35 аспирантов, но к 1940 году выбыло 6 человек [25].

В 1938–1939 годах были пересмотрены уставы институтов и университетов, штатная и должностная системы и система подготовки кадров через аспирантуру в соответствии с «Положением об аспирантуре» 1939 года, что благоприятно сказалось на упорядочивании подготовки научно-педагогических кадров [26].

Анализ подготовки научно-педагогических кадров в системе послевузовского профессионального образования выявил ряд проблем, препятствующих его более эффективному развитию, которые были изучены ВКВШ [27]. Отметим наиболее существенные. Во-первых, планирование Гувузами наркоматов и ведомств контингента аспирантов проходило без достаточного учёта фактической потребности вузов в научно-педагогических кадрах и реальных возможностей в обеспечении аспирантов научными руководителями. Во-вторых, руководство вузов стремилось формально выполнить план по набору аспирантов и допускало зачисление в аспирантуру лиц, не выдержавших испытание, о чём свидетельствует высокий процент отсева аспирантов (от 20 до 30 %). В-третьих, большинство диссертационных работ отличались узкой и

малоактуальной проблематикой. В-четвёртых, число аспирантов, прикреплённых к научным руководителям, значительно превышало предусмотренное «Положением об аспирантуре» от 1939 года (5 человек) и достигало в отдельных вузах 8–16 человек [28]. Иногда научное руководство аспирантами поручалось доцентам, даже лицам, не имеющим учёного звания и степени. В-пятых, поощрялась практика совместительства аспирантов, особенно в малообеспеченных научными кадрами региональных вузах. Им предоставлялись многочисленные отсрочки от защиты, что срывало общегосударственный план подготовки научно-педагогических кадров и повышения их квалификации.

Все эти недостатки вели к большому отсеву аспирантов, следствием чего было то, что качественные и количественные улучшения в работе аспирантуры не покрывали естественной убыли.

Немаловажной проблемой, которая тормозила подготовку научно-квалифицированных кадров и вспомогательных структур в регионах была аттестация кадров, особо это касается отсутствия точных плановых установок и контроля над функционированием квалификационных комиссий. По общим показателям только одна восьмая от общего числа аспирантов защищались вовремя. Разрозненные сведения об аттестации кадров имеются с 1936 года.

По отдельным вузам результаты аттестации выглядят следующим образом. В СГУ в 1935–38 годах было защищено 12 кандидатских диссертаций, из 46 аспирантов, обучавшихся в этот период в университете, защитили диссертацию только восемь человек [29]. Об улучшении аттестационной работы после 1936 года говорит тот факт, что в рассматриваемом вузе только за первую половину 1938 года были защищены шесть кандидатских диссертаций [30].

За период с 1935 по 1938 год в Саратовском медицинском институте практически не было защит диссертаций (возможно, не фиксировали), но особо в отчётах выделялось, что за истекший период не защитился ни один аспирант [31]. В отчёте за 1939 год отмечается, что в институте особого учёта проводимых диссертационных работ до настоящего момента не было. Сведения имелись только по научным работникам – членам ВКП (б): в 1938 году ими предполагалось защитить одну докторскую и четыре кандидатских диссертации. На 1939 год планировалась защита пяти докторских и шести кандидатских диссертаций (данные сугубо ориентировочные, так как собственно к работе коммунисты не приступали) [32]. В плане по научной работе вуза на 1940 год для окончания были запроектированы 15 докторских и 52 кандидатских диссертации. За первую половину года закончены три докторских и восемь кандидатских диссертаций. В течение 1939–40 годов были защищены шесть докторских и 15 кандидатских диссертаций [33]. Соответственно, эффективность работы составила 30 % от запланированного уровня.

В 1936 году сотрудниками Саратовского планового института были закончены семь докторских и кандидатских диссертаций, на 1937

год планировалась защита 10 работ [34]. В 1938 году не прошло ни одной защиты, как отмечалось в протоколе по обследованию института комиссией горкома ВКП (б) в ходе рассмотрения негативных последствий вредительства. Такие же низкие показатели эффективности по зооветинституту (всего три защиты), институтам механизации и автодорожному (ни одной защиты) [35]. В 1939–40 году ситуация несколько улучшается: в этот период были защищены две кандидатские диссертации, в 1940 прошли пять защит [36].

В 1939 году в Саратовском сельскохозяйственном институте были защищены три докторских и восемь кандидатских диссертаций (только три из них аспирантами). На 1940 год руководством вуза были запланированы защиты семи докторских и пяти кандидатских диссертаций, но фактически было реализовано 12 % (были защищены три диссертации) [37].

В течение 1939–40 годов педагогическим персоналом Саратовского юридического института были защищены четыре кандидатских диссертации, готовились к защите девять работ по линии соискательства [38], двум сотрудникам Саратовского педагогического института были присвоены учёные степени кандидата наук без защиты диссертации, а также была защищена диссертация на учёную степень кандидата по сельскохозяйственным наукам [39]. Сотрудниками Куйбышевского педагогического института в 1938 году были защищены четыре кандидатских диссертации, приняты к рассмотрению две. В 1939 году пятеро научных работников закончили и представили к защите свои кандидатские диссертации, но шесть аспирантов не выполнили план (фактически половина) [40]. В 1940-м году в вузе защищены три докторских диссертации, что соответствовало установленным плановым показателям, в то же время, из запланированных к защите 15 кандидатских диссертаций, были защищены только четыре диссертации – меньше трети, то есть показатель эффективности оказался не более 25–26 % [41].

В Куйбышевском плановом институте в 1936 году в институте были готовы к защите одна докторская и шесть кандидатских диссертаций. В течение 1936–37 годов над диссертациями работали семь человек, только трое защитились вовремя, остальные работы поставлены в план на 1937–38 годы, до 1940 года были защищены четыре диссертации [42]. В Куйбышевском СХИ в 1937 году были защищены аспирантами две кандидатских диссертации, в 1938–39 годах – одна докторская и две кандидатских диссертации, в 1939 году (во второй половине года) одна докторская и четыре кандидатских работы, без защиты диссертации учёная степень кандидата наук была присвоена девяти научным работникам [43]. По плану на 1940 год к защите должны были быть представлены одна докторская и пять кандидатских диссертаций (были защищены пять диссертаций).

В Ульяновском Государственном Педагогическом институте первые две защиты кандидатских диссертаций прошли в 1936–37 году. В 1938 году была защищена одна кандидатская диссертация, в 1940 – восемь кандидатских работ были защищены сотрудниками института, подготовлено к защите три [44].

Эффективность работы аспирантуры отдельно вузами в отчётах не оценивалась, но если применить показатель количества аспирантов, закончивших обучение с защитой диссертации, то он будет сравнительно низок (2–3 %). Такое состояние связано с несколькими факторами. Во-первых, подавляющее большинство поволжских вузов (исключением являлись СХИ и медицинские) не имели советов по защите кандидатских и докторских диссертаций, права принимать аспирантские экзамены (особенно по социально-экономическим дисциплинам), правда, почти все ведущие поволжские вузы с 1934 года имели право присуждения учёных званий с последующим утверждением в своих ведомствах. В некоторой степени этот пробел восполнялся работой организованных в начале 1930-х годов Комвузов, в которых были созданы советы по присвоению званий и степеней и защите кандидатских диссертаций. Но к середине 1930-х годов подобный Коммвуз остался только в Куйбышеве. В Саратове он перешёл в систему подчинения АН и отказался от аттестации вузовских кадров и кадров НИИ. В основной массе научные работники вузов Поволжья в рассматриваемый период для сдачи кандидатских и аспирантских экзаменов и защиты диссертаций направлялись в командировки в вузы Москвы и Ленинграда.

На запаздывание получения квалификации лицами, закончившими аспирантуру, влияла неудовлетворительная организация работы квалификационных комиссий, где лежали не рассмотренными дела иногда пятилетней давности. Форсированный рост аспирантуры опережал складывание системы квалификационной аттестации кадров.

С 1938 года правительством проведён ряд мероприятий для ликвидации возникшего дисбаланса. 26 апреля 1938 года решением правительства упразднились квалификационные комиссии наркоматов и все вопросы аттестации кадров сосредоточились в Высшей аттестационной комиссии ВКВШ, которая утверждала решения Советов высших учебных заведений и НИИ о присуждении учёных степеней и званий. Последним этапом унификации и централизации аттестационной системы кадров стало постановление СНК СССР, упразднившее академии наркоматов (ноябрь 1940 года) и утверждение перечня вузов и НИУ, которым предоставлялось право приёма к защите докторских и кандидатских диссертаций.

Таким образом, реорганизованная в 1930-х годах аспирантура в структурном отношении представляла собой вертикально

подчинённую и последовательную ступенчатую систему подготовки научных кадров с действующей структурой квалификационной аттестации, была закреплена связь с производственно-экономическим сектором, в некоторой степени его примат над научно-исследовательской работой. Научное пространство было расширено включением в систему подготовки научных кадров большинства регионов страны. К началу 1939 года подготовка аспирантов была сосредоточена в 228 вузах и 267 НИИ страны [45]. Все вузы и научные учреждения, готовившие научные и научно-педагогические кадры, были размещены в 63 городах СССР, в том числе в 41 городе РСФСР (75,8 % от общего числа аспирантов). Достигнут плановый показатель по партийной прослойке аспирантов, установленный в 50 % от общего числа. К началу 1939 учебного года численность и состав аспирантов по отраслям народного хозяйства и культуры характеризуется данными, представленными в таблице 2 [46].

Таблица 2. Численность аспирантов по основным отраслям хозяйства и культуры

Отрасль хозяйства и культуры	Количество вузов, готовящих аспирантов	Всего аспирантов	Из них	
			Коммунистов В %	Комсомольцев В %
Промышленность и строительство	78	2784	29,5	29,5
Транспорт и связь	18	662	32,3	25,2
Сельское хозяйство	63	849	28,9	31,8
Социально – экономическая	25	661	35,1	39,0
Просвещение	58	2296	25,2	34,4
Искусство	12	270	8,1	24,4
Здравоохранение	58	1689	11,8	22,3
Всего по СССР	312	9175	25,1	29,8

Организация системы подготовки научно-педагогических кадров совмещалась с совершенствованием её территориального размещения. В Поволжье аспирантура работала в Саратове при четырёх (СГУ, педагогическом, медицинском, сельскохозяйственном), а в Куйбышеве при трёх вузах (медицинском, сельскохозяйственном, педагогическом). Число аспирантов к 1940 году значительно увеличилось: в вузах Саратова обучалось примерно 180 аспирантов, в Куйбышеве – около 90 человек. Наиболее интенсивное развитие вузовской аспирантуры в Поволжье проходило в тех отраслях народного хозяйства и культуры, которые обеспечивали производственные потребности края, что характерно для страны в целом в данный

период (медицина, сельское хозяйство, просвещение). Ведущим центром подготовки кадров был Саратов, в меньшей степени Куйбышев, что говорит о том, что в реконструктивный период советские органы не радикально изменяли сложившиеся территориальные научные центры и приоритеты, а расширяли и совершенствовали сложившиеся структуры. Негативным моментом в развитии системы подготовки научных кадров через аспирантуру в рассматриваемый период было то, что она могла репродуцировать кадры только при условии государственного вмешательства. Сложившаяся система без государственного вмешательства была обречена на постепенную стагнацию, так как кадровых ресурсов едва хватало на покрытие естественной убыли, а качественная их подготовка значительно отставала.

Библиографический список

1. Культурное строительство в СССР: Стат. сб. – М., 1956.
2. Культурное строительство в СССР. – М., 1956. – С. 255.
3. ГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 23. Д. 8. Л. 20.
4. ГАСО. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 23. Л. 8 (об.)
5. ЦДНИСО. Ф. 30. Оп. 9. Д. 268. Л. 10.
6. ГАУО. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 6. Л. 17.
7. ГАУО. Ф. Р-390. Оп. 1. Д. 314. Л. 12.
8. ЦДНИСО. Ф. 30. Оп. 9. Д. 281. Л. 17-20.
9. ЦДНИСО. Ф. 30. Оп. 9. Д. 281. Л. 17-20.
10. Высшая школа: сборник основных постановлений, приказов, инструкций. – М., 1978. – С. 94.
11. ЦДНИСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 113. Л. 25.
12. ЦДНИСО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 268. Л. 12.
13. ЦДНИСО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 268. Л. 18.
14. Университеты и научные учреждения к XVII съезду ВКП(б). – М. – Л., 1934. – С. 2.
15. Высшая школа: сборник основных постановлений приказов, инструкций. – М., 1978. – С.
16. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 3504. Л. 71 (об.).
17. Высшая школа: сборник основных постановлений приказов, инструкций. – М., 1978. – С.
18. ЦДНИСО. Ф. 30. Оп. 9. Д. 262. Л. 13.
19. Высшая школа: сборник основных постановлений, приказов, инструкций. Ч. 2. – М., 1978. – С. 100.
20. ГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 73. Д. 23. Л. 21
21. ГАСО. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.
22. ГАСО. Ф. Р-2304. Оп. 1. Д. 37. Л. 5.
23. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сборник документов. 1917–1973 гг. – М., 1974. – С. 486–487.
24. ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1871. Л. 65–68.
25. ГАСО. Ф. Р-2304. Оп. 1. Д. 74. Л. 8.
26. ГАСО. Ф. Р-2304. Оп. 1. Д. 53. Л. 11.
27. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 7. Д. 3503. Л. 65.
28. ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 268. Л. 12.

29. ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1412. Л. 36.
30. ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1701. Л. 99-100.
31. ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1701. Л. 99 – 100.
32. ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1416. Л. 85.
33. ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1871. Л. 84 – 85.
34. ЦДНИСО. Ф. 30. Оп. 5. Д. 200. Л. 143.
35. ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1701. Л. 99– 100.
36. ЦДНИСО. Ф. Р-594. Оп. 1. Д. 1871. Л. 65-68.
37. ГАСО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
38. ЦДНИСО. Ф. Р-594. Оп. 1. Д. 1841. Л. 13.
39. ЦДНИСО. Ф. Р- 594. Оп. 1. Д. 1417. Л. 22.
40. ГАСО. Ф. Р-2304. Оп.1. Д.. 74. Л. 8.
41. ГАСО. Ф. Р-2304. Оп. 1. Д. 74. Л. 7 (об.).
42. ГАСО. Ф. Р- 3572. Оп. 1. Д. 75. Л. 79-79 (об.).
43. ГАСО. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.
44. ГАУО. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 86. Л. 16.
45. Культурное строительство СССР: Стат. сб. Госплана. – М., 1940. – С. 243.
46. Культурное строительство СССР. Стат. сб. Госплана, 1940. – С. 242.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ ПОЛЬСКИМИ И РУССКИМИ – СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

К. С. Будка

**Институт истории и международных отношений,
Университет Казимира Великого в Быдгощи, Польша**

Summary. The article presents the relationship between Polish and Russian Intellectuals. It includes a brief historical overview and analysis of these relations, as well as an essay on the future of the class of intellectuals in both countries.

Key words: Intelligent, The People, Russia, Poland.

Недалеко от Тверской улицы, в центре Москвы находится мемориальная доска. Она напоминает о встрече двух величайших поэтов Адама Мицкевича и Александра Пушкина. Не приходят туда туристы и бизнес-делегации. Жаль, потому что это показывает, насколько сложными являются польско-русские отношения. Кроме стереотипов и официальной пропаганды существует взаимное восхищение и симпатия. И в России, и в Польше есть люди, которые знают обе эти страны. Хотя на официальную политику это не влияет. Немного отличаются от истории России и Польши судьбы польских и русских интеллектуалов [1].

Во время брежневского застоя либеральная интеллигенция в Советском Союзе с большим энтузиазмом приняла появление организации «Солидарность» в Польше. Они были счастливы, что Польша нашла формулу борьбы с режимом. Но русские мыслители не верили в появление быстрых изменений [2]. Тогда даже Горбачёв был сюрпризом, и это для людей, которые понимали, что радикальные процессы в Совет-

ском Союзе, рано или поздно должны прийти. Казалось, что солидарность будет раздавлена – если не танками, то с помощью государственной провокации. Это немного напоминало о Варшавском восстании: много мужества и героизма, но мало надежды на победу. Несмотря на пессимизм, интеллигенция в СССР аплодировала полякам в их усилиях в стремлении к суверенитету [3].

Виктор Ерофеев говорил, что опыт «Солидарности» не мог быть перенесён на СССР. Интеллектуалы в Советском Союзе были широким фронтом критически мыслящих людей, а политическая зрелость рабочих была близка к нулю. Их отношения основывались на цинизме и безразличии. Объединиться против режима было невозможно, потому что никто даже не мог представить себе альтернативы коммунизму. Единственный человек, который пытался объединить русскую интеллигенцию в борьбе с коммунизмом, был Александр Солженицын. После эмиграции из Советского Союза он издал книгу-бестселлер «Архипелаг ГУЛАГ» [4].

Участие русской интеллигенции в жизни страны начала XX века – это было что-то другое, чем в советские времена. В первом случае была реальная политическая сила многочисленных сторон. В СССР единственной областью политической деятельности интеллектуалов были либеральные журналы, такие как «Новый мир». Мерой было слово, а не политические действия. Интеллектуалы занимались издательской деятельностью второго плана. Они обратились к таким категориям, как мораль, совесть, а не к конкретным политическим подходам. Григорий Слубовски, мульти-корреспондент Польского радио в Москве говорил: «Русская интеллигенция учила польский, читала польские газеты и книги. Многие слушали Красные Гитары и Марылю Родович, смотрели фильмы Вайды и Занусси. Идеалом красоты являлась пани Барбара Брыльска. Хотя слово «пани» – это не только обращение из вежливости, но, по крайней мере, синоним благородного происхождения. Фильм «Ирония судьбы», в котором она играла, стал хитом. Именно тогда реализовалась мечта польской интеллигенции о мосте, который соединит Россию с Западом» [5].

Однако русская интеллигенция не была обречена на поражение. Идеология перестройки являлась идеологией интеллигенции. Таким образом, в России интеллигенция играла роль реформаторов и победила. Она всегда представляла эту часть общества, которая выражает чаяния свободы. Но когда пришла свобода, миссия интеллигенции, кажется, была закончена [6].

После 200 лет существования русской интеллигенции перестройка лишила её деятельность смысла. Интеллектуалы растворились в обществе. Но теперь она возрождается, чтоб изменить поведение власти. Сегодняшняя власть даже в сфере риторики и идеологии поднимает зловещие темы, которые являются неприемлемыми для людей-интеллектуалов [7].

После периода застоя в отношениях между польской и русской интеллигенцией мы видим возрождение. Она основана на «Группе сложных

вопросов», которая своей концепцией направлена на исторические, политические, экономические и другие сложные реалии.

В России показывают польские фильмы («Катынь» Анджея Вайды) а в Польше – русские («Год 1612»). Организуются научные конференции, обмены студентами и научными работниками. Настало время отложить жалобы, связанные с непростой историей двух стран, и начать строить консенсус, основанный на взаимном уважении и доверии [8].

Библиографический список

1. Ślubowski G. Przyjaciele Moskale / Wprost, 2008. – № 3.
2. Zarycki T. Kapitał kulturowy: inteligencja w Polsce i w Rosji. – Warszawa, 2008. – Passim.
3. Memches F. Samotność inteligenta / Newsweek, 2009. – № 50.
4. Ibidem.
5. Ślubowski G. op. cit.
6. Memches F. Słudzy i wrogowie imperium: rosyjskie rozmowy o końcu historii: Zinowiew, Wojnowicz, Krotó. – Kraków 2009. – Passim.
7. Memches F. Samotność...
8. Zinov'ev A. A. Świetlana przyszłość. – Warszawa, 1984. – Passim.

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В. А. Прокохин

Орловский государственный университет, г. Орёл, Россия

Summary. This article is devoted to the intelligentsia's way of life. The author described the intelligentsia's way of life in the town and city of the Russia. The problem of the members of a marginal social group and intellectuals in modern Russia is analyzed in the article.

Key words: the intelligentsia, the way of life.

Образ жизни выступает определяющим индикатором функционирования и изменения всех сфер жизни общества, достижений и неудач, провалов в развитии страны, регионов, провинциальных городов. В то же время нужно видеть и обратную зависимость: влияние практики жизнедеятельности людей, состояния общества и его институтов на образ жизни – на условия труда и быта, культуру, образование, социальное положение, жизненные условия и т. д. Необходимо отметить, что образ жизни во многом зависит от отношения человека к условиям жизни – активного, творческого или пассивного, созерцательного; осознанного или неосознанного и т. п. Интеллигенция в России всегда характеризовалась активной, творческой позицией, а не созерцательной – поэтому зачастую становилась заложником политической системы государства, гонимая и наказуемая.

Академик Н. Н. Моисеев говорил: «Интеллигенции от природы свойственна известная фронда по отношению к любому режиму, чувство недовольства происходящим, где бы и что бы ни происходило... Интеллигенция рождает иногда бунтарей, революционеров, но никогда не рождает тиранов» [4].

По мнению историка В. В. Кожина, российской интеллигенции присуща не «беспартийность», а постоянная тяга к противостоянию деспотической государственной власти, которое не может быть делом одиночек. «Отказываясь от сопротивления власти, интеллигенция становится попросту ненужной – как не нужна она на Западе» [4].

Изучение и анализ образа жизни современной интеллигенции позволит найти новые пути и возможности для решения многочисленных проблем культурного, образовательного и социального развития современного российского общества.

На Западе к тем или иным аспектам образа жизни обращались Д. Гэлбрейт, У. Росту, Д. Белл, Б. Спок, Т. Бушелл, А. Тычка, Я. Щепаньский, А. Сичиньский, И. Филиппец, Р. Черил и др.). В СССР разработку проблемы образа жизни предпринимали Е. А. Ануфриев, И. В. Бестужев-Лада, А. П. Бутенко, Г. Е. Глезерман, Б. А. Грушин, В. С. Марков, М. Н. Руткевич, В. И. Толстых и другие. Современные исследования проблемы образа жизни осуществляют Л. К. Дрибас, С. В. Монасыпова, В. В. Кошель, Е. В. Куканова, П. Д. Павленок, Л. И. Савинов, Т. Г. Тухбатулин, А. З. Хурамшина и др. Образ жизни интеллигенции в своих трудах отразили Н. Ахунбеков, Я. Ш. Шукурова, А. В. Лисичникова, А. В. Карасёва, Н. А. Миронова, Е. В. Назарова и т. д. Философские, социологические, исторические, культурные аспекты изучения интеллигенции, её роли в культуре и жизни России получили своё отражение в работах выдающихся философов, писателей, социологов, общественных и политических деятелей: Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. Гершензона, А. С. Изгоева, П. Струве, С. Л. Франка и др. Изучение интеллигенции советского периода и новой России происходит в работах Е. М. Бабосова, В. И. Русецкой, Г. Н. Соколовой, Л. А. Агеевой, И. В. Никитиной, В. Л. Соскина, Т. И. Заславской, В. И. Сальникова, А. В. Золотухиной, М. Л. Гаспарова, М. К. Мамардашвили, Р. Ш. Харунова, Ю. С. Воронцовой, М. А. Мутьевой, Д. А. Столярова, Е. В. Бакшутовой, В. Н. Абросимова, Д. С. Попова, А. В. Пересыпкиной, Т. В. Стародубцевой, С. Б. Орлова и многих других исследователей.

Однако при всем многообразии рассмотрения различных аспектов образа жизни интеллигенции проблема эта недостаточно изучена. Например, не уделяется должного внимания изучению уровня, качества и стиля жизни интеллигенции в малых провинциальных городах России, а в условиях культуры и общественной жизни таких городов сохраняются нравственность, традиции, интеллект и духовность народа. В истории России были периоды, когда интел-

лигенция как общественный слой, характеризующийся высоким уровнем образования, культуры, нравственности и свободолюбия, нещадно подвергалась гонениям и репрессиям за свои мысли, чувства, идеи и образ жизни. Последнее, безусловно, резко отделяет интеллигенцию от других классов и слоев общества. Кроме того, образ жизни интеллигенции современности кардинально отличается от подобного, например, XIX века.

М. Гаспаров в размышлениях об интеллектуалах, интеллигентах и интеллигентности писал: «Отстранённая от участия во власти и неудовлетворённая повседневной практической работой, интеллигенция сосредоточивается на работе теоретической – на выработке национального самосознания» [3].

Говоря об образе жизни интеллигенции, следует отметить как коллективный характер образа жизни интеллигенции, так и эгоистический (индивидуалистический), присущий отдельным представителям данного слоя современного российского общества. Динамика современного развития мира характеризуется высокими темпами, энергичностью принятия решения, выполнения различных функций, затрагивающими и образ жизни представителей различных групп и слоев общества. Вместе с тем необходимо отметить, что образ жизни в крупных городах России, мегаполисах и малых провинциальных городах будет различаться по трём компонентам: уровню жизни, качеству жизни и стилю жизни.

Уровень жизни – понятие, которое характеризует меру и степень удовлетворения материальных и духовных потребностей в основном в их количественном измерении: уровень национального дохода, размер оплаты труда, реальные доходы, объём потребляемых благ и услуг, уровень потребления продовольственных и непродовольственных товаров, продолжительность рабочего и свободного времени, жилищные условия, уровень образования, культуры и т. д. Качество жизни, выступая социологической категорией, выражает качество удовлетворения материальных и духовных потребностей людей: качество питания, качество одежды и её соответствие моде, комфортность жилища, качественные характеристики в сфере здравоохранения, образования, обслуживания населения, качественная структура досуга, нравственная атмосфера, настрой людей, степень удовлетворения, потребностей, в содержательном общении, знаниях, творческом труде, структуре расселения и т. д. Стиль жизни характеризует поведенческие особенности повседневной жизнедеятельности людей, в частности ритмику, интенсивность, темп жизни, а также социально-психологические черты быта и взаимоотношений между людьми, которые нередко выражают национально-этнические и социально-профессиональные черты социальной общности, группы [1].

Интенсивность и темп жизни интеллигенции в крупных городах России характеризуются большей динамичностью, большим и

разносторонним охватом культурных, светских мероприятий. Малые провинциальные города России более статичны в своём темпе жизни, что прямо или косвенно затрагивает жизнедеятельность различных социальных групп. Интеллигенция малого провинциального города более размеренна с позиции темпа жизни, имеет меньший выбор в способах проявления жизненной активности, более консервативна и имеет меньшие возможности в организации и посещении социальных и культурных мероприятий. Стиль жизни в своей основе фиксирует черты, манеры, вкусы и привычки, характерные для представителей той или иной социальной группы или общественного слоя. Представление о стиле жизни дают такие внешние формы бытия, как организация рабочего и свободного времени, любимые занятия вне сферы труда, устройство быта, манеры поведения, ценностные предпочтения и т. д. Вместе с тем интеллигенция довольно часто пренебрегала обустройством быта, отдавая предпочтение интеллектуальному и духовному творению, бескорыстному служению истине, идее.

Д. С. Попов [2] пишет, что жизнь интеллигенции России многие десятилетия протекает как бы вне быта. Вне быта жили и работали Хлебников, Мандельштам, Цветаева, Ахматова, Бахтин, Лосев – этот список можно продолжать долго. Вся их жизнь, все силы их духа сосредоточивались на глобальных проблемах бытия.

Также необходимо отметить, что интеллигенция советского периода и современной России существенно различаются по своему стилю жизни. Нельзя забывать, что значительное число российской интеллигенции являются зрелыми и пожилыми людьми, часть жизни которых прошла в СССР, что, безусловно, отличает манеры поведения, вкусы и ценностные предпочтения значительной части этого общественного слоя от жизни в современной России. Многие представители интеллигенции России конца XX века не смогли адаптироваться к новой жизни с её резким падением уровня и качества жизни и не смогли приспособить свой стиль жизни под стиль новой России. Значительные перемены в российском обществе, крах традиционной политической и социальной системы, обнищание народа, нестабильность каждого дня существования сказались на интеллигенции довольно ощутимо. Падение уровня материального достатка, доступности материальных благ, снижение числа культурных мероприятий, активное проникновение иностранной, нередко «низкой и пошлой» культуры снизило статус «интеллигента». Слой образованных людей стал быстро дифференцироваться, и для части представителей интеллигенции началась незаметная деградация, уход от множества проблем, возникающих в связи с трансформациями общества. Определённой (и довольно значительной) части интеллигенции особенно сложно принять новые условия: новый стиль работы, жизни, новый

имидж. Большинство людей из этой группы относятся к старшим поколениям, полностью сформировавшимся в советское время [2].

Интеллектуальная элита советского времени – преподаватели и учителя, учёные и исследователи, врачи и представители инженерно-технической интеллигенции, представители культуры – в одночасье становятся вынуждены поменять свой образ жизни в силу социально-экономической трансформации российского общества. Возникает разговор о маргинализации интеллигенции. Стиль жизни претерпевает деформацию и замыкается на непосредственном круге общения. Заметно меняются вкусы и привычки традиционной интеллигенции, меняется и сама микросреда под воздействием социальных, бытовых, политических изменений в обществе.

Интеллигенция в малых провинциальных городах России постепенно возрождает те исконные, забытые за период реформ, но присущие ей как интеллектуальной группе привычки, склонности и ценностные предпочтения: читать, духовно развиваться, проявлять интерес к высокой культуре, осмысливать мир и общество, нести знание и самосовершенствоваться в профессиональном занятии умственным трудом.

Библиографический список

1. Павленок П. Д. Социология: избранные работы 1991–2003 гг. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2004.
2. Попов Д. С. Самосознание российской интеллигенции: траектории трансформации // Мир России. – 2006. – № 4. – С. 54–81.
3. Российская интеллигенция: история и судьба. – М.: Наука, 1999.
4. Судьба российской интеллигенции: материалы научной дискуссии / сост. и ред. В. Е. Триодин. – СПб., 1996.

ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА ОСНОВЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ ТРАДИЦИЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XIX в.

Т. В. Грязнухина
Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Россия

Summary. Article is devoted problems of modern intelligentsia, its role and mission in a society life. The basic function of intelligentsia as founder and the compiler cultural-historical values is considered. Necessity of moral improvement of modern intelligentsia on the basis of revival of traditions of intelligentsia of a XIX-th century is proved.

Key words: intelligentsia, culture, values, morals, traditions.

Есть темы, общественная значимость которых актуальна всегда. Внимание им уделяется практически на протяжении всего культурно-исторического процесса развития общества, понять и осмыслить который невозможно, не учитывая роли интеллигенции в нём. Ситуация, сложившаяся в культуре нашего времени, снова делает актуальным вопрос об интеллигенции. С течением времени меняется качественный, количественный состав интеллигенции, но её роль в формировании общественного мировоззрения в качестве генератора идей, создании духовных ценностей остаётся прежней. Перемены, происходящие в современном обществе: перестройка сознания, пересмотр всей прежней системы ценностей, обращение к религии как средству духовного возрождения с новой силой поднимают вопрос о её месте и значении в общественной жизни. Способна ли современная интеллигенция выполнить свою историческую миссию: встать в авангарде общественного движения, быть проводником идей и воззрений? Культура является мощным рычагом воздействия на настроение и мировоззрение народа, и позиция интеллигенции может сыграть решающую роль в поворотную эпоху. Недооценивая культуру как фактор, формирующий мировоззрение, оказывающий влияние на понимание и оценку окружающего мира, происходящих событий, общество недооценивает роль интеллигенции как создателя культурных ценностей. Так или иначе, об интеллигенции говорят, дискутируют, давая ей самые разные оценки в зависимости от конъюнктуры времени или личных взглядов авторов.

Само слово «интеллигенция» появилось в России в XIX в. Впервые его использует В. А. Жуковский в дневнике 1836 г., и понятие это ассоциируется у него, прежде всего с нравственным поведением, моральными качествами. Интеллигенция пушкинской эпохи была преимущественно дворянского и военного происхождения. Источником формирования её был Царскосельский Лицей. Именно в это время, в 30-е гг. XIX в., складывается представление об интеллигенции как со-

циокультурной среде, о её моральном облике, типе поведения, который был, прежде всего, связан с нравственными идеалами как основой просвещения и образованности. В дальнейшем это представление лишь переосмысливалось, но не менялось. В более ранние эпохи понятие «интеллигенция» не существовало. Но, думается, что вполне правомерно можно отнести к первым интеллигентам православных священников и монахов эпохи Киевской Руси и Московского государства, занимавшихся просветительской деятельностью. Корни русской интеллигенции можно отыскать и в XVIII в. в среде масонства, чем и обуславливается её нравственный аспект. Идеи западноевропейских просветителей так же способствовали тому, что представители просвещённого русского дворянства стали осознавать себя как некую социальную общность, которая имела свои взгляды, своё видение мира, порой весьма отличающееся от принятого официально. Общепринятым считается мнение, что ввёл в русский язык понятие «интеллигенция» и закрепил его писатель П. Д. Боборыкин в 60-е гг. XIX в., когда начала складываться разночинская русская интеллигенция, унаследовавшая принцип гражданственности у интеллигентов предыдущих поколений. Понятие это означало цвет общества, его интеллектуальную часть. П. Д. Боборыкин видел цель интеллигенции в преобразовании русской жизни. В словаре В. И. Даля издания 1881 г. слово «интеллигенция» зафиксировано в собирательном значении: «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» [1].

Диапазон оценок интеллигенции весьма широк. От полного отрицания хоть сколько-нибудь положительной роли интеллигенции в общественной жизни в эпоху марксизма-ленинизма, когда в толковом словаре, изданном в 1935 г., интеллигент характеризовался как человек, «социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями (презрит.)» и само существование интеллигенции оправдывалось «в той мере, в какой она ставит силы на службу политическим целям и идеалам рабочего класса и его марксистко-ленинского авангарда» [2] до развития подлинно научного интереса к феномену интеллигенции и стремления дать ему объективную оценку. Этот подход характерен для нашего времени, когда интеллигенции наконец-то перестали отводить вспомогательную роль, заключающуюся в обслуживании чьих-либо интересов. В связи с этим по-новому встают вопросы об её социальном, профессиональном составе, прослеживается стремление перенести критерии оценки интеллигенции на нравственно-этические категории. То есть вернуться к традициям XIX в., когда интеллигенция от других социальных слоёв отличалась своим духовно-нравственным развитием. Интеллигент – это прежде всего человек свободный, независимый в своих суждениях. В соответствии с этой установкой он не мог находиться на службе у государства, то есть быть чиновником, который, прежде всего, был обязан выполнять государственные функции, ко-

торые могли не соответствовать его личным убеждениям. Интеллигенция выступает в роли посредницы между властью и народом. Решающими в определении интеллигенции должны стать социально-общественные и культурные критерии. Этим и объясняется её оппозиционность властям. Не случайно современные исследователи этого вопроса М. А. Мунтян, О. Н. Козлова, Л. Воронцова, С. Филатов, В. С. Житков считают, что интеллигенция – это социальный феномен чисто русского происхождения. На Западе такого определения нет. Там существует понятие «белые воротнички», под которое попадают люди, занимающиеся интеллектуальным трудом. Определённые морально-нравственные качества, обязательные для русской интеллигенции, на Западе не рассматриваются. И, видимо, не случайно, что такое явление, как «хождение в народ» в 70-е гг. XIX в. было возможным только на российской почве. Совесть российского интеллигента не позволяла ему жить спокойно за счёт народа, не давая ему ничего взамен. «По чистоте устремлений, по душевной самоотверженности во имя правды» выделяет интеллигенцию А. И. Солженицын [3]. Можно сделать вывод, что духовность в России всегда являлась показателем интеллигентности.

Основным сейчас является вопрос о том, насколько современная интеллигенция способна оправдать возложенные на неё надежды по возрождению культурно-исторических традиций, насколько она соответствует своему высокому статусу. Ответ на этот вопрос в контексте наших дней вряд ли будет утешительным. В наши дни занятия умственным или творческим трудом не гарантируют интеллигентности. Непродуманные нововведения в сфере высшей школы, сокращение преподавания гуманитарных дисциплин приводят к тому, что из стен вузов в жизнь выходят люди, мягко говоря, малообразованные, хотя в техническом плане, хочется в это верить, и подготовленные. Воспроизводство интеллигенции – это объективный, естественноисторический процесс, в котором важная роль отводится высшей школе. И от её состояния, в конечном счёте, зависит будущее развитие нашей культуры в целом. Современное же состояние культуры настолько плачевно, а настоящая интеллигенция настолько далека от выдвигаемых по отношению к ней требованиям, что правомерно ставится вопрос: а существует ли она вообще, российская интеллигенция?

Важность ответа на этот вопрос обусловлена той ролью, которую призвана играть интеллигенция в жизни общества. Интеллигенция – это единственный социальный слой, который имеет время для творческого, интеллектуального труда. Интеллигенция создаёт и сохраняет культурно-исторические ценности и основная её функция – транслировать эти ценности другим социальным слоям. Интеллигенция формирует картину мира, манипулируя общественным сознанием через историков, философов, публицистов,

социологов, представителей творческих специальностей. И становится вполне очевидно, что от качественного состава современной интеллигенции зависит развитие национальной культуры в целом. Задача же воспитания современного российского интеллигента на основе дореволюционных традиций русской интеллигенции сейчас весьма трудновыполнима. Переход на западную систему образования, подмена живого общения тестовыми заданиями противоречат ментальности русского человека. Многочисленные нововведения в системе образования никаким образом не оправдывают себя, если не считать того, что они дают колоссальные возможности заработать их авторам, спекулирующим на недостатках образовательной системы. И вот сейчас, буквально в наши дни оказалось, что «великий и могучий русский язык» вовсе и не нужен для преподавания в школе, мы и без него проживем. Слава богу, под влиянием возмущённой общественности реформаторы одумались вовремя. Но, что нас ждёт ещё впереди? Исходя из реалий сегодняшнего дня, ничего хорошего. Могли ли И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский предвидеть столь варварское отношение к родному языку своих потомков? Без языка как основополагающего элемента культуры в принципе не возможно развитие нации. «Для интеллигентного человека дурно говорить так же неприлично, как не уметь читать и писать», – так считал А. П. Чехов, но не так думают наши чиновники от образования. «Интеллигенция» и «образование» – эти два понятия, связанные неразделимо. Качественный состав первого напрямую зависит от качественного состояния второго. И, если реформирование образовательной системы будет продолжаться столь произвольно и необдуманно и дальше, то, видимо, понадобится фонарь Диогена, чтобы отыскать интеллигента в массе «недорослей».

В настоящее время является необходимым, чтобы взгляды российской интеллигенции обратились к истории, к истокам русской национальной традиции. Именно в прошлом России видится тот духовный стержень, на основе которого должны сформироваться морально-нравственные, эстетические ценности, овладение которыми приведёт к духовному возрождению русской культуры. Придёт осознание того, что мы «не Иваны, не помнящие родства», а носители великой культуры, имеющей свои вековые традиции. Только через нравственное самоусовершенствование интеллигенции может произойти духовное возрождение России. И очень хотелось бы, чтобы слова поэта А. Вознесенского оказались пророческими:

«Есть русская интеллигенция.
Вы думали – нет? Есть.
Не масса индифферентная,
А совесть страны и честь» [4].

Библиографический список

1. Даль В. И. Толковый словарь великорусского языка. – Т. 2. – М.: Русский язык, 1978. – С. 46.
2. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – Т. 1 / под ред. Д. Ушакова. – М.: Терра, 1996. – С. 1214.
3. Солженицын А. И. Образованщина // Русская интеллигенция : история и судьба. – М.: Наука, 2001. – С. 144.
4. Вознесенский А. А. Витражных дел мастер. Стихи. – М.: Мол. гвардия, 1976. – С. 42.

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ СОЦИАЛИЗАЦИИ- ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

В. Я. Попов

**Липецкий государственный технический университет,
г. Липецк, Россия**

Summary. The problem of identity formation, its value is multifaceted. Her research involved in many sciences such as psychology, pedagogy, sociology, ethics and others. Each specific science considers this problem with any one specific to her hand, given the data and related disciplines, which leads to the need for a holistic socio-philosophical understanding.

Key words: personality, spiritual values, socialization.

Под формированием личности понимаются те качества и свойства, которые возникают в результате её роста и развития. Формируемые и уже сформированные качества личности ведут к определённом уровню воспитанности, культуры, интеллектуального, духовного и физического развития. Под факторами формирования личности понимаются природные и социальные факторы, а точнее – их сложное синергетическое смешение. Закономерности и факторы развития и формирования личности не проявляются изолированно, а действуют всегда в комплексе, в системе взаимной детерминации человек – общество. В этом взаимодействии человек одновременно является субъектом самоизменения и объектом воздействия, благодаря чему он становится членом общества, и одновременно растёт как личность.

В широком смысле социализация обозначает процесс, в ходе которого человеческое существо с определёнными биологическими задатками приобретает качества, необходимые ему для жизнедеятельности в рамках определённого типа социальной организации. Социализация обеспечивает преемственность исторического развития. Важно установить, под влиянием каких социальных факторов образуются те или иные особенности личности, механизм этого про-

цесса и его последствия для общества. Термин «социализация» отличается от близких ему понятий. «Рост» и «развитие» означают раскрытие присущих индивиду задатков, куда социальные условия включаются лишь в качестве внешней среды. Воспитание – это намеренное формирование личности в соответствии с принятым идеалом, социализация же охватывает процесс и результаты взаимодействия индивида со всей совокупностью социальных влияний.

Социализация осуществляется и через духовную деятельность. Духовная деятельность – это деятельность по созданию, распределению, потреблению и сохранению духовных ценностей, объектов духовной культуры. Духовная жизнь общества складывается из всего многообразия ценностей духовной культуры, традиций, нравов, идей, а также определённых сторон системы воспитания и образования. Духовная деятельность имеет сложную структуру и включает в себя преобразовательную (создание новых проектов, социальных преобразований), познавательную (получение знаний о природе, обществе, человеке, его внутреннем мире), ценностно-ориентационную (осмысленный характер познания, понимание не просто знания как такового, а понимание ценности самого человека как субъекта деятельности, цельности его знаний, творений, ценности самого мира культуры, в котором живёт человек) и коммуникативную (духовное общение людей во всех формах его проявления, в ходе которого происходит обмен вербальной и невербальной информацией) составляющие [1].

В практике, материальной деятельности и сопровождающей её духовной деятельности проявляется творческая сущность человека, где материальная и духовная деятельность является способом существования и самореализации человека.

Духовные ценности, как правило, носят уникальный характер. Многие из этих ценностей переходят в фонд духовной культуры человечества. Человек в процессе своей жизнедеятельности, постоянно соприкасается с объектами материальной и духовной культуры, познаёт их, создаёт о них представления, формирует собственное отношение.

Реализация человеком своей сущности невозможна без ориентации в мире, адекватного знания о нём. Процесс познания есть мысленное, логическое движение к сущности объекта. Познание связано с «ценностным» и с «практическим». В познании оценки сливаются с «объектными», но их можно и нужно классифицировать, поскольку они выражают новую сторону в отношении субъекта к объекту. Они неразрывно связаны с ценностями человека, с ценностным отношением человека к объекту [2].

«Ценность – это понятие, обозначающее, во-первых, положительную или отрицательную значимость какого-либо объекта, в отличие от его экзистенциальных и качественных характеристик (предметные ценности), во-вторых, нормативную, предписательно-

оценочную сторону явлений общественного сознания (субъектные ценности). К предметным ценностям относятся: естественное благо и зло, заключённые в природных богатствах и стихийных бедствиях; потребительная стоимость продуктов труда (полезность вообще); социальное благо и зло, содержащиеся в общественных явлениях; прогрессивное или реакционное значение исторических событий; культурное наследие прошлого, выступающее в виде предметов богатства современников; значение научной истины; моральное добро и зло, заключённые в действиях людей; эстетические характеристики природных и общественных объектов и произведений искусства. Субъектные ценности: общественные установки, императивы и запреты, цели и проекты, выраженные в форме нормативных представлений (о добре и зле, справедливости, прекрасном и безобразном, о смысле истории и назначении человека, идеалы, нормы, принципы действия). Но нельзя всякую значимость интерпретировать, как ценность» [3].

Важно считать материальные ценности производными от ценностей личностно-экзистенциального плана. Материальные блага являются лишь средством движения к подлинным ценностям. Подлинными же, главнейшими ценностями – это человек, счастье человека, свобода и добро. «Ценность есть положительная значимость или функция тех или иных явлений в системе общественно-исторической деятельности человека» [4]. Процесс осмысления ценности связан с понятием оценки. Оценка складывается из акта сравнения и рекомендаций к отбору или выбору того, что признаётся за ценность.

В одном и том же предмете природы или социальной действительности индивиды, социальные группы или классы могут усматривать абсолютно разное. Один, глядя в лужу, видит в ней грязь, а другой – отражающиеся в ней звёзды. Но необходимы и переоценки явлений одним и тем же субъектом в связи с изменением объёма его информации об объекте, его жизненного опыта, социальной позиции и т. п. Часто переоценки являются результатом объективно-закономерного процесса и неизменной ориентации субъекта на высшие ценностные идеалы. Но нередко оказывается, что социальные ценности господствующих групп выдаются за всеобщие ценности и сознательно или неосознанно принимаются за таковые многими людьми. Эти ценности неизбежно входят в число личных, индивидуальных ценностей человека. Но социальные установки человека должны базироваться на объективности, научности, гуманистичности, служить социальному и научному прогрессу. Оценка, чтобы быть истиной, должна иметь в своей основе максимально достоверное познавательное суждение – независимо от того, происходит ли это в сфере социально-психологической или идеологической, на уровне обыденного сознания или сознания теоретического.

Подводя итог, важно заметить, что процесс формирования ценностей есть и формирование определённой степени целостности

личности, что происходит под влиянием самого образа жизни человека, вместе с тем результаты духовной деятельности постоянно используются, становятся достоянием сознания других людей и общества в целом. В этом случае осуществляется как бы опосредованное общение между людьми различных поколений, эпох, культур через объективные результаты духовной деятельности.

Библиографический список

1. Малькова Г. Г., Фролова М. А. Введение в социальную философию. – М.: Международная педагогическая академия, 1995.
2. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: учебник. – М: Проспект, 1998.
3. Дробницкий О. Г. Ценность // Философская энциклопедия. – Т. 5. – М. , 1970. – С. 462.
4. Коршунов А. М. Диалектика субъекта и объекта в познании. – М., 1982. – С. 107–108.

ПРОСВЕЩЁННЫЕ СЛОИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

В. А. Мишин, Р. Д. Галиева

Казанский государственный технологический
университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary: Today a key direction of development of the Russian economy is the course on the prompt modernization. It is obvious that realization of this problem demands not only cardinal updating of technological base, but basic change of approaches to social policy.

Key words: quality of life, assessment of quality of life, a set of indicators of quality of life management, "Brain drain".

Сегодня ключевым направлением развития российской экономики является курс на скорейшую модернизацию. Очевидно, что реализация этой задачи требует не только кардинального обновления технологической базы, но принципиального изменения подходов к социальной политике. Иными словами, в модернизации нуждается не только промышленность и экономические институты, но и социальная сфера, которая остаётся наиболее «слабым звеном» нашей социально-экономической системы и абсолютно не соответствует требованиям рыночной экономики.

По мнению экспертов в значительной степени сверхсмертность населения России обусловлена низким качеством жизни, в том числе услуг здравоохранения, широким распространением так называемых социальных болезней: курения, алкоголизма, наркомании, масштабным социальным стрессом.

С начала 90-х годов в России происходит системный демографический кризис. Он характеризуется резким, скачкообразным ухудшением всех демографических процессов: рождаемости, смертности, брачности, разводимости, состояния здоровья всех социально-демографических групп населения, а также сокращением продолжительности жизни и старением населения.

Продолжается усиление социального неравенства и региональной дифференциации. Резкое расслоение людей по уровню доходов и потребления приводит к нарастанию бедности, подрывает формирование среднего класса в стране, порождает агрессивные настроения и социальную нестабильность в обществе. Крайне опасной является тенденция снижения качества среднего и высшего образования, старения академической науки, «утечки мозгов и талантов». Наряду с произошедшей в последние годы примитивизацией труда в российской экономике это приводит к общему снижению интеллектуального потенциала страны.

Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) провёл опрос о доверии населения институтам власти. В ходе исследования необходимо было ответить на вопрос: доверяете или не доверяете вы руководителю своего региона? Согласно полученным данным, 40 % россиян не доверяют руководителям субъектов федерации, доверяют – 33 %, затруднились ответить – 26 %¹.

По мнению политолога Александра Кынева, существует несколько факторов, влияющих на доверие населения к местной власти. В интервью «Клубу Регионов» эксперт сказал: «Во-первых, конечно, общая социально-экономическая обстановка: естественно, что люди проецируют ощущение себя с точки зрения своих личных социальных перспектив, социального положения на политику власти».

С учётом всех этих факторов, для выживания России как суверенного и конкурентоспособного государства необходимо на государственном уровне радикально изменить отношение к человеку, поставив его в центр стратегии национального развития. Как подчёркивает Председатель Совета Федерации С. М. Миронов: «Главной целью нашей деятельности должно стать повышение человеческого потенциала, формирование в стране единого социального пространства, создание наилучших условий для обеспечения здоровой и качественной жизни россиян во всех уголках нашей страны».

¹ Среди россиян растёт недоверие к руководителям регионов – 16.04.2010. <http://club-rf.ru/expert/13143>

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НЕЗАВИСИМОГО ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА ИЛИ КАК ЗАСТАВИТЬ «ФАБРИКУ МЫСЛЕЙ» РЕАЛИЗОВЫВАТЬ «ПРОДУКТ»?

А. В. Александрова

Томский государственный университет, г. Томск, Россия.

Summary. The problem of a role of the expert community in the modern world is brought up in the given article. The author asserts that the expert community is necessary for successful communications between the society and the governance. However, there is a number of the unresolved questions interfering increase of a role of expert communities in the state.

Key words: expert community, think tank, power structures, expert-analyst, society.

Вопросы о роли экспертных сообществ и насущные проблемы данных объединений начинаются с того, что нет чётких критериев их деятельности, нет определения этого общественно-политического явления в принципе. Рассуждения исследователей сводятся к тому, кого назвать экспертом, а не к тому, что представляет собой целое сообщество подобных специалистов. Каковы функции этих сообществ, помимо аналитической деятельности? Кому интересны результаты, для кого они? В идеальной умозрительной модели представляется, что властные структуры для эффективного управления страной обращаются в экспертные сообщества, консультируясь и заказывая проекты в различных областях управления. А экспертное сообщество находится во взаимосвязи с народом как, во-первых, часть его, не связанная властными полномочиями, соответственно понимающая реальные нужды, так и, во-вторых, как проводник принятых решений, как транслятор необходимости тех или иных изменений общественной, политической жизни и т. п. В некоторых исследованиях также отражается идея «супер-эксперта», формулирующего вопросы для экспертных сообществ, понимающего, что необходимо именно сейчас скорректировать («взаимодействие заказчика с экспертам и, минуя постановщиков закономерно ведёт к вкусовщине, ангажированности и работе по принципу: «Какой вывод изволите?» [6]). Как раз подобная фигура и осуществляла бы диалог с властью. Да, конечно, в России есть как Федеральное государственное учреждение «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации» [9], так и региональные центры или вновь возникающие структуры, такие как экспертное сообщество «Российский сетевой интеллект» («начало формироваться в 2008 году в целях консолидации экспертного сообщества страны, создания реально функционирующей «фабрики мысли», концентрирующей национальный интеллект и соединяющей его с действующей властью» [10]). Проблема в том, что пока

ещё нет «сетей», налаженной коммуникации, нет «трансферта знаний» [8]. В каком-либо сибирском регионе возникает необходимость в проекте, проработанном экспертным сообществом. Проект предоставляет, допустим, столичное учреждение подобного профиля. Проект не вызывает одобрения в регионе. Возникает вопрос: где экспертные сообщества этого региона? Неужели нет академических кругов, университетов? Они, конечно, есть, но с ними не налажена коммуникация из центра. Кроме того, академические круги могут быть совершенно классического толка: профессора ориентированы на публикации, теоретические рассуждения, но не на реализацию проектов. Кроме того, немаловажно и отношение к информированности населения. Например, «фабрики мыслей» Соединенных Штатов Америки транслируют в виде кратких обзоров свои выводы населению [8]. Если у нас учёные печатают монографии, то обычно они насыщены терминологией и не интересны широким массам. Такой исследователь, как Сергей Кара-Мурза говорит ещё и о том, что, если ранее интересы народа учитывались властью, то в современном либерально-демократическом обществе к «кухаркам» не снисходят. Дескать, принимать решения должны компетентные органы, и ничего, если народ эти решения не осознает как оптимальные [4]. От людей корректно (к сожалению, иногда и некорректно) отстраняются, отказывая им в необходимом уровне знаний для влияния на политические решения. Если экспертные сообщества становятся прослойкой между властью и населением, если хотя бы интеллигенция информируется о происходящем в области принятия судьбоносных для государства решений, тогда возможен разговор о важной роли экспертных сообществ в жизни общества. Тогда появятся и ответы на первоначально поставленные вопросы: каковы функции экспертных сообществ в стране, как реализуются продукты «фабрики мыслей», что это вообще такое. К сожалению, пока государственный аппарат не чувствует необходимости в независимых экспертах по ряду причин, таких как, например: властные структуры считают себя компетентными в вопросах управления, могут быстро принимать решения, потому как хотят именно властвовать. Политическое понимание власти как борьбы подменяет собой понимание власти как «отеческой» силы, беспокоящейся о народе [2].

Как создать условия для получения определения «действующее экспертное сообщество»? Не на примере одной области страны, а в сознании широких масс. Академические круги должны зарабатывать себе авторитет, возможности для этого появляются: переход на Болонскую систему образования, нацеленность на проектную деятельность, междисциплинарность и непрерывное образование. Повышение гражданской активности населения должно стимулироваться отдельными представителями этого самого населения, судя по всему. То есть, возникновение знаковых персон (например, блогер Наваль-

ный [5]), приводит к тому, что молодежь поднимает голову и оглядывается по сторонам. Конечно, хотелось бы создать особую среду для студенчества, в которой бы зарождались новые, по крайней мере, «местечковые» экспертные сообщества.

Библиографический список

1. Бунин И. Неоднородность экспертного сообщества в России: политологи и политтехнологи // [Электрон. ресурс] <http://www.kreml.org/interview/61518067>
2. Дискурс. Востребовано ли сегодня экспертное сообщество в политических процессах, или власть самодостаточна? // АПН // [Электрон. ресурс] http://www.apn-nn.ru/diskurs_s/785.html
3. Ефимов И. Как создать научно-образовательное экспертное сообщество России // [Электрон. ресурс] <http://www.courier-edu.ru/couiro889/3700.htm>
4. Кара-Мурза С. Экспертное сообщество России: генезис и состояние // [Электрон. ресурс] <http://www.kara-murza.ru/books/articles/expert.htm>
5. Навальный // [Электрон. ресурс] <http://navalny.livejournal.com/>
6. Олейник И. О путях повышения эффективности российского экспертного сообщества. О постановщиках экспертных исследований // [Электрон. ресурс] <http://www.communicators.ru/blog/scientific/9>
7. Римский В. Роль экспертного сообщества в российской публичной политике // [Электрон. ресурс] http://www.apn-nn.ru/diskurs_s/709.html
8. Улахович В. Е. Экспертное обеспечение внешнеполитических решений // журнал международного права и международных отношений 2006 – 2 // [Электрон. ресурс] http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=1012&Itemid=232
9. Федеральное государственное учреждение «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации» // [Электрон. ресурс] http://www.cea.gov.ru/About_center/
10. Экспертное сообщество «Российский сетевой интеллект» // [Электрон. ресурс] <http://www.rusrand.ru/experts/>

ПЛАТОН, ТЕХНОКРАТИЯ И ВЛАСТЬ

В. В. Семёнов

Академия проблем сохранения жизни, г. Пущино, Россия

Summary. In his dialogue “State”, Plato described the basic reasons for the crisis of the state. He expounded the philosophy of technocratic power. At the time of the current global crisis Plato’s work is particularly actual.

Key words: Plato, technocratic power, crisis of the state, global crisis.

В истории политических учений самой известной и знаменитой является работа Платона о государстве. Его считают классиком античной социологии и политической теории, но в то же время к его идеям относятся скептически и снисходительно, мол, что требовать от понимания проблем государства в античности. Диалог «Государ-

ство» называют утопией и подвергают критике абсолютно все его идеи, забывая сопоставить их с основными положениями платоновского субстанциализма, ну а если сопоставить, то есть над чем задуматься. Конечно, работа ориентируется на реальное положение дел в древнегреческом полисе, и эти издержки, конечно же, следует учитывать в XXI веке новой эры. Итак, в чём же ценность учения Платона? Об этом нельзя сказать, не поняв его вклада в философию [3]. Несомненно, что на Платона оказали влияние коммунистические идеи пифагорейского союза. Пифагор имел огромный авторитет, его изображения чеканили даже на монетах, но хорошо было известно и о печальных результатах опыта коммунистического правления пифагорейцев в Южной Италии. Поэтому не коммунистические идеи были главным и важным в этом произведении, пережившем тысячелетия, а философия Платона, попытки показать субстанцию государства и его диалектику. Он пытался выявить в этом эмпирическом образовании то, что сокрыто от глаз (чувственного восприятия) и дать наиболее рациональное толкование государственному устройству. Идея была созвучна с мифами о правлении богов, когда каждый бог управлял отдельной областью общественной жизни, создавая в ней гармонию, благоприятные условия для всех членов сообщества в этой области. Каждая отдельная область общественной (профессиональной) жизни государства была освящена божественным законом конкретного бога. Именно этим областям государственного жизнеустройства уделено главное внимание в работе Платона, без них с их законами государство неполноценно и фактически являет собой не одно, а «два государства враждебные друг другу: одно государство бедных, другое богатых» [Платон. Государство. – Кн. IV. 422e – 423a]. Эти два государства – источник противоречий и смут, причина сменяющихся и повторяющихся форм правления от автократии до демократии. Все формы негативны по своим последствиям, но, пожалуй, самой худшей является демократия, которая порождает тиранию.

Нужно заметить, что каждая из форм имеет и свои преимущества, и свои недостатки, причём те, что присущи людям. Любая из форм может вести как к процветанию, так и к упадку государства: монарх может переживать за государство, как за свою собственность, способствуя его процветанию, а демократически избранный президент – сочетать в себе все худшие качества временщика. По сути, за всю историю государств существовало только два вида власти – автократия и олигократия (олигархия то же самое, но ей придаётся более узкое толкование) и различные способы их реализации: автократия выборная и невыборная, ограниченная и неограниченная и олигократия тоже выборная и невыборная и ограниченная или неограниченная. Что касается демократии (власти всех или большинства), то попытки реализовать её в виде непосредственной или прямой демократии выливались или в безвластие (карикатуру на власть), которое

заканчивалось автократией, или в представительную демократию – по сути в выборную олигократию (т. е. в любом случае заканчивалось наведением порядка, введением конкретного института власти). Всё остальное – либо комбинации указанных видов власти, либо детали, индивидуальные особенности власти.

Большинство критиков платоновского «Государства» довольно упрощённо трактуют его принцип разделения общества на конкретные профессиональные сферы. Они полагают, что Платон описывает сословия, классы или даже касты общества, необходимые для придуманного им нового типа государства. Но тут возникают сразу четыре возражения. 1. Классы или сословия существовали задолго до древнегреческой цивилизации, и не было никакого смысла их выдумывать заново. 2. Деление на классы или сословия осуществляется по имущественному принципу и наследству имущества, а платоновское разделение опиралось исключительно только на индивидуальные способности, благодаря которым ребёнок или взрослый попадал в соответствующую ему сферу разделённого общества. 3. Описывая разделение государства на два враждебных, Платон уже определил их как классы или сословия и в противоположность этому предлагал делить общество по профессиональному принципу, чтобы противостоять разделению государства на два и его ослаблению. 4. Классические классы или сословия ориентированы только на свои интересы, а предлагаемое Платоном разделение сфер государства преследовало цель удовлетворения потребностей всего государства и ориентировано исключительно на интересы всех «потребителей» и их благополучие [1, с. 96]. На первое место Платон ставит ценности государства (законы, сам человек и все достижения культуры) и на последнее – цены, деньги, что неверно интерпретируется как его коммунистическая точка зрения. Но дело в том, что цены регулируют отношения людей на уровне общества, а ценности – это уже совершенно иной уровень – уровень государства, поэтому стоит только ценности государства превратить в цены – и оно развалится.

Какой философский идеал стоит за предлагаемым Платоном разделением государства на определённые сферы? Сферы эти разделены по принципу профессиональной ориентации. Даже государством должна править довольно узкопрофессиональная группа учёных (по античным меркам это философы), которые не принадлежат элите, а становятся ею уже в зрелом возрасте, освоив громадный объём необходимых для управления знаний. Между тем интенция Платона была направлена против античной демократии, теории которой признавали за всяким гражданином полиса право быть избранным на все государственные должности независимо от его уровня знаний и профессиональной подготовки к делам по управлению государством, а он утверждал, что необходимо, чтобы каждый член общества «делал своё», и притом «только своё», дело. Это, по Платону, основ-

ной закон жизни общества! Лишь при его реализации восторжествует «идея Блага», а законы будут истинны и, следовательно, справедливы. Мудрость «власти всезнающих» заключается в способности созерцания занебесной, внепространственной (т. е. субстанциональной) области вечных и совершенных «идей» [Платон. Государство. – Кн. IV. 428b – 429a], которая и требует разделения сфер государства по профессиональному признаку. Гибелью грозит государству даже просто смешение его профессионально разделённых областей [Платон. Государство. – Кн. IV. 434a – b].

Ранее мы рассматривали модель становления иерархии биосферы и пришли в итоге к выводу, что появление такой системы (и субстанции), как государство, обязано возникновению его частей, т. е. институтов государственной власти [3, с. 149–150]. Институт государственной власти как видовая субстанция есть такая часть государства, которая обладает его всеобщностью, но при этом остаётся профессионально ориентированной. В эмпирии это учреждения государства, деятельность которых проявляется в их законах (власть государства) – всеобщих для всего государства. Совмещение всех институтов власти в лице одного автократа или растворение их во много– различно – профессиональном демосе, в прямой демократии и вызывает самое большое недовольство Платона, который видит в этом огромную опасность для государства.

Идея власти учёных во времена Платона действительно была утопией, потому что не существовало ещё учёных, ориентированных на профессиональные группы населения, да и глубоких (мудрых) философов можно было по пальцам перечесть. Технократия для античности явление нереальное, но всё же это не утопия, не фантазия. Времена меняются, работники умственного труда давно уже составляют целый класс общества и обслуживают все сферы и институты государства, а проблему технократии обсуждают не одно столетие («технократия» – термин не совсем точно отражающий суть, но уже укоренившийся). И проблема становится всё более и более актуальной [4].

Сегодня большинство учёных сходится во мнении, что человечество вступает в период глобального кризиса, который грозит существованию всего человечества. Это многоаспектный кризис, составные части которого тесно взаимосвязаны, но каждая из таких частей являет свою отдельную угрозу: социальную, демографическую, экологическую, энергетическую, продовольственную, популяционно-генетическую (генетический груз человеческой популяции) и т. д. В одну кучу сваливаются все проблемы, и разгрести их придётся в этом – XXI веке. Уже XX век стал веком экспериментов, правда, ничего, кроме них, не оставил. И это были только цветочки.

Решение проблем сегодня требует гигантских материальных и людских ресурсов, и это может быть реализовано только через объединение усилий всех государств. ООН не обладает возможностью

удерживать вошедшие в неё сильные страны от произвольных действий, а воли и желания сосредоточить ресурсы на решении общих глобальных проблем у них нет. И это зависит от специфики их государственных институтов и распределения внутренних ресурсов.

В глобальном и многоаспектном кризисе, охватившем мир, на первый план выходит кризис социальной политики. Большие потери несёт наука, а без неё, если разобраться, нет будущего. Более того, научная интеллигенция – это тот последний эшелон, который только и способен осознать всю глубину надвигающегося краха и указать реальные пути предотвращения его. В буквальном значении слово «технократия» означает власть учёных, построенную на принципах научной рациональности, – власть административную, законодательную и судебную. В технократической системе экономика управляется экономистами, социальная политика – политологами, система здравоохранения – специалистами-медиками, экология – экологами и т. д. В Новое время возникло большое количество технократических концепций [2], однако идея технократии в них явно деформируется. За исключением работ А. Сен-Симона, в которых делается акцент на власти научно-промышленных специалистов, на правлении ими обществом, в последующих и современных разработках учёным отводится роль «участия в регулировании», «участия в управлении» и т. д. Идея Платона видоизменяется: вместо власти и управления – «участие в управлении», и чаще всего в управлении какого-либо производства или процесса.

В 1992 г. на Международной конференции ООН в Рио-де-Жанейро была сформулирована концепция устойчивого развития человеческой цивилизации, которая должна стать противовесом надвигающемуся глобальному кризису. Было предположено, что устойчивое развитие человечества возможно при следующих условиях: а) произойдёт смена нынешних технологий более чистыми и менее энерго- и ресурсоёмкими, б) постепенно невозобновляемое сырьё заменится возобновляемым, в) снизятся темпы прироста численности человечества, г) увеличится производительность труда (что приведёт к повышению качества жизни), д) возрастет роль надгосударственного регулирования и управления (через ООН и её организации), а также государственного руководства и управления, которые обеспечат реализацию перечисленных выше целей и условий на основе смещения центра тяжести от частных (в основном эгоистических) интересов к общественным.

Большинству образованных людей во всех странах мира тем не менее понятно, что поставленных задач недостаточно, способы достижения самых принципиальных из них не ясны, а решения организации ООН зависят от небольшого количества самых развитых государств – от их доброй воли или эгоистических интересов. Короче, представленная концепция, скорее, утопия, а в лучшем случае благое

пожелание. Но на той же конференции прозвучала ещё одна идея, вызвавшая довольно широкий резонанс. Излагая свои технократические взгляды, известный писатель Станислав Лем сказал: «Необходимость выбора между цивилизацией как глобальным правлением знатоков-экспертов и цивилизацией как правлением политических лидеров, демагогически обещающих всё, а на деле не способных дать почти ничего, – будет всё более острой. ... Ведь общая тенденция, заметная буквально повсюду, в том числе и в США, такова, что возрастающей сложности государственных, социальных, технических, наконец, глобальных проблем, сопутствует явное снижение уровня компетенции правящих». За последнее столетие произошло настолько существенное усложнение задач управления государством, что стало невозможным принятие правильных решений лидером или группой таковых, и использование ими специалистов-консультантов проблемы не решает.

Без радикального изменения институтов государства технократическая республика существовать не может. Каждый институт это конкретная власть, всеобщая для государства и строго профессиональная в своих задачах. Уже Аристотель понимал специфику института и предлагал (не ссылаясь, правда, на Платона) существующую власть делить на три более специализированные власти, т. е. на три института: законодательный, исполнительный и судебный. Впоследствии идея разделения властей была увязана с теорией «естественного права», а с утверждением капиталистического строя принцип разделения властей был провозглашён основным принципом конституционализма. В некоторых государствах к трём властям добавляются учредительная, контрольная и избирательная власти. Но для технократического государства необходимы новые институты власти и радикальное изменение старых.

Министерства должны быть преобразованы в институты государства, в каждом из которых должны быть свои НИИ, которые играли бы не только анализирующую, но и руководящую роль. Между тем критерию законодательной всеобщей власти соответствуют и некоторые узкопрофессиональные институты, например медицины (здоровья), экологии, образования, обороны, внутренних дел и другие. Необходим, например, институт СМИ и соответствующие ему НИИ, а потребность в хозяйственном руководстве крупных городов могут удовлетворить выпускники государственного института управления. Из Совета министров должны выйти ряд министерств на правах отдельных институтов государства. В нём остаются министерства, деятельность которых не подходит под критерий всеобщей необходимости и распоряжения которых касаются отдельных отраслей хозяйства. Именно в этой инстанции должны существовать НИИ, регулирующие пропорции форм хозяйства (многоукладность) на внут-

реннем рынке. Сам Совет министров должен быть замещён государственным институтом экономики.

Институты будут наделены властью (законодательной, исполнительной и судебной), а их положения (всеобщие законы) должны быть научно обоснованы и приняты советом этих институтов. Сеть профильных государственных НИИ и других учреждений, объединяемых по профессиональному признаку в соответствующий институт государства, во главе с выбранным на конкурсной основе и на определённый срок руководством – вот самая адекватная структурная единица технократического государства. Высшим органом власти в технократическом государстве становится «Совет институтов государства», или «НИИ Управления», который реализует механизм отрицательной обратной связи в столкновении интересов институтов государства, предотвращает и разрешает межинститутские конфликты. Это тоже выборный на конкурсной основе и большинством голосов орган. Принципы формирования руководящих органов институтов государства: выборы и профессионализм, который обязательно должен быть подтверждён научными работами претендентов в Совете каждого института. Профессионалы оценивают профессионалов – кандидатов в руководство, их работу до выборов и их результаты руководства после выборов. Избранный орган периодически должен отчитываться, доказывая реализацию предвыборных обещаний (кандидата можно отзывать за несоответствие должности).

Президентское правление уже давно изжило себя, как изжили себя всенародные выборы, которые в технократической республике должны быть перенесены вовнутрь государственных институтов. С исчезновением всенародных выборов (некомпетентности электората) исчезнут главные пороки буржуазной республики. Исчезнут механизмы связи власти и капитала, а с ними и некомпетентность и коррумпированность власти. Выборы внутри института (в том числе финансового или экономики) это в первую очередь конкуренция научных работ, без ограничения количества кандидатов. Легитимность голосования лишь при участии конкурирующих проектов. И вся работа выбранного автократа или олигократов государственного института должна оставаться под прицелом критики оппонентов. В принципе именно по такой схеме необходимо осуществлять формирование иерархии любого государственного института. Конкуренция на почве профессионализма должна быть свободной и альтернативной и присутствовать не только на уровне какого-либо государственного института, но внесена как основной принцип существования любой организации. После выборов жёсткая иерархия должна сочетаться со свободой профессиональной критики и законодательными механизмами защиты именно такой критики.

Библиографический список

1. Асмус В. Ф. Платон. – М., 2005.
2. Кокошин А. А. Технократия, технократы и неотехнократы. – М., 2009.
3. Семёнов В. В. Вперёд, к Платону! Все пороки антисубстанциализма. – Пушино, 2008.
4. Семёнов В. В. Глобальная технократия // Бренное и вечное: идеология и мифология социальных кризисов: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Великий Новгород. – 2009. – С. 42–45.

ПАРАДИГМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОСТЬ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ МЕДИА-МЫШЛЕНИЕ

Б. А. Дорошин, С. А. Махтина

**Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия**

Summary. This article discusses the problem of social order for higher education, and the manifestation of it biosocial, technosocial and biotechnological components of civilization, and the formation under their influence of different paradigms of quality of people, trained in the higher education.

Key words: intelligence, intellectuality, consumer media-thinking.

Современная цивилизация представляет собой чрезвычайно сложную систему, в которой взаимодействуют, наряду с прочими, биосоциальные, техносоциальные и биотехнологические составляющие. С учётом этого, во многом противоречивого, взаимодействия, представляется актуальным рассмотреть некоторые тенденции в социальном заказе, предъявляемом к высшему образованию, и в изменении его парадигм.

Одним из специфических явлений на рынке труда современной России в последнее время является (в немалой степени обусловленное советским наследием [1]) требование высшего образования для претендентов на рабочие места. Зачастую для работодателей, особенно в сфере услуг, где возрастает спрос на рабочую силу, важны даже не столько профессиональные знания потенциальных работников, не конкретное содержание их образования, а общий уровень культуры, ожидаемый от выпускников высшей школы.

Приведём несколько свидетельств, раскрывающих сущность и мотивы данного требования.

«Приходишь в фирмы – высшее образование, высшее образование... вот, уборщицей в Сбербанке... Престиж фирмы, так положено» [Воронеж, в/о, низкий доход].

«Другие манеры, манера общения: не перебивают, без мата, как на заводе... Работодатель хочет быть уверен, что она не на-

делает ошибок, что грамотная, что разговаривает прилично...» [Н. Новгород, без в/о, высокий доход].

«С высшим больше знает, умеет учиться, интеллектуальное развитие... если смог получить, значит, он более способный, умный, эрудированный – там философия, этика...» [Воронеж, без в/о, низкий доход].

«Способности обучаться больше, развиваться... Интеллектуальность? Может быть, порядочности больше? ...Высшее образование плохого не дает...» [Воронеж, в/о, низкий доход].

«Работодатели правильно делают – общий уровень, интеллигентность, уровень интеллекта, в состоянии делать выводы, принимать решения» [Н. Новгород, в/о, низкий доход].

«Диплом для работодателей – показатель культуры. Будет общаться с клиентом на другом уровне, вежливо, интеллигентно» [Воронеж, в/о, низкий доход].

Таким образом, высшее образование рассматривается как своеобразный цивилизационный и этический фильтр, проходя через который, человек должен стать носителем таких качеств, как:

- приличное поведение, соответствующее этикету;
- грамотная речь без ругательств;
- дисциплинированность;
- порядочность;
- социальная предсказуемость;
- способность усваивать и перерабатывать информацию;
- способность развиваться;
- интеллигентность [4].

Именно последнее качество, чаще других упомянутое в приведённых здесь свидетельствах, обобщает весь комплекс качеств, перечисленных вместе с ним. В самом деле, словарные дефиниции характеризуют интеллигентность как «совокупность личностных качеств индивида, отвечающих социальным ожиданиям, предъявляемым передовой частью общества к лицам, являющимся носителями культуры; ... приобщенность к богатствам мировой и национальной культуры и усвоение общечеловеческих ценностей; ... тактичность и личная порядочность» [9]; честность, правдивость, ... совестливость, принципиальность, скромность, неприхотливость, в сочетании с большими интеллектуальными возможностями» [5]; «умственная развитость, подготовленность к пониманию теоретических вопросов, к усвоению научных познаний» [6], «высокий уровень развития интеллекта» [7].

Важно отметить, что в данных дефинициях речь идёт о некоем идеальном наборе качеств, а не о реальных качествах всякого представителя интеллигенции, об идеальном типе, причём, не только интеллигента, а, скорее, человека вообще.

Совокупность ряда последних из вышеперечисленных в приведённых дефинициях качеств – обобщим его понятием «интеллекту-

альность» – имеет непреходящее общественное значение не только в контексте специфики постиндустриального общества с присущим ему ростом сферы услуг, обуславливающим высокую потребность в работниках, обладающих прежде всего прочими качествами интеллигентности. Оно становится всё более значимым в более широком цивилизационном контексте в связи с научно-техническим прогрессом, ростом глобальных проблем человечества, усложнением всей системы общественных отношений, формированием «общества риска». К тому же, интеллектуальность, исходя из её этимологии, объединяющей её в нераздельное целое с интеллигентностью (оба слова восходят к лат. *intellectus* – познание, понимание, рассудок), является центральной, «несущей» составляющей, ядром последней. Вероятно, стоит принимать во внимание и то, что интеллектуальность, понимаемая в связи с её этимологией в самом широком значении, является и сущностной характеристикой «человека разумного» вообще.

Итак, интересы общества – как в российском, так и в глобальном масштабах, обуславливают потребность формирования у существенной части социализирующейся молодёжи интеллигентности вообще и интеллектуальности в частности. Между тем, некоторые тенденции развития высшего образования проявляют определённые коллизии относительно данной потребности.

Традиционно образ интеллигента или интеллектуала ассоциируется с книгой и чтением. Восприятие информации через печатно-вербальные каналы требует довольно напряженной работы сознания и воображения, усилий интеллекта. Для «книжной культуры» характерен особый способ работы с информацией – через диалог читателя и текста, обуславливающий возможности глубокого анализа и критического восприятия получаемых данных, формирование самостоятельного мышления с высоким уровнем рефлексии, способного творчески переосмысливать и развивать усвоенные идеи. Однако в настоящее время чрезмерное влияние аудиовизуальных средств массовой коммуникации (особенно телевидения и Интернета) способствует формированию у молодёжи потребительского медиа-мышления.

С распространением телевидения связано ослабление внимания и способности сосредотачиваться, т. к. просмотр телевизора легко становится фоновым занятием и может сочетаться с другими видами деятельности. Другими его следствиями являются снижение способностей к интеллектуальной мобилизации, пониманию, вследствие привычки к легкой для восприятия аудиовизуальной информации, а также формирование «мозаичной памяти» и «мозаичного сознания», вследствие мозаичности и семантической «разноголосицы» телевизионной информации.

Влияние масс-медиа, предоставляющих сознанию простые, эмоционально окрашенные образы действительности, которые не предполагают критичного к себе отношения, а действуют в режиме

подсказки-наставления, формирует привычку потреблять информацию. Сознание, сформированное таким образом, при столкновении с любым когнитивным затруднением будет стремиться найти уже готовый ответ или рецепт, вместо того, чтобы внимательно и глубоко анализировать возникшую проблему. По-видимому, именно таким – потребительским – медиа-мышлением значительной части российских школьников и студентов обусловлены процессы ухудшения качества образования.

Как отмечает Т. А. Хагуров, вместе с любовью к чтению более-менее серьезной литературы уходит в прошлое и тип студента, проявляющего искренний глубокий интерес к предметам, которые изучают в вузе. Даже среди успешно обучающихся, целеустремлённых и ответственных студентов стремительно снижается процент тех, кто испытывает интерес к содержанию изучаемых предметов. При этом они старательно слушают лекции, активно работают на семинарах, исправно выполняют домашние задания. Они всеми силами стремятся сдать предмет и получить высокую оценку. Но, к сожалению, все реже стремятся понять конкретные истины и разобраться в сути вопроса. Их зачастую интересует не содержание предмета, а результат экзамена. Основной причиной снижения интереса российских студентов к теоретическим курсам является массовая ориентация на «полезное знание», – ясное и доступное, чисто инструментальное и, что самое главное, ведущее кратчайшим путем к выгодной работе. Доминирующей установкой становится: «научите меня зарабатывать деньги, прочее мне не интересно». Студенты зачастую не верят преподавателям, что без серьезного изучения теоретических основ предмета их профессиональный горизонт как специалистов будет узким, а мышление ригидным [11, с. 97 – 100].

Две указанные выше тенденции, выступающие в неразрывной связи друг с другом: 1) примитивизация мышления и 2) замещение потребности в знании, «эпистимологической тяги», узкой прагматически-потребительской ориентацией учащихся обусловлены не только медийно-информационным прессингом. Одним из факторов, объективно детерминирующих данные следствия, являются концептуальные переориентации в идеологии образования.

Прежде всего, это превращение образования в сферу образовательных услуг. Оно предопределяет формирование у субъектов образовательного процесса отношений продавца – покупателя, в которых, в соответствии с нормами рынка, «клиент всегда прав». При этом покупка услуги в значительной степени обусловливается удобством пользования, тогда как качество – это во многом имиджевая характеристика услуги, формируемая рекламой. Последняя может быть эффективной только с учётом этой закономерности, и в силу этого позиционировать образовательные услуги, к примеру, так:

«У нас можно в кратчайшие сроки получить самое качественное образование, гарантирующее в дальнейшем хорошую работу, поскольку мы используем самые современные инновационные технологии обучения и у нас работает лучшая профессура» [11, с. 100–101].

Факторами эффекта здесь являются, наряду с гарантией хорошей работы, прежде всего «кратчайшие сроки» и «инновационные технологии». Именно они определяют для потребителей-учащихся, а нередко и родителей – людей, которые в массе своей не имеют компетенции для объективной оценки качества образования, т. к. не являются специалистами в оном, удобство пользования образовательными услугами: быстро, прогрессивно и «продвинуто» («шагать в ногу со временем», «не отставать от моды»), объективно (компьютерное тестирование), ярко и интересно (мультимедиа).

Между тем, как отмечает В. А. Кутырев, вытеснение из системы образования личностного взаимодействия обучаемых и обучающихся, внедрение e-learning и тестирования вместо рассуждений, споров и собственного построения ответа направляет мышление от образно-смыслового этапа к знаковому, «от заданного опытом собственного существования мыслящего взгляда на мир к исчисляющему интеллекту, от свободы, пусть ученического, но творческого проектирования познавательной ситуации к её ограниченному выбору из заранее кем-то и где-то составленного стандартного полувопрос/ответа». В перспективе это ведёт к преобразованию человека в «агента» с формализованным, деиндивидуализированным, «распределённым мышлением», к превращению индивида в «размазанного» по Сети без субъектного контроля над собой «дивида». «Быть «в сознании», тем более «философствовать» о целях и ценностях, спрашивая куда, зачем, во имя чего цивилизация, накапливая богатства и демографически вымирая, стремится вперёд с всё большей скоростью, будет неловко, стыдно, а потом опасно» [8].

Логика развития «второй природы», в которую человек становится интегрирован всё более, чем в естественную, «играет в унисон» с логикой рынка, формируя мышление потребителя, обладающее специфическим рядом особенностей:

- несамостоятельность (ориентация на рекламную подсказку);
- гедонистическая безответственность («жить нужно в кайф»);
- утилитарность (его интересует только то, что он может потратить) [11, с. 102].

Эта тенденция дополняется заменой традиционной цели классического образования – «воспитания зрелой, гармонично развитой личности», на иную – «воспитание конкурентоспособной и эффективной личности». Вероятно, данная переориентация в той или иной мере задана общей логикой развития техногенно-информационной потребительской цивилизации, ориентированной на обладающего «минимальной личностью» [2] постчеловека [9]. Движимые ею, «не-

видимая рука рынка» и «сверхпрочный манипулятор» техносферы всё явственнее устремляются к тому, чтобы заклеить интеллигентность как недостаточно специализированную и прагматичную, а потому nepoзволительную роскошь, нечто «слишком человеческое»; и указать вместе с тем кратчайший путь вглубь «сумерек Просвещения» [3].

Библиографический список

1. Балацкий Е. В. Институциональные конфликты в сфере высшего образования // Биометрика. – URL: http://www.biometrica.tomsk.ru/institut_conf.htm. – Дата обращения: 01.03.2011.
2. Гофман М. Минимальная личность // Пси-фактор. – URL: <http://psyfactor.org/lib/minimal-self.htm>. – Дата обращения: 24.03.2011.
3. Грей Д. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Пер. с англ. Л. Е. Переяславцевой, Е. Рудницкой, М. С. Фетисова и др., под общей ред. Г. В. Каменской. – М.: Праксис, 2003. – 368 с.
4. Дубин Б. В., Гудков Л. Д., Левинсон А. Г., Леонова А. С., Стучевская О. И. Доступность высшего образования: социальные и институциональные аспекты // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество» – 2005. – № 189–190. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0189/analit03.php>. – Дата обращения: 01.03.2011.
5. Интеллигентность // Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура. Словарь-справочник / Автор-сост. профессор В. Ф. Пилипенко. Изд. 2-е, доп. и перераб. – М.: ПЕР СЭ-Пресс, 2005. – Яндекс. Словари. – URL: <http://slovari.yandex.ru/интеллигентность/Безопасность/Интеллигентность/>. – Дата обращения: 06.03.2011.
6. Интеллигентность // Большой словарь иностранных слов. – Издательство «ИДДК», 2007. – Словари и энциклопедии на Академике. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/45124/интеллигентность. – Дата обращения: 07.03.2011.
7. Интеллигентность // Новый словарь иностранных слов. – byEdwART, 2009. – Словари и энциклопедии на Академике. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/45124/интеллигентность. – Дата обращения: 07.03.2011.
8. Кутырев В. А. В начале была цифра... // Философия математики: актуальные проблемы. – Философский факультет МГУ. – URL: www.philos.msu.ru/fac/dep/scient/confdpt/2007/theses/kutyrev.pdf. – Дата обращения: 05.03.2011.
9. Петровский А. В. Интеллигентность // Социальная психология. Словарь / Под ред. М. Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л. А. Карпенко. Под общ. ред. А. В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – Яндекс. Словари. – URL: <http://slovari.yandex.ru/интеллигентность/Социальная%20психология/Интеллигентность/>. – Дата обращения: 07.03.2011.
10. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М. Б. Левина – М: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКО», 2004. – 349 с.
11. Хагуров Т. А. Образование в стиле «пепси» (полемические заметки) // Социологические исследования. – 2010. – № 7. – С. 96–103.

II. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ, НАУЧНАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ПРАВОСЛАВНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЕЁ УЧАСТИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Е. Н. Шелепина
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

Summary. The author has defined the place and role of the Orthodox clergy in public education and education in the dioceses of the Middle Volga. Analyzed the influence of parochial schools in the congregation and the clergy itself. Highlighted the causes of the crisis of public education.

Key words: clergy, intelligentsia, church school, the people.

Русское православное духовенство середины XIX века как социальную группу, занимающуюся умственным трудом и интеллектуальным подвижничеством, относят к интеллигенции. Духовенство заложило основы для формирования интеллигенции начала XIX века, роль священнослужителей в обществе, помимо церковной деятельности, заключалась ещё в народном просвещении, и эта роль значительно расширилась к середине XIX столетия в связи с повсеместной организацией церковно-приходских школ.

Образование населения находилось в руках Церкви со времени появления православной религии на Руси. И лишь незначительная часть населения была задействована в образовательном процессе. Основную часть грамотного и образованного населения Руси и России до XVIII века составляло исключительно духовенство и, поэтому не удивительно, что правительства Николая I и Александра II обратилось с призывом организовать церковно-приходские школы к Святейшему Синоду и духовенству, когда возникла государственная необходимость обучения народонаселения элементарным началам грамотности. Так же М. Н. Муравьёв видел в духовенстве основу русской народности, краеугольный камень, без которого невозможно строить здесь русское здание, он во всём полагался только на одно сословие и ему одному вверил образование народа [1] – духовенству.

Школы при церквях и монастырях появились с 1836 г., когда Высочайшим повелением пригласили духовенство организовывать школы для сельских детей, где должны были обучать их Закону Божию, чтению, церковному пению, письму и началам арифметики.

Такие учебные заведения получили название церковно-приходских школ.

Главная задача открывшихся школ была отражена в секретном указе Св. Синода от 29 октября 1836 г. за № 13052, в котором дополнительно объяснялось: «Обязанность первоначального обучения крестьянских детей относится к обязанностям приходского духовенства, которое сим случаем и средством должно воспользоваться для выполнения своей бесприкосновенной обязанности наставлять детей в вере и благочинии [2]. И в этом же секретном указе говорилось, что священники или другие члены причта, поставленные учителями, должны принимать не только желающих, но и располагать к обучению родителей и детей. Необходимо, чтобы все прихожане видели успехи учеников школ, для чего нужно использовать их во время церковной службы.

Следовало привлекать к обучению и детей раскольников, даже если они стремились к обучению с помощью старопечатных книг или книг, напечатанных в единоверческой типографии. При этом детям раскольников учитель должен был внушать уважение к русской православной церкви. Таким образом, решались задачи не образовательные, а в большей степени воспитательные. Тем не менее идея создания церковно-приходских школ и привлечения в них для обучения даже взрослых людей давала возможность надеяться, что при помощи православной церковной интеллигенции удастся распространить грамотность в России.

Изначально школы создавались на добровольной основе и никакого вознаграждения священноцерковнослужители не получали за свою нелёгкую работу. Священники, а именно им предлагали открывать церковно-приходские школы, устраивали классы в своих домах и на свой счёт их содержали. Государство считало, что таким образом осуществляется просветительская миссия церкви. Исключением стали школы, которые открывались с 1837 года по инициативе Министерства Государственных Имуществ, которые устраивались также духовенством, но с денежным пособием от вышеуказанного министерства.

Организаторы церковно-приходских школ столкнулись с серьёзными проблемами при формировании школ на местах, которые, прежде всего, были связаны с недостатком материального обеспечения и организацией учебного процесса.

Время учёбы в церковно-приходских школах ограничивалось периодом с 1 сентября по 1 мая, на лето школы закрывались в связи с тем, что ученики и учитель часто были заняты на полевых работах. Школы открывались на счёт церковных кошелековых сумм. Наблюдал за ходом обучения Благочинный и два раза в год докладывал об итогах работы школы Епархиальному Архиерею и Духовной консистории все сведения: о количестве учеников, предметах изучения и поведении. Школы были маленькие, в них занималось по 5–12 уче-

ников в возрасте от 7–10 лет. Мальчики и девочки обучались вместе с одинаковыми успехами.

Особенно успешных учеников награждали книгами, а неспособных исключали [3]. Церковно-приходские школы обычно открывались в церковных помещениях, домах священников, дьяконов и псаломщиков, т. к. специального помещения не имели [4]. Несмотря на все трудности, число школ быстро увеличивалось и к 1861 г. их стало 18587 в стране, в них обучалось 271263 мальчика и 49087 девочек [5].

Абсолютное число школ и учащихся само по себе еще не показатель, необходимо эти данные соотносить с количеством в губерниях и в России церквей и монастырей, с общим количеством населения и долей обучающихся. В России на 37381 церковь приходилось 18587 школ, то есть примерно 1 школа на 2 церкви, а в Пензенской епархии, по данным, отосланным в Св. Синод, на 713 церквей приходилось 262 школы, примерно 1 школа на 2,7 церквей. В Самарской епархии на 538 церквей приходилось 210 школ, примерно 1 школа на 2,5 церкви, а в Симбирской епархии на 609 церквей было 344 школы, следовательно, 1 школа на 1,8 церквей [6]. Видимо, в Самарской и Пензенской епархии священноцерковнослужители не спешили открывать школы, либо прихожане не стремились обучать своих детей, а в Симбирской губернии при церквях и монастырях было больше школ, чем в среднем по России. Даже при монастырях Симбирской Епархии было в 1861 г. 2 училища [7].

После первого обращения к духовенству о создании церковно-приходских школ, число их неукоснительно росло до середины 60-х годов XIX века. В письме от 5 марта 1866 г. к Председателям Земских Управ Обер-Прокурор Св. Синода граф Д. А. Толстой писал о сельских училищах: «Число их простирается до 21420 с 413524 учащихся; таким образом, они представляют в настоящее время главное средство для образования народа, потому что ни в каком другом ведомстве нет такого числа училищ...», но все они «...если поддерживают ещё своё существование, то большей частью одним усердием и пожертвованиями самих священнослужителей...». Священники понимали свою ответственность за образование народа, и, как высказался в Поучении в день преподобного Сергия Радонежского чудотворца, симбирский священник Н. А. Кенарский: «На нас первых после родителей лежит священный долг правильного истинного воспитания этих юношей и детей [8].

Огромную роль в образовании народа сыграл Н. И. Ильминский, который твёрдо проводит свои излюбленные тезисы: народное образование должно быть религиозным; его задача – воспитать человека, а потому и нужны народным школам лишь воспитывающие предметы.

До 1864 года количество школ росло, но в дальнейшем энтузиазм священнослужителей пошёл на спад. Неустроенность матери-

альной базы школ и отсутствие оплаты за работу привело к резкому сокращению школ. К 70-м гг. XIX века уцелело лишь 4000, да и те существовали как начальные училища, находясь фактически в подчинении училищных советов Министерства Народного Просвещения. Трудно в этом обвинять исключительно духовенство, произошли изменения в подходе к образованию.

Библиографический список

1. Из переписки графа М. Н. Муравьёва об улучшении материального быта православного духовенства в Северо-Западном крае (по поводу исполненного 35-летия). – Вильна, 1899. – С. 5.
2. ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1990. Л. 1669 об. 1670.
3. ГАУО. Ф. 134. Оп. 8. Д. 90. Лл. 3–4.
4. Кочеткова Е. А. Просвещение крестьянства как проблема политики и деятельности правительства, общественности России в 1874 – 1904 гг. (по материалам европейской части страны). – Оренбург, 1999. – КИН. – С. 70.
5. Преображенский Ив. Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840–1841 по 1890–1891 гг. – СПб. – 1901. – С. 82.
6. Отчет Обер-прокурора Св. Синода за 1861 г. – СПб. – 1863. – С. 88–89.
7. РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1162. Л. 17 об. 18.
8. ГАУО. Ф. 134. Оп. 8. Д. 90. Л. 4.
9. Сборник поучений на все дни праздничные. Первое приложение к Симбирскому проповедническому листку. Издан Священником Симбирского Воскресенского собора П. М. Мальховым. – Симбирск, 1886. – С. 206.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО СОЗДАНИЮ УЧЁНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

Б. А. Дорошин, А. В. Удалова

Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия

Summary. The article tells about how it was decided to establish a scientific archive commission in the Penza region of Russia, and how conducted administrative, scientific and financial preparations for its opening. Lists the institutions and persons who carried out this work.

Key words: authorities, intelligentsia, scientific archive commissions, local history.

Вопрос о создании в Пензенской губернии ученой архивной комиссии был поставлен председателем Пензенского губернского статистического комитета, губернатором А. В. Адлербергом и рассматривался на заседании комитета 22 января 1899 г. Учреждение комиссии было признано крайне желательным. Для решения связанных с этим организационных вопросов была избрана особая комиссия под

председательством управляющего Пензенским отделением Дворянского земельного банка надворного советника Иполита Александровича Сосновского. Членами её стали С. А. Успенский, В. Х. Хохряков, В. П. Попов и К. А. Савицкий. Они составили «Проект положения Пензенской Учёной Архивной Комиссии» – «согласно оснований, на которых Министерством Внутренних Дел учреждаются Учёные Архивные Комиссии, а также согласно тех правил и тех уставов, которые выработаны некоторыми существующими Учёными Архивными Комиссиями». В нём разрабатывались вопросы о составе комиссии, её финансировании и расходах, а также программа деятельности. 9 апреля 1899 г. состоялось заседание особой комиссии, на котором был заслушан проект программы деятельности ПУАК. По просьбе И. А. Сосновского присутствующий на заседании председатель Рязанской учёной архивной комиссии высказал свои замечания по поводу проекта. Выслушав их, комиссия постановила внести некоторые поправки в «Проект» и представить его на рассмотрение и утверждение общего собрания губстаткомитета (далее – ГСК). По исполнении этого постановления «Программа деятельности Пензенской Ученой Архивной Комиссии» выглядела следующим образом.

1. Составление Губернского Исторического Архива, для достижения чего предположено, разбирая описи Губернских Присутственных мест, выделять по ним в Губернский Исторический Архив те дела, бумаги и документы, которые имеют значение для истории местного края.

2. Пополнять таковой архив актами из частных архивов (церковных и семейных), для достижения чего обратиться к настоятелям монастырей, священникам и частным лицам с соответствующим ходатайством.

3. Командировать, сообразуясь со средствами комиссии и надобностью, своих членов в центральные архивы для выборки из них документов, касающихся Пензенской губернии, а также в города и уезды Пензенской губернии для осмотра и собирания сведений о существующих архивах и памятниках старины.

4. Собирать сведения о древностях края, собирать самые предметы в музей комиссии.

5. Принимать меры для охранения предметов древности от уничтожения, для достижения чего просить Губернатора предложить исправникам и Строительному отделению сообщать о всех замечательных зданиях и памятниках старины, которые предложено реставрировать (а относительно церковных строений, воздвигнутых ранее середины XVIII века, просить у Архиепископа распоряжения по Епархии, чтобы переделка и перестройка таковых зданий разрешалась консисторией не иначе как по предварительному сношению с Архивной Комиссией. Перед епархиальным начальством возбудить также ходатайство о том, чтобы реставрирование древних икон производи-

лось не иначе как с разрешения Архивной Комиссии, которая будет брать на себя посредничество в приискании опытного художника.

6. Печатать исторические и юридические документы и статьи, относящиеся до истории и археологии местного края в виде «Трудов» и «Известий» Пензенской Учёной Архивной Комиссии.

На заседании особой комиссии 9 апреля 1899 г. было также решено просить пензенского губернатора ходатайствовать перед правительством об открытии в Пензенской губернии УАК [7].

Согласно этому решению письменным представлением от 8 ноября 1899 г. пензенский губернатор А. В. Адлерберг ходатайствовал перед Министерством внутренних дел о разрешении открыть в Пензенской губернии на общих основаниях учёную архивную комиссию с музеем.

В ответном послании министр внутренних дел уведомлял губернатора о том, что считает разрешение на открытие ПУАК преждевременным до тех пор, пока он не получит уведомления о соблюдении одного из условий учреждения архивных комиссий, предусмотренных «Положением Комитета министров от 13 апреля 1884 г.», о соглашении директора Археологического института в Санкт-Петербурге с местным губернатором, путём которого выясняются «все условия, открывающие возможность в пользу учреждения в данной местности Архивной комиссии, условия её существования и деятельности». Тогда А. В. Адлерберг в письме от 19 декабря 1899 г. обратился к директору Археологического института Николаю Васильевичу Покровскому с просьбой высказать свои соображения по поводу учреждения в Пензенской губернии учёной архивной комиссии, и, в случае его согласия, сообщить, может ли ПУАК рассчитывать на субсидию из имеющихся в его распоряжении средств, и в каком размере.

В отношении открытия ПУАК ответ директора Археологического института был положительным, а субсидию он не обещал, сообщая, что по высочайше утверждённому штату Археологического института не назначено их отпуска на поддержку архивных комиссий, и в связи с тем, что до обсуждения архивного дела в России, на котором он предлагал разрешить этот вопрос, ещё долго, рекомендовал прибегнуть к финансовой помощи земских и городских общественных управлений [3].

Для получения средств на открытие ПУАК заседание ГСК 15 мая 1900 г. постановило обратиться к губернскому и уездным земствам, городским управам и городской думе с просьбой об оказании денежного пособия в размере не менее чем 25 рублей от каждого земства и городского управления.

Осенью 1900 г. это постановление было осуществлено – началось поступление денег. Всего к 8 декабря 1900 г., дню повторного ходатайства об открытии ПУАК, было ассигновано около 550 руб-

лей, в том числе 50 рублей от Керенской, 25 рублей от Мокшанской, 25 – от Чембарской, 50 – от Краснослободской, 25 – от Саранской уездных земских управ, 25 – от Наровчатской, 25 – от Чембарской, 25 – от Мокшанской городских управ. Как видим, в пензенских уездных земствах и городских управлениях, некоторые из которых выделили вдвое больше испрашиваемой суммы, хорошо осознавали необходимость данного начинания, оказав ему весомую материальную поддержку.

Прошение о субсидии встретило «полное сочувствие почти во всех городах и земствах», – так писал, обращаясь с таковым же 30 октября 1900 г. в Пензенскую губернскую земскую управу, А. В. Адлерберг [1].

К 8 декабря 1900 г. было также найдено для помещения ПУАК пустующее здание пензенской гауптвахты, улаживался вопрос о его передаче комиссии.

Обо всём этом: соглашении с директором Археологического института, собранных средствах и найденном здании и сообщалось при повторном ходатайстве министру внутренних дел об открытии ПУАК, отправленном ГСК 8 декабря 1900 г. А 13 марта 1901 г. департамент общих дел МВД сообщил статкомитету об удовлетворении данного ходатайства [4].

На заседании ПГСК 22 мая 1901 г. было решено приурочить открытие Пензенской губернской учёной архивной комиссии к 9 сентября 1901 г. – столетней годовщине восстановления Пензенской губернии и образовать для организации подготовительных работ особую комиссию под предводительством В.Х. Хохрякова и в составе членов – С. П. Никольского, В. П. Попова, К. А. Савицкого и С. А. Успенского. В свою очередь эта комиссия, согласно предложению В. Х. Хохрякова, постановила собрать через пензенского полицеймейстера и уездных исправников сведения о правительственных, церковных и семейных архивах Пензенской губернии; организовать вступление желающих в число действительных членов комиссии, определив размер членского взноса в 5 рублей; издать ко дню рождения ПУАК в количестве 500 экземпляров юбилейный сборник, состоящий из статей, касающихся «исключительно до возобновленной в 1801 г. Пензенской губернии» [2].

4 июля пензенскому полицеймейстеру и уездным исправникам было разослано прошение В. Х. Хохрякова о доставке в ГСК сведений об архивах, а 21 августа – ещё одно – о доставке сведений об архивах, образовавшихся не ранее II половины XIX в. К 9 сентября о имеющихся в подведомственных городах и уездах архивах сообщили Саранский, Чембарский, Инсарский, Мокшанский, Краснослободский, Керенский, Городищенский уездные исправники и пензенский полицеймейстер.

А 13 августа уездным исправникам были разосланы подписные листы с просьбой предложить их желающим вступить в действительные члены ПУАК и возвратить их в статкомитет не позднее 1 сентября. Но сведений о поступлении в ГСК подписных листов к этому сроку среди документов ПУАК не имеется. Известно, что к 9 сентября заполненные подписные листы вернули Краснослободский, Нижне-Ломовский, Саранский, Керенский уездные исправники [5].

По просьбе канцелярии ГСК в официальной части «Пензенских губернских ведомостей» № № 193–194 за 1901 г. было напечатано объявление, доводившее до сведения членов комиссии, видных деятелей культуры, краеведов и представителей администрации, что 9 сентября в 8 часов вечера в помещении губернаторского дома будет проведено заседание ГСК, на котором состоится открытие Пензенской губернской учёной архивной комиссии. Также от имени А. В. Адлерберга были разосланы персональные приглашения на это заседание [8].

В назначенный срок, 9 сентября 1901 г. – в день 100-летней годовщины восстановления Пензенской губернии – в 20.00 в губернаторском доме на заседании ГСК состоялось открытие Пензенской губернской учёной архивной комиссии. Пенза стала 21-м городом в России, создавшим архивную комиссию, опередив такие важные своим местом в российской истории города, как Казань, Киев, Новгород, Петербург, Полтава, Псков, Смоленск... На учредительном заседании присутствовало 26 человек. После речи губернатора с изложением хода подготовительных работ выступил член-секретарь ГСК В. П. Попов. Затем А. В. Адлерберг предложил всем присутствующим вступить в число действительных членов и выбрать председателя и правителя дел комиссии. Председателем был единогласно избран В. Х. Хохряков, а правителем дел – В. П. Попов. После этого губернатор объявил ПГУАК открытой. В. Х. Хохряков благодарил присутствующих за честь, оказанную ему избранием, а также от лица вновь образованной комиссии поблагодарил А. В. Адлерберга за инициативу в её учреждении [6].

Библиографический список

1. Выпись из журнала Губернского Статистического Комитета Заседания 15 мая 1900 года // Труды Пензенской Учёной Архивной Комиссии. – Кн. 1. – Пенза. – 1903. – С. 19; Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф.131. Оп. 1. Д. 1. Лл. 11–71.
2. Выпись из журнала Губернского Статистического Комитета Заседания 15 мая 1900 года; Журнальное постановление Комиссии, образованной для организации подготовительных работ по устройству Учёной Архивной Комиссии // Труды... – Кн. 1. – С. 20.
3. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1. Лл. 1, 6–9; Положение о Губернских Исторических Архивах и Учёных Архивных Комиссиях // Труды... – Кн. 1. – С. 3–5.
4. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1. Лл. 54–61, 74.
5. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1. Лл. 96–97, 105–107, 109, 113, 120, 129, 133, 137, 140.

6. Журнал Пензенской Учёной Архивной Комиссии Заседания 9 сентября 1901 г. // Труды... – Кн. 1. – С. 20–22; Пензенские губернские ведомости. – 1901. – № 199; Тюстин А. В. Золотые годы Пензенского краеведения (из личного архива).
7. Пензенские губернские ведомости. – 1899. – № 19; Выпись из журнала Губернского Статистического Комитета Заседания 22 января 1899 года // Труды... – Кн. 1. – С. 17; Журнал Комиссии, избранной Губернским Статистическим Комитетом для детальной разработки вопроса об открытии в Пензенской губернии Учёной Архивной Комиссии, Заседание 9 апреля 1899 г. // Там же. – С. 17–18; Программа деятельности Пензенской Учёной Архивной Комиссии // Там же. – С. 18–19.
8. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1. Лл. 117–118.

«ЗАПИСКА О НУЖДАХ ПРОСВЕЩЕНИЯ» – МАНИФЕСТ УЧЁНОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Д. А. Гаврин
Сибирский государственный аэрокосмический
университет им. академика М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия

Summary. In the beginning of XX century group of scientists wrote «Report about enlightenment». They wrote about education system in Russia, about living conditions of scientists, about necessity of reforms. For the first time in this document Russian Science Community took their position.

Key words: scientists, education, manifest, union, educational institution.

В начале XX века представители либеральной интеллигенции, деятели науки, высшего образования являлись участниками полулегальных организаций, стоявших у истоков российских либеральных партий. Многие учёные считали, что причина студенческих волнений и других революционных проявлений 1905 года заключается в общем недовольстве, которое коренится в отсутствии твёрдого и прочного правопорядка. Более подробно и определённо эта мысль была выражена в «Записке о нуждах просвещения», напечатанной 12 января 1905 года в газете «Наша жизнь». Её подписали 342 учёных (16 академиков, 125 профессоров, 201 приват-доцентов), преподавателей различных высших учебных заведений. Среди них видные деятели науки: В. И. Вернадский, К. А. Тимирязев, И. П. Павлов, С. С. Ольденбург, А. Н. Веселовский и др.). «Записка...» стала первым обращением российских учёных ко всему обществу, изложением их общей политической программы, взгляда на дальнейшую судьбу России.

В «Записке...» сказано о тяжёлом положении российской школы. Учёные убеждены, что народное просвещение – главный двигатель социально-экономической и культурной модернизации России и необходимо существенно менять образовательную систему на всех

уровнях. В «Записке...» кратко говорилось о положении с начальным образованием, о средней школе и о высших учебных заведениях, которые «находятся в состоянии полного разложения». Свобода научного исследования и преподавания в них отсутствует. Начало академической свободы совершенно подавлено [1, с. 123].

Условия деятельности учёных в России являются весьма тяжёлыми и даже унижительными, что авторы записки связывают с действиями властей: даже чисто учёная и преподавательская деятельность не гарантирует от административных воздействий. Очень часто профессора и преподаватели усмотрением представителей власти были вынуждены оставить свою деятельность по причинам, ничего общего с наукой не имеющим. Рядом распоряжений преподаватели высшей школы низводятся на степень чиновников, долженствующих исполнять приказания начальства [3, с. 98].

Система просвещения в России, по мнению учёных, представляет собой общественное и государственное зло, подрывающее авторитет науки и просвещения. Наука может развиваться только там, где она свободна, ограждена от постороннего посягательства, «где она беспрепятственно может освещать самые тёмные углы человеческой жизни. Где этого нет, там высшая школа, и средняя, и начальная должны быть признаны безнадежно обречёнными на упадок и прозябание» [3, с. 104].

В конце «Записки...» авторы переходят к вопросу несостоятельности всего государственно-общественного порядка России и необходимости изменения его. Для развития народного просвещения и науки необходимо полное и коренное преобразование государственного строя России на началах законности, политической свободы, народного представительства для осуществления законодательной власти и контроля над действиями администрации. В «Записке...» высказана мысль, что академическая свобода несовместима с государственным строем России того времени. Для достижения её недостаточны частичные поправки существующего порядка, а необходимо полное и коренное его преобразование. Только в условиях обеспеченной личной и общественной свободы может быть достигнута свобода академическая – необходимое условие истинного просвещения. «Записка...» – не революционный документ. Более того – она осуждает насилие. Но при этом она требует коренного изменения существующего порядка. «Записка...» стала учредительным манифестом и идейной декларацией полупрофессиональной-полуполитической организации деятелей науки и высшей школы – Академического союза. Учредительный съезд Академического союза состоялся 26–28 марта 1905 года. Он возник в контексте идеи создания профессиональных союзов интеллигенции, руководимых Союзом союзов. Образование Союза союзов было оформлено на его первом съезде 8–9 мая 1905 года в присутствии делегатов 14 профессионально-политических

союзов, в том числе и Академического. В 1906 году их состав расширился до 19 организаций [2].

Учёные ожидали от власти существенных реформ самодержавного государственного строя, надеялись на царя, но они и открыто заявили о коренной несостоятельности существующего порядка, выступая смело и прогрессивно. Для того, чтобы подписать «Записку...» требовалось гражданское мужество. Учёные рисковали – они могли лишиться средств существования и возможности заниматься наукой. Но эти соображения их не остановили.

Осенью 1905 года в помещениях университетов и институтов происходили антиправительственные митинги. К октябрю высшие учебные заведения превратились в легальные центры подготовки всеобщей политической стачки и вооружённого восстания. Академические либералы, никогда не сочувствовавшие студенческим способам демонстраций, сочли за благо для спасения высшей школы подчиниться правительственному приказу от 14 октября 1905 года и закрыть высшие учебные заведения. Такое послушание было неодобрительно встречено большинством участников Союза союзов. Противоречия между руководством последнего и Академическим союзом всё более углублялись. Видимость единения была окончательно подорвана Манифестом 17 октября 1905 года. Академический союз отверг отрицательную оценку манифеста, принятую Союзом союзов, посчитавшим манифест не удовлетворяющим неотложным требованиям. Академический союз призвал к осуществлению декларированных манифестом свобод. Либеральные профессора сочли, что революция исчерпала себя, а Манифест создал необходимые предпосылки для мирного превращения самодержавия в конституционную монархию. Академические либералы не без основания полагали, что дальнейший революционный натиск на власть неминуемо приведёт к кровопролитию и политической реакции.

Академический союз был ближе всего идеологии конституционных демократов (кадетов). Политическая позиция, занятая им к октябрю 1905 года вполне соответствовала программе кадетов: «Россия – конституционная монархия». Академический союз растворился в кадетской партии, дав ей видных идеологов и руководителей. Из 54 членов её ЦК первого созыва 22 (около 41 %) были представителями высшей школы. Вскоре Академический союз отошёл от активной деятельности в области политики, сосредоточившись на академической проблематике. Позднее бывшие члены Академического союза стали членами разных партий. Большая часть примкнула к кадетам. Сравнительно небольшое число людей ушло в праволиберальный «Союз 17 октября». Кто-то оказался в «Партии демократических реформ» и в «Партии мирного обновления». Во многих высших учебных заведениях – особенно в Киевском, Новороссийском и Казан-

ском университетах – действовали и относительно небольшие монархические группы профессоров и преподавателей.

Библиографический список

1. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. – М.: Мысль, 1981.
2. Павлов С. Б. Опыт первой революции. Россия. 1900–1907. – М.: Академический проект, 2008.
3. Шацлло К. Ф. Русский либерализм накануне Революции 1905–1907 гг. – М.: Наука, 1985. – С.98.

КРАСНОЯРСКИЙ ОТДЕЛ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ СИБИРИ И УЛУЧШЕНИЯ ЕЁ БЫТА (1914–1917 ГГ.)

В. В. Хорина

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, г. Красноярск, Россия

Summary. In article authoress consider the history of the rise and the activity of Krasnoyarsk Section of the Society of Study of Siberia in Yenisei province, was founded in 1914 year.

Key words: science societies in Siberia, Yenisei province, Krasnoyarsk Section of the Society of Study of Siberia.

Возникновение Общества изучения Сибири и улучшения её быта (ОИС) и его региональных отделов было связано с оформлением сначала во 2-й, а затем и в 3-й Государственных думах сибирской парламентской группы, первое организационное собрание которой состоялось 11 апреля 1907 г. (в нём приняло участие 23 депутата от сибирских территорий). Объединение это предполагало заняться разработкой и внесением в думу законопроектов о Сибири (лесопользование, упорядочение переселений, организация местного самоуправления, введение порто-франко и т. д.). При нём были созданы комиссии: аграрная, по местному самоуправлению, по казачьему и инородческому вопросам, финансовая. [1, с. 242–243]. Самой оптимальной формой связи с сибирскими территориями группа сочла создание общественной организации, главной задачей которой виделась общественная экспертиза предлагаемых сибирскими депутатами законов, нуждающихся в «конкретной аргументации, сбором которой и должно было заняться новое общество» [2, с. 6].

Вопрос о создании Общества был поднят в журнале «Сибирские вопросы»: «До самого последнего времени изучение Сибири имело в виду или чисто учёные, академические, или промышленно-технические цели. ... На первом плане стояли или интересы отвлечённой науки, или коммерческие выгоды отдельных лиц. Реальные

интересы местного сибирского населения оставались совершенно в стороне. <...> Но теперь <...> настало время выдвинуть вперёд нужды всего населения Сибири – прежде всего, изучать её не только в экономическом и правовом отношениях вообще, но именно в теснейшей связи с вводимыми и предполагаемыми реформами: констатировать наличие задерживающих обстоятельств в той или другой местности, модификации в зависимости от местных условий, и, главным образом, объединять местных деятелей в деле фактического введения реформ, притом на реальной почве, на почве выясненных фактов, а не более или менее неопределённых чувств» [3, с. 2].

Устав Общества изучения Сибири был разработан осенью 1907 г., в январе 1908 г. его утвердил петербургский градоначальник. 19 марта 1908 г. состоялось учредительное собрание петербургского отдела Общества. Председателем его стал депутат от Томской губернии, профессор Томского технологического института Н. В. Некрасов, выразивший в кратком вступительном слове надежду, что «Общество в своей деятельности будет руководствоваться двумя принципами: объективностью научного метода при изучении и разработке сибирских вопросов и беспартийностью, обеспечивающей терпимость по всем мнениям». В состав правления вошли А. А. Кауфман, В. В. Радлов, А. А. Корнилов, Н. В. Некрасов, Н. Л. Скалозубов, А. А. Кобычев и др. 24 марта 1908 г. на заседании правления председателем Общества был избран академик В.В. Радлов, товарищем председателя – Н. В. Некрасов, секретарём – Н. Л. Скалозубов [4, с. 5–7].

Деятельность Общества, согласно его уставу, преследовала три цели: 1) сбор материалов для изучения и освещения вопросов внутренней жизни региона; 2) научное исследование различных сторон этой жизни путём организации комиссий и экспедиций; 3) распространение научных знаний посредством публичных лекций и издания научных трудов [5, с. 1]. Число членов петербургского отдела на момент открытия составило 105 человек, уже через год оно выросло до 214 человек, из которых 134 проживали в Петербурге, а 80 представляли различные города Сибири [4, с. 1]. Из известных деятелей Енисейской губернии с Обществом изучения Сибири практически с самого его открытия сотрудничали В. М. Крутовский, В. И. Анучин, С. В. Востротин, В. А. Караулов, Д. А. Клеменц.

На заседаниях Петербургского отдела Общества в первые годы его существования было рассмотрено много актуальных для Сибири вопросов, обсуждались как научные доклады («Переселенческое дело за последнее время» В. А. Виноградова, «Северо-восточный проход от устья Енисея до Берингова пролива» А. В. Колчака, «Русская община и сибирская заимка» А. А. Кауфмана и др.), так и проекты возможных реформ (о сибирском земстве, о преобразованиях местного судопроизводства и т. д.). Во время летних каникул отделом было организовано несколько научных экспедиций и экскурсий,

сформированных из числа студентов сибирских землячеств столичных вузов и сибирского научного кружка при Петербургском университете: экспедиция по статистике произвела подворные переписи 11 селений (4 – в Забайкальской области, 6 – в Енисейской губернии, 1 – в Акмолинской области), археолого-этнографическая экспедиция получила высокую оценку этнографа музея антропологии и этнографии в Петербурге Л. Я. Штернберга и т. д. Отделом был подготовлен и издан в 1912 г. сборник статей, посвящённый введению земства в Сибири [1, с. 246; 6, с. 16].

С 1908 г. начинают оформляться отделы Общества в Сибири. К 1915 г. оно насчитывало уже 16 отделов (в Бийске, Благовещенске, Якутске, Томске, Омске, Тобольске, Иркутске, Чите и т. д.) [1, с. 244–245]. Нужно отметить, что сибирские отделы, вопреки первоначальной идее, не стали ни каналом связи с избирателями сибирской парламентской группы Государственной думы, ни консультативными органами при подготовке законопроектов о Сибири, превратившись в фактически самостоятельные общественные и научные организации местной интеллигенции сибирского региона [1, с. 248]. Работа их выглядела явно скромнее, чем деятельность Петербургского и Московского отделов Общества, поскольку сотрудников провинциальных отделов, в первую очередь, интересовали, естественно, местные экономические и общественные проблемы, а уже потом проблемы всей Сибири в целом. К тому же сибирские отделы обычно не отличались многочисленностью, и в силу хотя бы даже одной этой причины не могли брать на себя решение слишком сложных вопросов и задач.

Красноярский отдел Общества открылся только в 1914 г. и до сих пор остаётся неизученным. Среди достаточно немногочисленных публикаций по истории сибирских отделов Общества изучения Сибири Красноярский отдел упоминается только в статье М. В. Шиловского. А, например, в работе А. Ю. Дергачёва в списке городов, имевших свои отделы Общества, Красноярск отсутствует [1, с. 245; 7, с. 60]. В Государственном архиве Красноярского края фонд № 346 «Красноярский отдел ОИС» насчитывает всего 2 дела. Информации в нём, к сожалению, немного.

Постановление об открытии Красноярского отдела Общества изучения Сибири по ходатайству группы красноярской интеллигенции было подписано в Санкт-Петербурге председателем правления Общества В. В. Радловым 10 апреля 1914 г. [8, л. 1]. 29 мая состоялось собрание учредителей Отдела, на котором было избрано правление. Председателем стал Д. Е. Лаппо, товарищем председателя – Н. Н. Козьмин, секретарём – Б. Ф. Тарасов. По предложению присутствовавших лиц, членами Отдела были избраны 37 человек, в том числе А. Я. Тугаринов, М. В. Красножёнова, Ф. Ф. Филимонов, А. Р. Шнейдер, А. П. Кузнецова, Л. Е. Козлов и другие общественные и научные деятели Красноярска. На этом же заседании был принят устав Отдела. В пер-

вый год после открытия в Красноярском отделе ОИС числилось 44 человека, считая учредителей (Д. Е. Лаппо, А. Ф. Руц, В. А. Соколовский, Н. Н. Козьмин, И. И. Бердников, Б. Ф. Тарасов). [8, л. 3].

Целью Отдела в его уставе было обозначено «изучение Сибири преимущественно в экономическом, культурном и правовом отношении, а также содействие подготовлению и проведению в жизнь научных для Сибири преобразований». Для выполнения своих задач Отдел имел право собирать разного рода материалы, организовывать научные исследования путём снаряжения экспедиций и образования комиссий, распространять научные сведения о Сибири путём печати, чтений, курсов и т. д. [8, л. 2] На учредительном собрании было сказано, что: «Изучение Сибири не только чрезвычайно важно с точки зрения чисто научной, но и по практическим соображениям. <...> За последнее десятилетие Сибирью заинтересовалось правительство, торгово-промышленные круги, иностранцы. Европейская Россия выбрасывает сюда излишки своего земледельческого населения, торгово-промышленные классы центральной России и иностранные предприниматели с вождением смотрят на Сибирь, как на обширную колонию для сбыта своих продуктов и как на непочатый край богатств, сулящих быстрое обогащение. Сама же Сибирь, при слабо развитых путях сообщения, не объединённая, не зная своих сил и богатств, порой не может решить, где её враги, и где друзья. Только серьёзное научное исследование может дать правильный ответ на вопросы по колонизации края, сбыту сырья, насаждению обрабатывающей промышленности, по вопросу о том, что и как мы будем возить Северным морским путём и т. д.» [8, л. 2].

На последующих заседаниях в 1914–1915 гг. был намечен целый ряд мероприятий, которые Отдел намеревался выполнить в ближайшие годы: образование библиотечной и архивной комиссий, открытие библиотеки; создание комиссии по устройству публичных лекций по историографии, народному хозяйству и праву Сибири; создание комиссии для написания истории Красноярска в связи с исполнением 300-летия его существования и т. д. Кроме того, в сентябре 1914 г. Д. Е. Лаппо поставил на очередном общем собрании вопрос о создании комиссии, которая облегчила бы задачу организации студенческих экскурсий для изучения Енисейской губернии в различных отношениях [8, л. 4–5; 9, л. 4–4 об.].

Особое внимание в начале своей деятельности Красноярский отдел ОИС уделял истории Енисейской губернии и г. Красноярска. Б. Ф. Тарасов объяснял это предпочтение так: «Как ни важны задачи практического характера, взятые на себя нашим Обществом, нельзя забывать и интересов чисто научных, связанных с изучением нашего родного края. <...> Ещё школьниками мы узнаём и о египетских пирамидах, и об удивительных находках древности, свидетелях когда-то бывшей культуры на местах, занимаемых европейскими го-

сударствами, но мы <...> почти ничего не знаем ни об истории геологических образований Сибири, ни о смене животного и растительного царства в ходе их исторического развития, ни о самом человеке древних эпох, когда-то жившем на этих местах, где разбросаны теперь наши города и сёла. <...> Даже история самых близких нам предметов, которые мы каждый день видим, проходя по улицам, как часовня на горе, возвышающейся над г. Красноярском, мало кому известна. Пробуждая любопытство, любовь к истории в нашей молодёжи, мы тем самым порождаем новых работников в деле изучения края» [8, л. 5].

В июле 1915 г. в Отдел было доставлено письмо общего собрания посетителей оз. Шира: «Вопрос об улучшении состояния наших курортов в настоящее время остро поставлен и разработка его силами общественных организаций настоятельно необходима. Так как ваше Общество по духу своей деятельности не может не интересоваться приведением сибирских курортов в надлежащий для мест лечения и отдыха вид, то мы берём на себя смелость обратиться к вам <...> с просьбой выработать план благоустройства курорта оз. Шира и принять на себя труд отстаивать перед подлежащими органами мысли о скорейшем устройстве курорта» [8, л. 20]. Правление Отдела в ответном письме обещало заняться этим вопросом.

Увы, но к 1917 г. ни одно из запланированных Красноярским отделом мероприятий выполнено не было. В августе 1914 г. началась первая мировая война, вслед за которой вскоре грянули революционные события и связанные с ними потрясения всех устоев российской государственности. По словам всё того же Б. Ф. Тарасова, «нарушая нормальную жизнь страны, переживаемое тревожное время отвлекает научную мысль в другую сторону, туда направляется энергия наиболее отзывчивых общественных деятелей» [8, л. 4]. Политические события в стране переключили на себя внимание большинства членов отдела, препятствуя научной деятельности.

Информации о том, что происходило с Отделом в это время, мы почти не имеем. Известно, что в 1915–1916 гг. состоялось всего 2 или 3 общих собрания, на которых не решалось никаких практических вопросов. В январе 1917 г. было сделано две попытки собрать Отдел на заседание, но оба раза являлось всего 4 человека [8, л. 26–27; 9, л. 16]. Таким образом, деятельность Красноярского отдела Общества изучения Сибири, довольно вяло начавшись в 1914 г., к началу 1917 г. сама собой сошла на нет...

Библиографический список

1. Шиловский М. В. Общество изучения Сибири и улучшения её быта. 1908-1917 гг. // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 242–249.

2. Кроль М. А. О задачах Общества изучения Сибири и улучшения её быта. Иркутск, 1913.
3. Новое общество // Сиб. вопросы. – 1907. – № 25. – С. 2–6.
4. Труды Общества изучения Сибири и улучшения её быта. – СПб., 1910.
5. Устав Общества изучения Сибири и улучшения её быта. – СПб., 1910.
6. Толочко А. П. Годовые отчёты Общества изучения Сибири – малоизученный источник по истории культурной и общественной жизни края в начале XX в. // Политическая история России в мемуарах и документальных публикациях новейшего времени. – Омск, 1992. – С. 15–17.
7. Дергачёв А. Ю. Научные общества в Сибири в период капитализма (основные черты и особенности) // Проблемы истории Сибири: общее и особенное. – Новосибирск, 1990. – С. 57–59.
8. ААА КК. Ф. 346. Оп. 1. Д. 1.
9. ААА КК. Ф. 346. Оп. 1. Д. 2.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ 20-Х ГОДОВ XX СТ.

В. А. Савчук

**Каменец-Подольский национальный университет,
г. Каменец-Подольский, Украина**

Summary. The activity of intelligents of Kamyanets-Podilskyi, their initiative in development of the national and cultural programs of region is reflected in the article.

Key words: government program, historical regions study motion, repressions, scientific establishments, foreign researchers, national and cultural development, rehabilitation.

В консолидации экономических, социальных, политических, культурно-просветительных факторов в условиях развития независимого Украинского государства исключительно большое значение принадлежит интеллигенции. Она выполняет интегрирующую роль в обществе, продуцирует оригинальные идеи в преодолении социально-экономических трудностей, предлагает обществу социальные, экономические, культурные ориентиры и приоритеты. Особенная роль принадлежит региональной элите, которая, как показывает нынешняя практика, возрастает. Именно она инициирует реализацию комплекса проблем развития регионов.

Отметим, что интеллигенция как важная составляющая политических элит, особенно региональных, является предметом научных исследований. В этом контексте как украинская, так и российская историографии имеют ряд оригинальных трудов, которые выделены в научное направление «интеллигентоведение». Основу этих трудов составляют исследования В. Даниленка, Г. Касянова [1], В. Куманьова [2], А. Рублева [3], В. Плюща [4], В. Петрова [5] и др. Фундаментальными в этом

контексте есть три тома «Очерков истории украинской интеллигенции (первая половина XX ст.)», из которых больше всего нашей проблемы касаются 2-й и 3-й том [6]. В этих трудах очерчены общие тенденции, механизмы осуществления политики относительно интеллигенции в Украине в 20-х–30-х гг. Заметим, эта политика имела свои региональные особенности. Поэтому закономерно, что исследованию позиций интеллигенции, в частности Подолья, посвятили свои труды известные исследователи истории этого региона. В частности, А. М. Завальнюк [7], Е. М. Мельник, А. Г. Филинюк [8], В. А. Нестеренко [9], А. А. Лойко [10], А. И. Безуглый, В. П. Слотюк [11], А. А. Посвистак [12] и др.

Невзирая на наличие такого количества трудов, есть необходимость исследовать вклад интеллигенции Подолья в культурно-просветительное становление региона через историко-краеведческое движение, потому что в 20-х – первой половине 30-х гг. деятельность многих исследователей Подолья была известна не только в Украине, но и далеко за ее пределами. Об этих достижениях публиковались материалы как в отечественных, так и зарубежных изданиях. Поэтому автор сосредоточивает внимание именно на этих страницах деятельности интеллигенции г. Каменца-Подольского, которая обнародовала ряд трудов, имеющих большой общественный резонанс, одновременно с этим свидетельствовали о большом культурно-интеллектуальном потенциале этого региона Украины.

Стоит подчеркнуть, что в г. Каменце-Подольском в начале 20-х гг. сосредотачивается большой отряд научной, образовательной, медицинской, интеллигенции, которая работала в местных Институте народного образования, Сельскохозяйственном институте, ряду техникумов, Художественно-промышленной школе и тому подобное. Много представителей ее в период национально-освободительного движения в период украинской революции 1917–1920 гг. брало активное участие в национально-культурной жизни региона, опираясь на ранее накопленный опыт и играло инициативную роль в общественной жизни того времени, в первую очередь в историко-региональных исследованиях и краеведческих движениях.

Аргументируем это через хронику основных событий краеведческой жизни этого периода. В сентябре 1920 года в г. Каменце-Подольском начинает действовать «Каменец-Подольский комитет охраны достопримечательностей древности, искусства и природы» [13]. Возглавил его известный ученый, профессор Филипп Клипенко. Вошли в комитет Ефим Сецинский, Павел Клепацкий, Евгений Сташевский, Степан Дложевский, Яков Регула, Владимир Гагенмейстер, Владимир Сведзинський [14]. Одним из первых шагов этого комитета стало обращение к таможенным просвещенцам о создании музеев [15]. Одновременно с этим, комитет включился в охрану архивных документов, организовал раскопки каменецкого замка, городища около села Привороття-Маковское, кургана на городских полях.

В июне 1921 года комитет устроил в Каменец-Подольском ИНО археологическую выставку. Были собраны достопримечательности древности из городских музеев (историко-археологического, кабинета искусствоведения ИНО), художественно-промышленной школы, от частных лиц). Одновременно с этим, ученые института и другие специалисты прочитали лекции, которые пропагандировали историко-краеведческое дело. В частности, Филипп Клименко раскрыл тему «История музеев, создание и значение их», Евгений Сташевский – «Архив значение. Архивное дело на Украине», Павел Клепатский – «Из истории книги об Ассирии и Египте», Ефим Сицинский – «Монументальные памятники древности на Каменеччине», «Находки палеолита и неолита на Каменеччине», «Подольские типографии в XVI – XIX в.», Евгений Сердюк – «Значение местных архитектурных форм в истории украинского стиля», Владимир Гагенмейстер – «Народное искусство на Подолье», «Графика книги», Николай Ясинський – «Требования и задачи современной библиографии», Яков Регула – «Достопримечательности природы вообще и на Подольи в частности» [16].

Комитет организует научные экскурсии, в которых участвуют любители истории родного края, а также ученики местных школ [17]. Он возглавляет работу из сохранения достопримечательностей истории в городе. В частности, в сентябре 1921 года обращается с протестом к горисполкому в связи с тем, что Старую крепость занял взвод милиции. В феврале 1922 года протестует против подрыва Турецкого моста из-за угрозы наводнения [18]. В мае этого же года комитет боролся за сохранение нумизматической коллекции, которую реквизировала комиссия по изъятию церковных ценностей [19].

К сожалению, в 1922 году Комитет охраны старины перестал существовать. Но в этом же году появилась другая научно-краеведческая институция – «Научно-исследовательская кафедра народного хозяйства и экономики Подолья», которая впоследствии была переименована на «Кафедру народного хозяйства и культуры Подолья» в составе 16 членов [20].

Сначала ее возглавил Евгений Сташевский, а впоследствии – профессор Филипп Клименко. Задачей ее работы было: а) изучение архивных материалов о положении крестьян на Подольи в XVIII – XIX ст., б) обследование близких к г. Каменцу сел – Цибулевки и Пановец – относительно социально-экономического, географического, лингвистического, художественного развития; в) изучение ремесленной и фабричной жизни; г) опыты над колонизацией Подолья чужеземными элементами; д) обследование монументальных достопримечательностей древности в г. Каменце-Подольском.

На заседании кафедры одним из первых был заслушан доклад Евгения Сташевского об инвентарных и уставных грамотах крестьянам, о крестьянских праздниках в имении подольского магната Мар-

хоцкого в конце XVIII и в начале XIX ст. Владимир Свидзинский докладывал об аграрных движениях на Подолье и издевательствах над крестьянами Березнянского староства в первой половине XIX ст.; Якимович – о Кармелюке в судебных делах, Панаса Населовського – о батраках и плате им в XVIII – XIX ст.

На основе научных экскурсий в села Цибулевку и Пановцы были сделаны доклады Владимиром Гериновичем – «Географическое положение с. Цибулевка»; Иваном Любарским – «Исследование языка»; Панасом Населовским – «Кустарная промышленность», Василием Зборовцем – «Особенности языка с. Цибулевка»; Ефимом Филя – «Народная поэзия с. Цибулевка»; Федором Шумлянским – «Материалы к говору сел Цибулевка, Пановцы и соседних сел».

На последующих заседаниях кафедры обсуждали доклады И. Любарского – «Греческие колонии на Подольи»; Филиппа Клименка – «Ликвидация подольских цехов (частновладельческих) в XIX в.»; Карачковского – «Организация каменецких цехов конца XVIII – началу XIX в.»; Ростислава Заклинского – «Дунаевецкие профсоюзы текстильщиков во времена давней экономической политики».

В то же время велись исследования монументальных достопримечательностей города. На их основе Ефим Сицинский докладывал о разрушении Русской браны, Каменецко Ратуши. Изучалось творчество писателей, жизнь которых была связана с Подольем [21].

Кафедра устанавливает плодотворные контакты со Всеукраинским Археологическим комитетом. По его поручению она организует и осуществляет контроль за археологическими раскопками, охраной достопримечательностей культуры и природы [22]. Ее представители участвуют в работе Всеукраинского съезда по изучению производительных сил Украины и Ленинградском съезде гидрогеологии.

6 июня 1925 года Президиумом Всеукраинской академии наук (ВУАН) был утвержден устав Каменец-Подольского научного общества, которое насчитывало около 70 чел. Президиум возглавил А. М. Полонский, заместителем стал Е. Й. Сицинский, ученым секретарем – В. С. Зборовец. Появление общества открыло возможности для научного труда всех желающих, о чем засвидетельствовало первоначальное количество членов. Характерным было и то, что в его работе, рядом с местными любителями старины, участвовали и специалисты других городов.

На заседаниях общества уже летом в 1925 году слушались доклады В. П. Храневича – «Фауна Подолья»; П. А. Богацкого – «Флора Подолья в сравнении с крымской»; Е. Й. Сицинского – «Задачи научного общества в области краеведения»; В. Е. Свидзинского – «События в Подольских селах 1917–1918 гг.»; Е. Б. Курило (г. Киев) – «Методика записи говора»; К. О. Копержинського (г. Ленинград) – «Старославянские обряды при обжинках»; В. Я. Герасименка (г. Одесса) – «Кармелюк в народной словесности».

Плодотворную работу демонстрировали и работники Каменец-Подольского историко-археологического и естественного музеев. Они снискали признание общественности и стали неотъемлемой частью историко-краеведческой жизни. Только в 1925 году, благодаря инициативе общественных любителей старины, коллекции историко-краеведческого музея пополнились фарфором украинских фабрик Межигорья, Барановки, Корця. Появились уникальные вещи из гутного стекла, несколько старопечатных книг местной Миньковецкой типографии конца XVIII – начала XIX ст. Особенной популярностью пользовалась экспозиция «Крестьянское искусство».

Довершает палитру краеведческих структур города появление осенью в 1925 году окружного краеведческого общества. 1 октября 1925 года состоялось организационное собрание, на котором присутствовало 160 человек, представителей разных учебных заведений. В частности, заведующий художественно-промышленной школы В. М. Гагенмейстер, заведующий химтехникума И. П. Романкевич, член окружного бюро пролетстуда П. Т. Гончаренко, секретарь комячейки ИНО П. А. Пронин, работник коммунального хозяйства С. С. Яцков, сотрудник археологического музея Е. Й. Сицинский, руководитель научно-исследовательской кафедры ИНО И. А. Любарский, преподаватели ИНО О. М. Кожухов, М. А. Коссак и др. Председательствовал на организационном собрании ректор ИНО В. А. Геринович [23].

Собрания рассмотрели вопрос создания Каменец-Подольского краеведческого общества, утвердили его Устав, приняли решение о проведении следующей краеведческой конференции в середине октября. Была утверждена комиссия по ее организации, в которую вошли преподаватели ИНО Ростислав Заклинский, Иван Любарский и Филипп Гончаренко.

Этим самым в Каменце-Подольском завершился процесс организационного становления движения краеведов. В их структурах на общественных началах, по подсчетам автора, работало около 300 лиц. Это были известные профессора, авторитетные в научных кругах, любители из числа интеллигенции города, студенческая и ученическая молодежь. В 1924 году Киевская комиссия краеведения при ВУАН публикует бюллетень № 2, в котором на Всеукраинском уровне отмечаются такие краеведческие структуры г. Каменца-Подольского, как общество естествоиспытателей, научно-исследовательская кафедра, историко-археологический и естествоведческие музеи [24].

Благодаря стараниям краеведов, историко-краеведческое движение города Каменца-Подольского, снискало широкое признание как отечественных, так и зарубежных исследователей. В Украине, в СССР, зарубежных кругах в 20–30-х гг. были известные имена таких каменец-подольских исследователей, как: профессор сельскохозяйственного института Василий Храчевич, профессора ИНО Александр Красовский, Нестор Гаморак, Александр Полонський, Филип Кли-

менко, Иван Любарский и исследователь Подолья с многолетним стажем Ефим Сицинский.

О высоком авторитете каменец-подольского краеведения свидетельствует то, что В. А. Геринович от Каменеччины был избран членом украинского комитета краеведения, в июне 1927 года представлял ВУАН на Всеславянском конгрессе географов и этнографов, который проходил в г. Варшаве. Ботаник Василий Храевич по приглашению зарубежных коллег проходил стажировку в Германии. В целом ученые-краеведы города поддерживали связи близко с 100 организациями и научными учреждениями, больше 20 из которых – зарубежные. Практически из всех больших центров Украины ученые побывали в Каменце-Подольском и окрестных районах. Это археолог Рудинський, антрополог Носов, этнографы Климент Квитка, Елена Курило [25]. Активно поддерживали связи с каменецкими учеными-краеведами академики Николай Новицкий, Павел Тутковский [26].

Такой высокий авторитет каменецких исследователей базировался на неутомимости научных поисков, которые были чрезвычайно результативными. Так, в 1928 году библиотека подольеведения насчитывала около 30-ти изданий. Среди них: «Климат Подолья» профессора Л. Данилова, «Очерки из истории Подолья» в двух частях Ефима Сицинского, «Млекопитающие Подолья», «Птицы Подолья», «Прошлое фауны Подолья» профессора Василия Храевича.

Не менее активно изучалась природа и география Подолья профессором А. Красовским, руководителем секции прикладной геологии и почвоведения научно-исследовательской кафедры, им был подготовлен ряд трудов по географии и геологии, получившие признание у специалистов. У них раскрывается геологическое строение Каменеччины [27], относительно поступления лесса на Каменеччине [28], в частности, был его очерк геологии и полезных ископаемых Тульчинской округи [29]. Подготовил ряд трудов краеведческого устремления профессор В. О. Геринович.

Не менее активно Каменец-Подольские краеведы работали в заповедно-хранительной сфере. Они неоднократно выступали на защиту безосновательного раскапывания археологических достопримечательностей. На страницах газет и журналов, в лекционной деятельности, в экскурсионной работе рассказывали об историко-культурных приобретениях города, достопримечательностях природы. Это отразилось на том, что Совет Народных Комиссаров Украины 23 марта 1928 года принял решение о провозглашении замка-крепости в г. Каменец-Подольском государственным историко-культурным заповедником [30]. О достижениях ученых и любителей-краеведов свидетельствуют сборники научных трудов, которые напечатали Каменец-Подольский ИНО, Каменец-Подольский сельскохозяйственный институт, научно-исследовательская кафедра и научное общество при ВУАН. Все они свидетельствовали о высоком уровне научных исследо-

ваний разнообразных проблем региона. В частности, второй том «Научных записок Каменец-Подольского ИНО» был опубликован объемом в двадцать четыре печатных листа, что для тех времен было достижением. В этом томе содержались материалы из истории ИНО, психологии, биологии, экономики, архивного дела, социальной истории, языкознания, музыкальной жизни Подолья [31].

Следствием усилий многих активистов краеведения Каменечины в середине 20-х годов стало то, что организатором краеведческой работы стал комитет краеведения и бюро краеведения. Их активными участниками были В. Геринович, Е. Филь, В. Отомановский, Е. Сицинский, Л. Данилов, Ал. Красовский, Н. Гаморак и др. Особенно заметный рост таких структур был в районах и городах Подолья был после проведения в Харькове Всеукраинской краеведческой конференции в конце мая 1925 года. В ней от Подолья участвовали заведующий кабинетом изучения Подолья В. Отомановский, консультант кабинета Ал. Севостьянов, профессора В. Геринович, Н. Гаморак из 100 участников конференции.

В процессе развертывания краеведческого движения происходит организационное совершенствование его структуры. В 1926 году, например, в Каменце-Подольском создается окружной комитет краеведения, который объединил вокруг себя около 200 краеведов [32]. Он имел секции геологии, почвоведения, сельского хозяйства, географии, ботаники, зоологии, народного образования, статистики, искусства. На заседании правления комитета 14 февраля 1927 года секретарь комитета Савченко отчитываясь, отметил, что на это время проведено 12 районных конференций, детально обследованы 2 села, изучен бюджет крестьянских хозяйств, установлены достаточно широкие связи с научными учреждениями УССР, РСФСР, БСРР, ЗСФРР, а за рубежом – Обществом им. Шевченко во Львове. Здесь же был затронут вопрос о необходимости открытия основанию густой сети метеорологических и гидрологических станций.

Оценивая эффективность деятельности краеведческих структур Подолья, в частности Каменец-Подольского, Украинский комитет краеведения в своем отчете на 1 января 1929 года отмечал: «...следует заметить своеобразную форму краеведческого труда на Каменеччине. Окружной комитет краеведения связан с краеведческим обществом в Каменке и двенадцатью районными организациями, которые объединяют и направляют труд многочисленных кружков при школах, сельдомах и клубах. Следовательно, можно сказать, что Каменеччина перевела полнее всего организационные формы» [33].

Такая инициативная творческая работа интеллигенции не могла удовлетворять тогдашнюю власть. Она прибегнет к политическим репрессиям, которые в Каменце-Подольском, как и во всем регионе, велись с первых дней 20-х гг. вплоть до конца 30-х годов. Эту поли-

тику можна розділити на 3 етапи. Перший –1921–1923 гг.; другою – середина 20-х гг.; третій – кінець 20-х (дело СОУ) – 30-іе гг.

Сразу відзначимо, що на хід репресій в г. Каменці-Подільському, як і на Подолі в цілому, впливало декілька обставин. Во-перше, це була погранична територія, тому влада достатньо обострено реагувала на різноманітні прояви інакомисля і опору її політиці. Во-друге, в результаті кульмінацій національно-визвольного руху 1920 року тут осіла велика група національно-свідомої інтелігенції, яка не прагнула до еміграції. Во-третє, територія регіону була достатньо мультинаціональною за складом населення. Великими етнічними групами були поляки, євреї, менше німців і чехів. Тому національні об'єднання і рухи (Польська військова організація, німецька лінія, сїонїзм) функціонували з особливою інтенсивністю. І нарешті, в місті і регіоні розміщалися два репресивні органи: ДПУ і пограничний отряд, які мали право здійснювати репресії і вели їх з нотками конкурентності динамічно.

Бібліографічний список

1. Даниленко В., Касьянов Г. Сталінізм і українська інтелігенція (20–30-ті роки). – К., 1991. – 96 с.
2. Куманьов В. 30-і роки в судбах вітчизняної інтелігенції. – М., 1991. – 296 с.
3. Рубльов О. Західноукраїнська інтелігенція у загально-національних політичних та культурних процесах (1914-1939). – К., 2004. – 648 с.
4. Плющ В. СВУ та СУМ: До 50-ліття заснування СВУ-СУМ. – Мюнхен, 1975. – 58 с.
5. Петров В. Діячі української культури (1920–1940-х рр.): жертви більшовицького терору. – К., 1992. – 79 с.
6. Нариси історії української інтелігенції (перша половина ХХ ст.).- В 3-х кн. – Кн. II. – К., 1994., Кн. III. – К., 1994.
7. Завальнюк О.М. Кам'янець-Подільський державний університет: минуле і сьогодні. - Кам'янець-Подільський: ОІЮМ, 2003. – 408 с.
8. Мельник Е. М., Філіпчук А. Г. Кам'янець-Подільський інститут народної освіти: розвиток, досягнення та втрати (1921–1930) // Освіта, наука і культура на Поділлі. Зб. наук.праць. Т.1. – 1998. – С. 78–88.
9. Нестеренко В. А. Українське вчителство Поділля в 1920–1930-ті роки: суспільно-політичний портрет // Освіта, наука і культура на Поділлі. Зб. наук. праць. Т.7. – 2003. – С. 61–69.
10. Лойко О. О. Культурно-освітня робота серед сільського населення Вінничини в 1920-1928 рр. // Наукові записки Вінницького державного університету ім. Михайла Коцюбинського. Зб. наук. праць. Вип. 6. – Вінниця, 2003. – С. 90–91.
11. Безуглий А. І., Слотюк П. В. Деякі особливості становлення Вінницького муздрамтеатру та його вплив на формування культурного середовища міста в першій чверті ХХ сторіччя // Там само. Вип. 3. – Вінниця, 2001. – С. 66–67.
12. Посвістак О.А. Культурно-освітня, наукова інтелігенція Поділля і влада на початку 20-х рр. ХХ ст.: Зародження політичного конфлікту // Наукові праці КПДУ. Істор. науки. Том 16. – Кам'янець-Подільський, 2006. – С. 264–262; іі

- ж. Культурна інтелігенція Кам'янецьчини у 20-х рр. ХХ ст. // Кам'янець-Подільський у контексті українсько-європейських зв'язків: історія і сучасність. Зб. наук. праць II міжнар. наук.-практ. конфер. – Кам'янець-Подільський, 2005. – С. 106–108; її ж. Деякі співвідношення політичної та професійної підготовки культурно-освітньої і наукової інтелігенції Поділля 20-х рр. ХХ ст.: у контексті тиску владних структур на суспільство // Освіта, наука і культура на Поділлі. Зб. наук. праць. Том 9. – Кам'янець-Подільський, 2007. – С. 266–275.
13. Державний архів Хмельницької області (далі ДАХМО). – Фонд. Р. – Оп. 1. – д. 1. – л. 1–2.
 14. Там же. – д. 4. – л. 2.
 15. Там же. – д. 1. – л. 21.
 16. Там же.
 17. Там же. – д. 28. – л. 4.
 18. Там же. – л. 14.
 19. Там же. – л. 12.
 20. Сіцінський Є. Наукова робота а Кам'янцина Поділля за останнє десятиліття (1914–1924) // Україна. – 1926. – Кн. 1. – С. 174.
 21. ДАХМО. – Ф. Р. 302. – Оп. 1. – д. 720. – л. 41.
 22. Там же. – Ф. Р. 1057. – Оп. 1. – д. 313. – л. 10.
 23. Бюлетень Комісії краєзнавства. – 1924. – № 2. – С. 6.
 24. Державний архів СБУ у Хмельницькій області. – Спр. 59171 фп. Геринович Володимир Олександрович. – л. 24 зворот.
 25. Тутківський П.А. Краєвиди України / Науково-популярний нарис. – Київ. – ДВУ, 129. – С. 17–19.
 26. Бюлетень НКО. – 1928. – № 32. – с. 36.
 27. Красівський Олександр До геології і корисних копалин Кам'янецької округи. До геології Придністровщини. – Київ. Секція приклад. геології й ґрунтознав. Н. Д. Ка-ри в Кам.-Под. 1928, с. 6–16.
 28. Его же. До питання ґрунтознавчих порід і новіших відкладів Поділля. Зап. Кам.-Под. Наук. при УАН т-ва 1928, т. I, с. 85–90.
 29. Его же Нарис з геології і корисних копалин Тульчинської округи на Поділлі // Тульчинщина (краєзнавчий збірн.). Цикл I. «Природа Тульчинщини». – Тульчин, 1929. – с. 9–34.
 30. Вісти. – 1928. – 4 апреля. – с. 3.
 31. Нові книжки // Червоний кордон. – 1927. – 3 січня. – С.6.
 32. Савчук В. О. Краєзнавство Поділля в історії краєзнавчого руху України 20–30-х рр. ХХ ст. // Краєзнавство. – 2003. – № 1–4. – С. 46.
 33. Краєзнавство. – 1928. – № 6. – С. 91–92.

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РГО И КРАЕВОГО МУЗЕЯ В ЧИТЕ (1920–1922 гг.)

М. И. Гантимурова
Забайкальский государственный гуманитарно-
педагогический университет, г. Чита, Россия

Summary. The article presents the analysis of the work of Zabaikalsky Department of Russian geographical society (ZDRGS) – the first scientific public organisation in Zabaikalye during existence of the Republic of the Far East (1920–1922). Activity of the Regional Museum is presented in these article. The paper analyses the forms of scientific and educational work of the department and mentions a selfless activity of the society members aimed at exploring the region and educating the population.

Keywords: Zabaikalsky Department of RGS, the Republic of the Far East, the Regional Museum of Geographical Society, organizational work of the department, scientific and educational work.

В Забайкальской области первой научно-просветительской организацией, созданной в 1894 г., стало Забайкальское отделение Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. В 1895 г. при Географическом обществе был создан музей. В данной статье освещается деятельность общества в период существования Дальневосточной Республики (ДВР).

Революционные события 1917 г. в России и последовавшая гражданская война поставили в особые условия деятельность краеведческого музея и Забайкальского отдела Русского географического общества (далее ЗОРГО) – ведущих организаций, занимавшихся научными исследованиями на территории края. До 1920 г. о полноценной плодотворной работе не могло быть и речи. Наиболее тяжёлой для ЗОРГО была вторая половина 1919 г., когда отделение РГО фактически не функционировало [3].

Значительные изменения в деятельности Общества и музея произошли в период существования Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). К работе этих организаций проявило интерес Министерство народного просвещения ДВР, которое приступило к реформированию в области народного просвещения и культуры.

Правительство ДВР решило включить музей РГО в систему государственных культурных учреждений и использовать его возможности для широкой просветительской деятельности. Членам Общества было предложено в срочном порядке обсудить все текущие дела и нужды музея, создать комиссию по его реорганизации, разработать штатное расписание и наметить план дальнейшей работы. При этом министр народного просвещения ДВР М. П. Малышев высказал по-

желание, чтобы музей организовал из имеющихся в нём научных коллекций учебные экспозиции.

19 ноября 1920 г. состоялось первое заседание Комиссии по реорганизации музея, на котором её председателем был избран А. К. Кузнецов. После длительного обсуждения комиссия приняла решение поддержать предложение Министерства просвещения. Одновременно был поставлен вопрос о необходимости расширения помещений музея. Для этого требовалось освободить музейные залы, которые занимала городская библиотека, и использовать их для новых экспозиций. Также предлагалось передать музею соседнее здание, где располагались два городских училища. В здании училищ планировалось открыть мастерскую для изготовления учебных коллекций, организовать лаборатории и кабинеты для сотрудников музея.

В итоге постановлением правительства ДВР от 27 декабря 1920 г. «О передаче всех музеев в общегосударственное достояние», Читинский краевой музей был национализирован. А в августе 1921 г. был принят закон, согласно которому музей Читинского отделения Русского географического общества переименовывался в Краевой музей им. А. К. Кузнецова.

Осенью 1921 г. были утверждены новые штаты музея. Число его работников определялось в 16 человек, что являлось минимальным для организации работ. На сотрудников легла большая нагрузка, связанная как с экскурсионной, так и фондовой работой. Об этих сложностях говорилось в акте «О штатах Музея»: «недостаток сотрудников тормозит работу по составлению каталогов, проведению широкой экскурсионной деятельности» [1, с. 6].

В отчете ЗОРГО за 1921–1922 гг. выделены два основных направления в работе музея: во-первых, пополнение, систематизация, научная разработка имеющихся коллекций и материалов; во-вторых, демонстрация их посетителям. В отчёте указывалось, что за это время в Отделе истории края была проведена перерегистрация всех имеющихся коллекций и предметов. Также фонд Отдела пополнился восемнадцатью хорошо сохранившимися фотографиями старой Читы, которые были привезены из г. Нерчинска правителем дел музея А. В. Харчевниковым. Профессор института народного образования М. К. Азадовский, совместно с А. В. Харчевниковым, составлял описание коллекций, относившихся ко времени пребывания декабристов в Забайкалье. В результате М. К. Азадовский обработал ряд неизданных писем Д. И. Завалишина, а А. В. Харчевников – «Дело о высылке из г. Читы в г. Казань государственного преступника дворянина Дмитрия Завалишина», неизданное письмо М. Н. Волконской.

В Отделе этнографии и буддийского культа, которым руководил А. Н. Добромыслов, проводилась перерегистрация коллекций и предметов. Отдел антропологии и археологии пополнился двумя рисунками, выполненными тушью сотрудником музея В. Ф. Аверинным

(«Antropopithecus», «Pithecanthropuserectus»). Из новых поступлений можно отметить большое количество находок, найденных на открытых стоянках древнего человека В. Я. Толмачёвым на берегу оз. Кенон, Л. А. Софроновым на оз. Иван и доктором М. С. Бронштейном около психиатрической больницы на окраине г. Читы. Кроме того, директором музея А. К. Кузнецовым, который одновременно заведовал отделом археологии, и членами кружка Друзей Музея (действовавшего при Институте народного образования) в краевом музее была оформлена археологическая экспозиция. Благодаря этому значительно облегчилась демонстрация посетителям археологических коллекций, которые активно использовались на инструкторских курсах.

Данные курсы по изучению края проводились работниками музея совместно с членами ЗОРГО. Весной 1921 г. на курсах были прочитаны лекции по энтомологии – В. Я. Толмачёвым и Н. П. Сажиним, этнографии – А. Н. Добромисловым; истории края и архивоведения – А. В. Харчевниковым; археологии – А. К. Кузнецовым. Всего в 1921 г. курсы посетило 254 человека [4, с. 81].

По данным за весну 1922 г. на курсах было представлено 10 докладов, в числе которых: лекции по этнографии – А. Н. Добромислова, археологии – А. К. Кузнецова, минералогии и петрографии – А. И. Банщикова и т. д. Всего курсы прослушало 738 человек. Наибольшее число слушателей, 112 человек, присутствовало на докладе В. И. Союзова «Ботаника и лекарственные растения» [1, с. 6–7]. Во время занятий на инструкторских курсах демонстрировались инструменты, аппараты, приспособления и книги, необходимые для полевых и лабораторных работ.

В эти годы увеличилось число посетителей музея. Так, с ноября 1920 по июнь 1921 г. через Читинский краевой музей прошло 11300 человек, а в 1922 г. – 20895. Необходимо также отметить деятельность библиотеки музея. Вследствие затянувшегося ремонта выдача книг из библиотеки началась только со 2 февраля 1922 г. Помимо членов ЗОРГО библиотеку посещали проезжающие через Читку члены разных экспедиций, местные жители, студенты института народного образования и учащиеся школ второй ступени. Наиболее востребованными были книги по этнографии и истории Сибири.

Новые перспективы, раскрывавшиеся перед музеем, возродили и деятельность ЗОРГО. На общем собрании отдела Русского географического общества, состоявшегося 15 февраля 1921 г., директор музея А. К. Кузнецов сделал заявление о возобновлении деятельности Отдела [2, с. 1]. Но до июля 1922 г., как отмечал правитель дел А. В. Харчевников, «ЗОРГО не развил достаточно напряжённой деятельности в отношении поставленных целей» [1, с. 3].

Среди основных причин слабой деятельности были названы следующие. Во-первых, отсутствие помещения (в течение зимы 1920–1921 гг. здание музея не отапливалось, а затем в течение семи

месяцев производился ремонт и переустройство всей системы парового отопления). Во-вторых, крайне слабое посещение общих собраний отдела членами Общества. В-третьих, отсутствие определённого устава Отдела и неопределённость его юридического положения. В связи с переходом музея в ведение Министерства Народного Просвещения ДВР, вопрос о переработке устава представлял большие трудности, решение которого затянулось на несколько лет (устав Общества был утверждён только в ноябре 1923 г.).

В период ДВР руководство ЗОРГО осуществлялось Советом. Председателем Совета являлся А. К. Кузнецов, товарищем председателя – И. А. Софронов, правителем дел – А. В. Харчевников, членами Совета были В. Ф. Аверин, А. Н. Банщиков, А. Н. Бек, М. С. Бронштейн, А. Н. Добромыслов, И. П. Малков, А. Д. Позняк, М. Я. Попов и М. И. Союзов.

На общих собраниях ЗОРГО было зачитано несколько докладов, среди которых особое место занимает сообщение А. В. Харчевникова «Ближайшие задачи исторического изучения Сибири». Это выступление представляло собой изложение одноименной статьи П. М. Головачёва – известного историка Сибири. Всеобщий интерес вызвал и доклад В. Я. Толмачёва «Об археологических находках в окрестностях г. Читы». В нём сообщалось о результатах осмотра трёх древних стоянок: на правом берегу р. Ингоды, на восточном берегу оз. Кенон и на левом берегу р. Ингоды, у станции Антипиха [2, с. 22]. Были также зачитаны доклады по темам: «Дремлющие силы Сибири» (А. М. Розенфарб); «Карта окрестностей г. Читы – издание Краевого Музея им. А. К. Кузнецова» (М. И. Союзов); «О собирании и записывании произведений по народной словесности» (проф. М. К. Азадовский); «Элементы религиозно-психологических представлений гольдов» (А. Н. Липский); «Послерусский туземный эпос туземцев Западной Сибири» и «Туземный вопрос на Дальнем Востоке» (М. П. Плотников); «М. Н. Богданов и его работы по истории бурятского народа» и «Происхождение бурятского народа в связи с его водворением в Прибайкалье» (Н. Н. Козьмин).

В ноябре 1922 г. Дальневосточная Республика перестала существовать. Территория бывшей ДВР была включена в состав РСФСР как Дальневосточная область.

Таким образом, время существования ДВР – это особый период в деятельности Забайкальского отдела Русского географического общества и Читинского краевого музея. Созданный благодаря Русскому географическому обществу краеведческий музей был передан им государству. В эти годы музей был центром научно-просветительской деятельности в крае и опорой в работе Забайкальского отделения РГО. Отделение ЗОРГО после трудных послереволюционных лет бла-

годаря активной политике правительства ДВР и инициативе членов РГО смогло вновь организовать и продолжить научную деятельность.

Библиографический список

1. ГАЗК, ф. Р-517, оп. 1, д. 4.
2. ГАЗК, ф. Р-1545, оп. 1, д. 1.
3. Гантимова М. И. Забайкальское отделение Русского географического общества и краевой музей г. Читы в 1917–1922 годах // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: Материалы всероссийского семинара, посвящённого 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, Иркутск, 3–6 мая 2009 г. – Иркутск: Изд-во «Амтера». – С. 129–132.
4. Обзор деятельности Забайкальского отдела Русского Географического Общества и Краевого Музея им. А. К. Кузнецова за тридцать лет 1894–1924. – Чита: Книжное дело, 1924. – 91 с.
5. Жеребцов Г. А., Закаблуковская Н. Н., Мясников А. В. Краеведение // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. – Т. 1. Общий очерк. – Новосибирск: Наука, 2000. – С. 258–260.

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ В ВУЗАХ В СССР В 1930-Е ГОДЫ

О. В. Милаева, А. Е. Сиушкин
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

Summary. The article presents the main directions of research in higher education institutions in 1930. Analyzes the main problems of research in this period. We consider the process of forming the foundation of the Soviet scientific system in higher education.

Keywords: Soviet science, research, Soviet higher education, organization of science.

Организация науки и научно-исследовательской работы в СССР с конца 1920-х годов ориентировалась на принципиально новую методологию выбора и оценки тех научных и технологических приоритетов, которые требовались в процессе радикальной модернизации экономики страны и социальной сферы.

Особенностями развития вузовской науки, отмечаемыми в данный период, можно назвать следующие: 1) кадровая малообеспеченность в вузах; 2) известная изолированность вузов от других секторов науки, достигнутая в результате размежевания науки и образования; зачастую наблюдалось отсутствие научной коммуникации не только между отдельными региональными вузами, но и между регионами и центром в силу наличия ведомственной системы; 3) недоверие к возможностям НИИ вузовского сектора, сохранение приоритета НИИ

как ведущих научных центров; 4) вынужденное мелкотемье и ограниченность масштабности программ и исследований в вузах; 5) ориентация всей системы организации вузовской науки на коллективную научную деятельность в большей мере, нежели на индивидуальную; 6) рост не масштабов научных исследований в вузах, а экстенсивный рост самой вузовской системы.

Направления исследований в высшей школе укладывались в рамки преподаваемых дисциплин, поэтому строились в соответствии не со структурой области знания, а со структурой преподаваемых курсов. В то же время в организации исследований была известная свобода, что объяснялось теоретической, а не практической значимостью вузовских исследований. Поэтому с начала 1930-х годов, после реорганизации вузов по отраслевому принципу, большинство научно-теоретических работ вузов было свёрнуто «как не отвечающих народно-хозяйственным нуждам». Научная парадигма, которая основывалась на том, что наука должна производить знания, сменяется другой: наука должна не просто производить знания, но и намечать пути и методы их применения. Для данных конкретных целей количество основных научных направлений должно быть небольшим, чтобы именно на них был сконцентрирован весь научный потенциал, что автоматически переводит вузовскую фундаментальную науку в разряд второстепенной, вспомогательной структуры по производству кадров. Начало 1930-х годов характеризовалось свёртыванием научно-исследовательской работы в вузах, исследовательская деятельность передавалась в компетенцию НИИ, организованных при вузах, и рассматривалась как средство для повышения качества учебной деятельности и квалификационного уровня преподавателей. С введением отраслевой системы в вузах из их компетенции стали изыматься исследовательские институты. Поэтому вузы лишились возможности готовить фундаментальных специалистов и развивать фундаментальную науку, так как это невозможно без ведения научно-исследовательской работы.

Основными направлениями деятельности государства по организации научно-исследовательской работы в масштабе страны и в том числе в вузах были следующими.

1) Территориальное развитие региональной науки. Были расширены рамки научных исследований через создание новых вузовских центров, а затем взят курс на их более узкую специализацию. Региональное развитие науки выступало как составная часть общего процесса развития производительных сил, что обуславливало её подчинённость экономическим и социальным задачам, нацеливало её на массовый культурный подъём и производство массовой научной интеллигенции для обслуживания народно-хозяйственных нужд.

2) Разработка системы планирования научно-исследовательской работы и руководства ею. Основная концепция плановой науки со-

стояла в том, что планы научной деятельности должны были вытекать из общего плана народнохозяйственного строительства и быть его составной частью. Рабоче-крестьянская инспекция после обследования работы НИУ сделала вывод, что Госплан не разработал до настоящего времени какой-либо методологии планирования [1]. Комиссия вносила предложение по организации Комитета науки с оперативными функциями при СНК СССР (или в системе Госплана), который бы тематически планировал и методологически руководил НИР и подготовкой кадров научных работников. Также комиссией предлагалось создать для координации работы учреждений в одной системе или смежной отрасли знания при наркоматах и хозяйственных организациях (ВСНХ, Наркомзем, Наркомируд, Наркомторг, Наркомпрос и др.) специальные ассоциации, в которые входили бы представители, при которых велась научная работа. Таким образом, именно в начале 1930-х годов зародилась идея планирования науки, окончательно уничтожившая её суверенитет и возможность демократии в организационных структурах, что можно объяснить и спецификой созданного государства и особенностями социополитического развития страны. Ассоциации как форма проявления демократии в науке существовали только в период построения новой системы её организации (переходный этап), но с окончательным оформлением директивно-плановой науки и они были ликвидированы как лишнее звено.

3) Поиск путей измерения и повышения эффективности работы в области научных исследований. Поскольку наука постепенно становилась плановой, появился аппарат управления, который нуждался в показателях, позволяющих давать оценку (даже формальную) выполнения плана. Пока оценку давали сами учёные, концентрируясь на содержательной стороне работы, она не всегда могла быть учтена, поэтому первым показателем эффективности стал показатель израсходованных средств.

В 1930-м году обследование состояния научно-исследовательской работы в НИУ и вузах привело к выводу о необходимости коренной реорганизации НИР и «большей её увязки с задачами социалистического строительства». Основные недостатки исследовательской работы сводились к следующим: 1) отсутствие единого органа по планированию и координации, особенно по части тематической и методологической составляющим научной работы; 2) отставание построения сети научных учреждений, особенно при вузах, от темпов роста потребностей социалистического строительства; 3) параллелизм и отсутствие координации роста НИУ и вузов; 4) оторванность от широких государственных и общественных потребностей [2]. В обследовании вузы не рассматривались как отдельный объект исследования. Но данные по состоянию НИР обследованных научных учреждений общесоюзных наркоматов распространялись и на них. Складывавшаяся система единого государственного контроля и планирования подразумевала

развитие всех отраслей науки в единой тенденции по всем показателям. Первое обследование научно-исследовательской работы (далее НИР) в вузах по всему СССР произошло в марте–апреле 1931 года (ранее такое обследование было предпринято по УССР) [3]. Но в этом статистическом обследовании НИР вузов и втузов стала отдельным объектом исследования. Проводился анализ как кафедральной НИР, так и индивидуальной деятельности НР (не входили в обследование учебные лаборатории и кабинеты). Обследование НИР вузов проходило по бланку формы «Б». Бланки рассылались по учреждениям по спискам, заранее составленным на основании данных, сообщаемых местными правительственными и хозяйственными организациями (но не самими учреждениями, так как не была ещё окончательно создана вертикаль подчинения вузов, многие из которых не имели собственной структурной организации, не были утверждены центральными органами, поэтому зачастую не реагировали на правительственные директивы. – прим. авт.). Привлекались и другие материалы, собранные непосредственно плановыми органами. Предлагалось 32 вопроса, сопровождаемые комментариями по выполнению. В общие сведения входили стержневые проблемы, определяющие цель и направления НИР учреждения, вопросы финансирования и конкретная проблематика. В приложении должен был быть освещён весь перечень НИР за 1930–31 годы, сроки начала и предполагаемого окончания работы, название организации, за счёт и по поручению которой ведётся работа, число НР, участвовавших в разработке указанной темы, место напечатания работы и организация, применившая данную разработку. Впоследствии, при реализации планирования, первоначальная форма претерпела изменения в сторону сокращения количества показателей. Отдельно прорабатывался перечень экспедиций, изысканий, разведок, производившихся учреждением в 1930–31 годах с указанием названия, цели, характера и географического направления, числа участников, сроков, затрат на данную экспедицию. Особо требовалось выделять местные (областные, краевые, автономные, республиканские) экспедиции и их результаты [4]. Однако начало такого пристального внимания к вузовской науке имело, как впоследствии станет очевидно, обратный эффект – изъятие исследовательских функций у вузов в первой половине 1930-х годов вследствие их научной маломощности и минимальной рентабельности. Вузы не в полной мере освоили переход науки от функции исключительно производства знаний к преобразовательной функции в силу традиционно «запаздывающей» модели репродукции знаний в образовании. Кроме того, организация вузовской науки на новых началах находилась в стадии генезиса, ещё не приспособилась к производству (ориентировались на старые формы небольших фундаментальных исследований), что и стало причиной стагнации вузовской НИР в первой половине 1930-х годов.

Начало масштабного процесса планирования науки относится ко второй пятилетке. Итогом работы Сектора науки Госплана СССР по разработке плана на вторую пятилетку стало проведение первой Всесоюзной конференции по планированию НИР, которая открылась в апреле 1931 года в Москве. Цель её состояла в обобщении опыта, накопленного практикой планирования, и в постановке новых задач в этой области. Также речь шла о построении централизованной системы научной деятельности, планируемой и управляемой «сверху». В резолюции конференции отмечалось, что основой планирования тематики НИР должны были являться годовые и перспективные планы государственных органов. Задавалась методология планирования: «Сверху развёрстываются самые общие проблемы... Эти более или менее общие указания расшифровываются в нижестоящих звеньях... Индивидуальные работы заранее включаются в коллективный план...» [5]. Было признано необходимым, как предлагалось ранее, создание единого центра по планированию НИР в системе Госплана. Формулировался ряд общих задач по совершенствованию территориального размещения сети научных учреждений (курс на децентрализацию). Итогом конференции было утверждение принципа плановости, распространявшегося на содержательную сторону научной деятельности во всех секторах науки, в том числе и вузовском. В той трактовке планирования, которая была принята в ходе конференции, объектами планирования выступали: 1) содержательная сторона НИР, то есть тематика; 2) ресурсное обеспечение. Планирование хода работ на высшем уровне отсутствовало и входило в компетенцию самих НР.

Планирование тематики развивалось в условиях противоречия между планированием «сверху» и «снизу». На начальной стадии преобладало планирование «снизу», сводившееся к суммированию предложений отдельных учёных, что представляло собой, скорее, констатацию того, что уже делается (в некотором смысле это обеспечивало максимальное использование творческого потенциала исследователей). Однако планирование такого уровня сопряжено в ряде случаев с игнорированием государственных и социальных нужд, иногда в силу плохой коммуникации (особенно в регионах) и малого количества информации. Планирование «сверху» способствовало интеграции науки, выступало как последовательная реализация глобальной государственной цели.

Новой системе жёсткой централизации и планирования НИР в общегосударственном масштабе соответствовала и постепенно создаваемая система управления и координации. На начальном этапе не было чёткого разграничения управления различными секторами науки, муссировался вопрос создания единого органа управления научными исследованиями, что в целом соответствовало приоритетным в этот период идеям масштабной интеграции и укрупнения. Ор-

ганом, который во многом руководил научными и научно-учебными учреждениями, был Комитет по заведованию учёными и учебными учреждениями ЦИК СССР (Учёный Комитет) [6].

В 1931 году этому Комитету со стороны Сектора культуры и науки Госплана были переданы указания на период второй пятилетки представить по каждому научному и учебному учреждению каждого ведомства, а также областным и краевым отделениям Госплана перечень исследовательских работ (тематику) на 1931, 1932 и 1933 годы. В этом плане должны были присутствовать следующие пункты: название работы научно-исследовательского характера (стержневая проблема), сроки выполнения работы, по чьему заданию ведётся работа и за счёт какой организации, прогнозирование эффекта данной работы для какой-либо области народного хозяйства и социально-культурного строительства. Данные предлагалось оформить в таблицу, сопровождаемую объяснительной запиской, содержащей заключение о рационализации НИР и дифференциации её по отраслям народного хозяйства [7].

Следующим шагом государства было постановление СНК РСФСР от 21 февраля 1931 года «О состоянии научно-исследовательского дела в РСФСР», в котором вносились следующие предложения: 1. Признать необходимым планирование как сети кадров НИУ, так и основных проблем, подлежащих научной разработке, добиваясь при этом полной увязки планов работы НИИ и НИИ при вузах с практическими задачами социалистической реконструкции отдельных отраслей народного хозяйства и задачами развёртывания культурной революции. 2. Предложить Госплану ССР создать специальный орган для выполнения этих задач. 3. Предложить всем ведомствам, в ведении которых имеются НИУ, улучшить деятельность своих органов по планированию и методологическому руководству НИР, а ВСНХ РСФСР создать у себя аналогичный орган. 4. Считать необходимым усиление методологического контроля и руководства НИР со стороны Коммунистической Академии. 5. Предложить Госплану РСФСР совместно с заинтересованными ведомствами: а) пересмотреть в четырёхмесячный срок организацию всей деятельности сети и содержание работы НИУ республиканского подчинения с целью уточнения их целевых установок, более чёткого разграничения работы между ними и устранения параллелизма; б) разработать план расширения сети НИУ, особенно на периферии, предусмотрев возможность открытия там филиалов центральных институтов [8]. Важным моментом, фиксирующим переход от индивидуальной работы к коллективной, было указание Госплана и СНК РСФСР на приоритетные формы и методы работы коллективного научного исследования [9]. СНК РСФСР разрабатывал вопросы унификации номенклатуры должностей НИУ РСФСР и размера оплаты труда НИР, приближая последнюю к ставкам сотрудников НИУ общесоюзного значения. Так-

же поручалось Наркомфину, Госплану и Наркомпросу РСФСР рассмотреть вопрос о возможности повышения ставок заработной платы основным научным кадрам в наиболее важных вузах в пределах финансовых планов, утверждённых по соответствующим ведомствам. Наркомфину РСФСР совместно с заинтересованными ведомствами при составлении бюджета на 1932 год следовало предусмотреть увеличение удельного веса расходов на НИР и оборудование в сметах научных учреждений [10].

Параллельно с проработкой вопросов организационного характера планирования научно-исследовательской тематики в 1931 году проходила рационализация и уточнение сети научных учреждений и вузов, ведущих научные исследования. В 1931 году в РСФСР насчитывалось 118 НИИ (в том числе и при вузах) республиканского подчинения. К 1932 году планировалось увеличить их число [11]. Распределение сети институтов и наркоматов с указанием характера предполагаемых реорганизационных изменений представлено следующими данными. Наибольшее число научных институтов находилось в ведении Наркомпроса (50 %), затем Наркомздрава (20 %), Наркомтруда и Наркомзема, Гидрометкомитет и ВСНХ (по 6-7 %). По одному – два учреждения имели Наркомснаб, Наркомюст, Наркомсобес, Главдортранс и Академия (РГАЭ. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 446. Лл. 48 – 54). Надо отметить, что эти цифры не вполне характеризовали объём всей сети НИИ каждого ведомства, так как так не была отражена их низовая сеть.

При организации сети научных учреждений наибольшие изменения претерпевал Наркомпрос, который являлся наркоматом науки в том смысле, что здесь были сосредоточены институты, обслуживающие своими работами не одну какую-либо отрасль хозяйства или культуры, а ряд отраслей.

В результате реорганизации научных институтов географическое размещение науки в РСФСР сдвинулось в сторону увеличения удельного веса научных институтов (в том числе и при вузах) на периферии. В 1931 году удельный вес научных учреждений Москвы и Ленинграда определялся в 62,7 %, а в 1932 году был равен 60, 4 %, зато увеличивается сеть учреждений на Урале, в Сибири (с 6,7 % до 11 %), в национальных республиках с 6, 7 % до 9 %, на Северном Кавказе – с 2, 5 % до 4,8 % и так далее. Обращает на себя внимание тот факт, что большая часть НИИ в системе Наркомпроса была сконцентрирована при вузах. Если в 1931 году процент вузовских НИИ составлял 41,2 %, то к 1932 году – 61,1 %, что произошло благодаря увеличению числа НИИ в системе Наркомпроса в целом [12].

Таким образом, к началу второй пятилетки были выработаны практически все основные элементы целенаправленно планируемого и контролируемого государством процесса научного производства во всех секторах (вузовском, академическом, заводском, промышленном).

Толчок к развёртыванию НИР вузов был дан в ходе преодоления центробежных тенденций при восстановлении в мае 1933 года факультетской системы в университетах. Улучшились условия для активизации НИР в вузах, обеспечение соответствующей квалификации ППС и руководства учебным процессом [13].

Главное внимание Наркомпрос сосредоточил на восстановлении университетов в качестве самостоятельных научных центров и центров по подготовке научных кадров. Заново разработанный университетский устав в отношении послевузовского образования и подготовки кадров научных работников проводил чёткое разграничение профилей специалистов, подготавливаемых в вузах. На университеты возлагалось: а) подготовка квалифицированных специалистов-исследователей по общественным дисциплинам; б) подготовка аспирантов [14].

Таким образом, первой формой организации вузовской науки была деятельность исследовательских институтов, созданных при вузах, но обладавших значительной автономией. Здесь исследовательская деятельность выступала, прежде всего, как средство повышения качества учебной подготовки. Но в предвоенное десятилетие фундаментальная научная работа даже самими НР вузов не мыслилась без участия НИИ.

Но в большинстве вузов второй этап организации исследовательской работы совпал с реорганизацией вузов по отраслевому принципу, когда промышленные наркоматы, в ведение которых попали вузы, начали свёртывать НИР при них. Высшая школа была полностью нацелена на массовую подготовку специалистов. В результате принятых мер удалось достигнуть чёткого размежевания науки и высшего образования. Но вскоре стало очевидным, что потеря исследовательских функций пагубно отражается на подготовке специалистов даже среднего уровня, не говоря уже о высококвалифицированных научных кадрах. Немаловажным моментом, как показала практика, было то, что путь к внедрению вузовских научных разработок в производство оказывался перекрыт НИИ промышленных наркоматов. Как уже отмечалось, отраслевая наука создала сплошной фронт научного сопровождения производства, не оставляющий возможности для приобретения разработок со стороны. Аналогичным образом академическая наука перекрывала для вузов основные направления фундаментальных исследований. На её стороне были существенные преимущества: нацеленность только на научный результат, высокая концентрация сил, лучшая техническая оснащённость. Сложившаяся ведомственная структура управления наукой на всех уровнях в первой половине 1930-х годов, как нами уже упоминалось, существовала параллельно с ассоциациями. Ассоциации брали под контроль тематику научных исследований, выявляли дублирование, оценивали перспективность и качество работ. Ориен-

тация на подчинение всех сфер науки практическим нуждам, требование управляемости предрешали такое организационное построение, при котором любые научно-исследовательские и учебные учреждения, ведущие НИР, подчинялись бы органам, руководившим производством. Итогом организационного развития управления наукой во второй половине 1930-х годов стало построение иерархической структуры научной деятельности и упразднение ассоциаций.

В целях поощрения научной работы и повышения квалификации Наркомпрос и СНК СССР в 1934 году принял постановление «Об учёных степенях и званиях» [15]. Постоянное развёртывание НИР по актуальным проблемам наук признавалось обязанностью и неотъемлемой частью деятельности вузов [16].

К 1935 году в общесоюзном масштабе наукой, в том числе и вузовской, продолжал руководить Учёный комитет, научно-исследовательские сектора наркоматов и Управление учителей. Но единого руководящего органа так и не было создано, что вело к параллелизму исследований, нескоординированности в действиях целых научных организаций, а при учёте того факта, что при обнаружении разработки параллельной тематики вузом и НИУ предпочтение в продолжении исследования отдавалось последнему (затраченные средства вузу не возвращались), соответственно, данная ситуация для вузов была более бесперспективной. В 1938 году Учёный комитет был ликвидирован, а подведомственные ему учреждения переданы в ЦК ВКП (б), союзные и республиканские наркоматы [17]. В 1936 году высказывались предложения о создании Всесоюзного комитета науки при СНК СССР, но учреждён он так и не был.

К середине 1930-х годов идея единого, насколько это возможно при ведомственной подчинённости вузов, автономного управления вузовской наукой оформилась следующим образом. Существовала двойная система, которая без особых изменений сохранилась до 1956 года. Продолжала существовать ведомственная система управления вузами, но Постановлением ЦИК и СНК СССР от 21 мая 1936 года образовывался Всесоюзный комитет по делам высшей школы (далее ВКВШ), на который возлагались контролирующие функции по планированию вузовской науки. Был отменён раздел VII постановления ЦИК СССР от 19 сентября 1932 года «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах», согласно которому руководство возлагалось на Управление учителей; отменено положение ЦИК СССР от 17 октября 1933 года, в котором контролирующие функции осуществлял Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию; аннулировано постановление ЦИК СССР от 26 декабря 1935 года, по которому прежний комитет передавался со всеми его функциями в ведение СНК СССР. Помимо прочих функций на ВКВШ возлагался контроль за НИР вузов через группу планирования и учёта планово-экономического отдела [18].

Полномочия ВКВШ в области руководства вузовской наукой были расширены последующими постановлениями правительства СССР: «Положение об аспирантуре» от 31 марта 1939 года (аспиранты и ППС должны были с момента выхода «Положения» утверждаться ВКВШ) [19]; постановление СНК СССР от 27 февраля 1940 года «О ликвидации и открытии новых специальностей в вузе» передавало полномочия по открытию и ликвидации специальностей ВКВШ [20], что давало возможность Комитету целенаправленно влиять на перепрофилирование вузов и разработку научных исследований по определённым направлениям, входившим в систему важнейших государственных приоритетов в науке. Вполне закономерный результат и закрепление потери вузами автономии, что подчёркивает большинство исследователей, и организационное завершение системы жёсткого вертикального подчинения в науке.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школы» от 23 июня 1936 года регламентировало НИР вузов в плане организации и оплаты труда ППС. Руководству вузов предписывалось «на деле обеспечить развёртывание научно-исследовательской работы по кафедрам» [21]. Постановление обязывало вузы пересмотреть НИР каждого НР. Эта установка подкреплялась материальными мерами. Была отменена почасовая оплата труда преподавателя вуза (связывавшая заработок учёного с объёмом аудиторной нагрузки), введены штатные должности (профессор, доцент, ассистент) и должностные оклады для ППС. Конкретизировались данные положения в постановлении СНК СССР от 11 ноября 1937 года «О введении штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского состава вузов» [22]. Окончательно утвердилась штатно-окладная система оплаты труда, предусматривавшая, что каждый преподаватель должен состоять в штате только одного вуза и вести все виды учебной и НИР, отдавая ей, в среднем, по шесть часов в день, причём НИР включалась во вторую часть рабочего дня.

Так сложилась вторая – кафедральная – система организации вузовской науки. Важную роль в этом принадлежала утверждению 5 сентября 1938 года СНК СССР «Типового устава высшего учебного заведения», регламентировавшего организационную сторону проведения научной работы. Новым «Уставом» на Совет вуза возлагалось рассмотрение тематических планов НИР, присуждение учёного звания ассистента, учёной степени кандидата и доктора наук с последующим утверждением в ВКВШ, представление кандидатов на присвоение звания доцента и профессора (впрочем, последнее носило характер закрепления существующего положения, так как нами уже отмечалось, что большинство вузов получили это право с 1934–35 годов, а более мощные и ранее). Исследовательская работа проводилась на кафедрах в рамках сложившейся организации, присущей

учебному процессу, когда организационным административным звеном являлся факультет и декан, руководящий НИР кафедр, аспирантурой, повышением квалификации ППС [23]. Но и от вузовской науки требовалось решение комплексных мощных тем, а это наталкивалось на обособленное положение исполнителей. Заинтересованный в хоздоговорных поступлениях, но вынужденный действовать в одиночку или в составе малой группы на кафедре, учитывая слабое финансирование вузовской науки, вузовский учёный поневоле брался только за небольшие, посильные темы прикладного характера. Другой немаловажной проблемой вузовской науки было внедрение в народное хозяйство результатов собственных исследований.

Именно в данный период начала складываться традиция, согласно которой вузовская наука разрабатывала, в основном, местную тематику, что особенно бросается в глаза при исследовании тематических планов гуманитарного профиля. Лишённая официальной научной доктриной автономии и широкого поля методологических разработок, на основе которых развивается самостоятельная научная традиция, вузовская наука превратилась в ретранслятора идей, но не их производителя.

К 1939–40-му годам система управления НИР вузов сложилась в следующем виде. ГУУЗаами наркоматов и ВКВШ составлялись планы общего характера требуемой для тематики НИР по Союзу. По вузам рассылались бюллетени ВКВШ, где особо указывалось, что директорам вузов необходимо представить на утверждение в ВКВШ тематические планы НИР, связав решение научных проблем с народнохозяйственными. Затем они представлялись на окончательное утверждение начальникам ГУУЗов наркоматов, которые, в свою очередь контролировали выполнение НИР вузами. При всех наркоматах, в ведении которых находились вузы, образовывались отделы управления вузами и НИР вузов. Таким образом, ведомственная подчинённость вузов сохранялась, но был образован единый орган контроля за НИР каждого вуза.

Таким образом, в 1930-е годы проходил достаточно динамичный процесс формальной реорганизации научно-исследовательского сектора высших учебных заведений, но внутренняя сущность вузовской науки, не ориентированной на производство, осталась прежней – небольшие университетские лаборатории с узкой тематикой и единой методологией разрешения проблем, которая не всегда соответствовала особенностям решаемых задач, что исключало возможность полномасштабной реализации научного потенциала и участия в разработке социальных программ.

Библиографический список

1. ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 338. Л. 8 (об.).
2. ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 338. Л. 4.
3. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 462. Л. 61.
4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 462. Л. 61-63.
5. I Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы, 6-11 апреля 1931 г. Стенографический отчёт. – М., 1931. – С. 396.
6. Учёный Комитет Центрального Исполнительного Комитета СССР был образован в 1926 году.
7. ГАРФ. Ф. Р-668. Оп. 1. Д. 338. Л. 20.
8. ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 338. Л. 1 (об.) - 2.
9. ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 338. Л. 16.
10. ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 338. Л. 3.
11. ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 338. Л. 60.
12. ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 338. Л. 60.
13. Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. – Уфа, 1973. – С. 293, 301.
14. Университеты и научные учреждения к XVII съезду ВКП(б). – М. – Л., 1934. – С. 2.
15. Собрание законов и распоряжений рабочего и крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). – 1934. – № 34. – С. 270.
16. Чанбарисов Ш. Х. Указ. Соч.... – С. 372.
17. ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 23. Л. 3–4; Д. 4. Л. 48–49.
18. СЗ СССР. – 1936. – № 27. – С. 250–251.
19. Сборник постановлений правительства СССР. – 1939. – № 52. – С. 445.
20. Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. – М., 1940. – С. 37.
21. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1984 Т.6. – 1933–1937. – С. 227.
22. Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. – М., 1940.
23. Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. – М., 1940. – С. 37–43.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 1930-Е ГОДЫ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

О. В. Милаева
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

Summary. In article the basic directions and priorities of scientific researches in high schools in 1930th years are considered. Plans and tasks of scientific researches are analysed in this period. Questions of financing of a science in higher educational institutions are considered.

Keywords: scientific researches, Higher school modernization, history of the Soviet science.

Процессы развития науки 1930-х годов выявляют основную тенденцию отношения власти к науке как к производящей силе, ориентированной не на производство собственно знаний, а на получение практического результата материального характера, как в случае с естественными и техническими науками, или идеального, как в случае с гуманитарными и социальными науками, проявляющегося в действенной поддержке действующей идеологической и общественно-политической доктрины. Спор «физиков и лириков», завершившийся в 1960-е годы в пользу первых, в СССР был начат именно в 1930-е годы, посредством приоритетной поддержки государством «производящей» науки и вытеснением гуманитарной на периферию научного процесса, что особенно негативно сказалось на развитии фундаментальных исследований в высших учебных заведениях. Задача непосредственного вклада в науку перед вузами в начале 1930-х годов не ставилась. С введением отраслевой системы в вузах из их компетенции стали изыматься и исследовательские институты. Вследствие этого вузы лишились возможности готовить фундаментальных специалистов и развивать фундаментальную науку, так как это невозможно без ведения научно-исследовательской работы.

Развитие СССР начала 1930-х годов характеризовалось, как известно, вхождением страны в стадию ускоренной модернизации, кризисными явлениями в социально-экономической сфере, при этом высшие и региональные органы власти сосредоточивали все свои политические усилия, финансовые ресурсы и тактические решения на преодолении этих перманентных кризисных явлений. При этом государством делался упор на подъём уровня технологий в прикладном и производственном секторах науки, которые давали желаемый результат в важнейших отраслях народного хозяйства в минимальные сроки. Стратегические цели на подъём и развитие науки в сфере высшей школы, учитывая малое финансирование, даже свёртывание НИР вузов и передачу этих функций НИИ в отдельные периоды, судя по всему, были второстепенными и лишь необходимо декларировались. Вузовская наука перешла в 1930-е годы в разряд абстрактных научных приоритетов, а государство вынуждено было поддерживать реальные продуктивные проекты, позволявшие создавать технологии, дающие возможность перевести экономическую ситуацию из состояния частичной стабилизации в состояние развития.

В рассматриваемый нами период выбор научных приоритетов осуществлялся непосредственно государством в лице чиновников ведомств и наркоматов с последующим утверждением правительством. Низовой уровень почти не задействовался. Вертикальная система подчинения науки, равно как и моноидеология и методология, не предусматривали множества разноаспектных исследований, особенно в вузовском секторе, основным, если не единственным, приорите-

том которого в плане НИР в первой половине 1930-х годов стал процесс репродуцирования высококвалифицированных кадров.

Если основными научными приоритетами в годы первой пятилетки были развитие сети НИУ и выяснение состояния наличных кадров, то в годы второй пятилетки основными приоритетами провозглашались освоение и разработка высоких технологий; подготовка новых кадров научной интеллигенции; научно-теоретическая разработка основных вопросов социалистического строительства и технической реконструкции; освоение достижений мировой науки и техники и «обеспечение полной независимости Советского Союза в технико-экономическом отношении от капиталистического мира» [1]. В приоритетные направления научно-исследовательской работы по важнейшим направлениям, имеющим непосредственное прикладное значение для нужд народного хозяйства (выполнение которых предполагалось обеспечить хозяйственными договорами институтов и вузов), в планы по НИР институтов и вузов включались теоретические и экспериментальные работы, имеющие перспективное значение [2].

Хозяйственным плановым органам административных единиц Госпланом корреспондировались основные проблемы научных исследований, которые перераспределялись на местном уровне по различным учреждениям для разработки. Но Госпланом рекомендовались и перспективные научные темы, которые выходили бы за пределы пятилетия, опережая непосредственное строительство [3], принципиальным моментом считалось расширение сети научных исследований на периферии, ограничение роста сети НИУ в Москве и Ленинграде. Вопрос о размещении научно-исследовательских учреждений и распределении исследований согласовывался с размещением сети наркоматов и кооперативной сети, а также увязывался с размещением производительных сил и перспективами развития краёв, областей и республик.

Рассмотрим основные проблемы и задачи в области научно-исследовательской работы, особенности их постановки на примере первого пятилетнего плана научного строительства. Предварительно необходимо отметить, что в советской модели модернизации и индустриализации делался акцент на первоочередном развитии самых передовых в ту эпоху, чрезвычайно капиталоемких отраслей: энергетики, металлургии, химической промышленности, машиностроения, агринологий.

В сфере энергетики и механизации сельского хозяйства должны были развиваться научные исследования по повышению скорости машин, задействованных на полевых работах, разрабатываться вопросы конструирования новых типов электродвигателей. Немало внимания уделялось проблемам стандартизации и унификации типов и деталей машин «применительно к культурам и основным сель-

скохозяйственным районам» [4]. Особое внимание НИУ надлежало уделить разработке бескомпрессорного дизель-мотора с широкой дифференциацией мощностей, способам комбайнизирования уборки технических культур и механизации трудоёмких работ. Актуальными вопросами научно-исследовательской работы в области общего машиностроения считались специализация и кооперирование советского машиностроения, разработка конструкций мощных генераторов и турбин, проблемы МТС [5].

По линии энергетики должна была широко развернуться исследовательская работа в области электрификации, использования водной энергии, изучения проблем, связанных с разработкой каменного угля, торфяной и сланцевой промышленностью.

В области химии на второе пятилетие перед научными работниками ставилась задача «ликвидации разрыва между разработкой так называемых теоретических и практических проблем», дальнейшей разработкой теории химии и «изживания отсталости научно-исследовательской работы в этой области от темпов развития народного хозяйства». В основных чертах план научно-исследовательских работ по химии должен был строиться по следующим 18 разделам: 1) теория химии; 2) химическая оборона; 3) топливо и газы; 4) химико-технологические проблемы в металлургии; 5) электрохимия; 6) химизация сельского хозяйства; 7) неорганическое сырьё; 8) органическое сырьё и синтез органических продуктов; 9) искусственное волокно; 10) биохимия; 11) химия пищевых продуктов; 12) химизация лесного хозяйства; 13) химическое и термическое сопротивление материалов, технология химического машиностроения; 14) фармацевтическая химия; 15) химия красящих веществ; 16) фотохимия; 17) химическая утилизация; 18) реактивы и аналитическая химия.

Центральными теоретическими проблемами стали изучение характера химических реакций и способов управления ими, превращение материи в энергию, техника применения искусственных газов, использование непредельных углеводородов. Практической разработке подлежали вопросы протекания химических процессов под давлением, использования солнечной энергии; развития производства азота, серной кислоты, хлора, новых методов крекинга нефти посредством хлористого алюминия [6]; использования и переработки отходов сельского хозяйства. Важнейшими в этой отрасли считались: массовое производство жидкого топлива, удобрений, расширение области применения алюминия.

Главными научными приоритетами в области сельского хозяйства, которое, по оценке Госплана, к началу второго пятилетия вошло в завершающую стадию социалистического преобразования и «стало самым крупным в мире уже в первом пятилетии» [7] стали, прежде всего, вопросы повышения урожайности, борьбы с засухой, превращение потребляющей полосы в производящую, повышение

продукции технических культур. Немало внимания научным учреждениям предлагалось уделить продвижению зерновых культур на восток, увеличению поголовья скота, вопросам применения электричества, энергии воды и ветра, теоретической разработке новейшей научной и технической базы для реконструированного социалистического хозяйства.

Ориентировочно план проблематики научно-исследовательских работ для НИУ и кафедр вузов, занимавшихся научно-исследовательской работой в области сельского хозяйства, рассылаемый в регионы, должен был включать определённый ряд вопросов. В области агрохимии и агротехники приоритетными научными направлениями стали: вопросы оптимальных условий и эффективности внесения удобрительных туков (особенно минеральных удобрений); сокращение периода вегетации и повышение скороспелости всеми возможными методами (например, путём применения электричества, ультрафиолетовых лучей, бактеризации, селекции, гибридизации и пр.); вопросы выведения зимостойких и засухоустойчивых сортов «для раздвижения границ распространения зерновых культур, особенно на север и восток»; проблемы развития и акклиматизации новых технических и садовых культур, ликвидации периодичности урожаев плодовых деревьев.

Приоритетные направления научно-исследовательской работы в области общественно-экономических наук довольно кратко определяются как разработка основных проблем, связанных с построением «бесклассового общества и овладение основами марксистско-ленинской методологии в научно-исследовательской работе» [8].

Выделение из университетов технических, точных и естественнонаучных факультетов привело к тому, что к концу кампании 10 из 18 университетов страны распались. С 1930 г. многие факультеты гуманитарного профиля были выведены из состава университетов и реорганизованы в самостоятельные институты. Так, например, образовались Московский институт истории, философии и литературы (МИФЛИ), Ленинградский институт истории, философии и литературы (ЛИФЛИ). Однако окончательно вывело науку из стен университетов постановление СНК СССР, принятое 13 июля 1931 г. и определявшее профиль государственных университетов. Университеты приобретали сугубо технический профиль и становились средоточием подготовки научно-исследовательских и преподавательских кадров по естественным и физико-математическим специальностям. Социально-гуманитарные дисциплины были окончательно выведены за стены университетов и вернулись туда только во второй половине 1930-х годов. В 1933–1935 гг. с философией и социально-гуманитарными дисциплинами были связаны Институты красной профессуры — экономики, истории, философии, литературы и языка, советского строительства и советского права, мирового хозяйства и

мировой политики, а также аграрный и подготовки кадров; Коммунистическая академия, факультеты педагогических вузов; некоторые институты Академии наук СССР.

Попытки оживить научно-исследовательскую работу в вузах, организовать её согласно новым постановлениям предпринимались и некоторыми комиссариатами, в ведении которых находились учебные заведения, в частности сектором НИУ Наркомпроса уже в 1934 году [9]. Результаты этой организационной деятельности были представлены в ежегодном отчёте о работе сектора. Было достигнуто координирование научно-исследовательской работы отдельных институтов и кафедр университетов в системе Наркомпроса путём проработки научно-производственных планов институтов и кафедр на специальных комиссиях по отдельным научным дисциплинам. Был издан сводный план научно-исследовательских работ институтов и кафедр университетов РСФСР на 1936 год, конкретно показавший степень развёрнутости научных исследований по отдельным дисциплинам в учреждениях, подведомственных Управлению Университетов и НИУ (47 институтов и 350 кафедр университетов). Одновременно были изучены рукописи научных работников вузов. Все отчётные данные для анализа были представлены в ЦК. Данный опыт способствовал дальнейшей разработке законодательной базы для научной деятельности вузов, что подтверждает «Положение» от 26 мая 1936 года.

Активное организационное восстановление научно-исследовательской работы вузов в общегосударственных масштабах на плановых началах наблюдалось после выхода этого положения. Была сделана попытка преодолеть негативные моменты ведомственного подчинения вузов (крайняя разобщённость и отсутствие возможности полной унификации требований к научно-исследовательской работе). Особая роль в данном процессе отводилась партийными организациям вузов. Они должны были: а) выделить из состава дирекции специальное лицо, ведающее научно-исследовательской работой; б) не позже ноября 1938 года провести научные сессии в институтах по этому вопросу; в) принять меры по публикации научных трудов сотрудников вузов; г) представить на обсуждение в совет института планы научно-исследовательской работы; д) организовать контроль за выполнением индивидуальной и коллективной работы; е) на заседаниях парткомов обсуждать результаты работы отдельных ИР, особенно коммунистов; ж) усилить работу по вовлечению студентов в научную деятельность посредством общественных организаций, научных кружков, конкурсов на лучшую работу и социалистических соревнований [10].

Отдельной немаловажной проблемой, тормозящей исследования в высших учебных заведениях стало хроническое недофинансирование. Вузовский сектор науки финансировался чрезвычайно слабо (особенно во вторую пятилетку), что не могло не сказаться на со-

держании, тематике, масштабах их научно-исследовательской работы, но в то же время в годы третьей пятилетки постепенно увеличивались финансовые вложения по отдельным вузам. По данным председателя Комитета по высшему техническому образованию И. И. Межлаука, исследования вузов лишь на 10-20% обеспечивались бюджетными ассигнованиями, а 80% шло по договорам с предприятиями, представляя собой случайные задания полуисследовательского характера. Управление научным процессом сливалось с управлением учебным и осуществлялось теми же лицами в рамках тех же структур. Вузовская исследовательская работа по-прежнему ставила целью не самостоятельный вклад в науку, а содействие успешности учебного процесса.

Существенная разница в финансировании различных секторов науки становится заметна при анализе следующих данных. Если взять изменение удельного веса расходов по областям народного хозяйства, то расходы на научно-исследовательскую работу по сельскому хозяйству сократились с 60,8% в 1933 году до 52,6% в 1937 в общей сумме расходов. В то же время промышленность повысила свой удельный вес с 3,1% до 5,4% за тот же период. Незначительно поднялся удельный вес расходов на научную работу в области медицины [11].

Можно выделить ряд основных организационных проблем и недостатков, препятствовавших развёртыванию научно-исследовательской деятельности, отмечаемых всеми исследованными вузами Самары, Саратова, Ульяновска в своих научных отчётах: 1) недостаточная экономическая база, которая не способствовала плановости и углублённой проработке научных проблем; 2) перегрузка научно-исследовательских кадров педагогической работой и их совместительство в других вузах, что не позволяло вести полномасштабные исследования; 3) минимальные ассигнования на развёртывание исследовательского отдела фундаментальных библиотек, особенно недостаточное пополнение новинками мировой литературы, монографиями по специальностям вузов, отсутствие большинства новых периодических изданий научной литературы; 4) слабое финансирование научных командировок профессорско-преподавательского состава и аспирантов, а так же отсутствие чётких календарных планов этих командировок; 5) отсутствие у ряда кафедр необходимых подсобных учреждений: опытных полей, мастерских, кабинетов; 6) плохая постановка издательского дела в институтах; 7) конкуренция с НИИ в области внедрения научных разработок и т. д. Необходимо сказать, что подобные недостатки были характерны практически для всех вузов в рассматриваемый период.

Общим итогом развития науки в вузах в 1930-е годы в структурном отношении стала сохраняющаяся до сего времени градация вузов по степени организационного развития науки. Первая группа – педагогические и другие гуманитарные вузы, не обладающие силь-

ным кадровым потенциалом, характеризующиеся небольшими объёмами исследования. В них отсутствуют отдельные линии управления научными исследованиями, основным принципом организации научной деятельности является кафедральная работа, эффективность их исследовательской работы измерялась в основном по количеству защищённых диссертаций; они были очень мало связаны с производственными практическими вопросами.

Вторая группа – те вузы, где были созданы специализированные научные подразделения, приоритетные направления исследований, органы управления и линии руководства научной работой. Именно в них проводилась масштабная научно-исследовательская работа, результаты их исследований частично внедрялись в народное хозяйство регионов. Эти вузы имели лучшую обеспеченность кадровыми и материально-техническими ресурсами.

Третья группа – это те учебные заведения, где полностью сложилась самостоятельная структура управления исследованиями, была создана научно-исследовательская часть, сочетавшая управленческие и функциональные подразделения и линейные исследовательские звенья – отделы, лаборатории, проблемные научные советы по отдельным направлениям. Как правило, в таких вузах складывались собственные научные школы определённого профиля.

Библиографический список

1. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 2812. Л. 197–200.
2. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 2812. Л. 198.
3. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 2812. Л. 76.
4. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 2812. Л. 68.
5. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 2812. Л. 74.
6. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 2812. Л. 82.
7. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 2812. Л. 31.
8. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 2812. Л. 198.
9. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 3511. Л. 1.
10. ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1416. Л. 86.
11. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 2819. Л. 31.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НИЖНЕВОЛЖСКОМ КРАЕ В 1930-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ УЧЕНЫХ ВЕДУЩИХ САРАТОВСКИХ ВУЗОВ)

О. В. Милаева
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

Summary. In article the basic directions of scientific work in premilitary decade in higher educational institutions of Saratov are considered. Directions of scientific works in the most important branches are described: energetics, power engineering, agriculture, geology, social studies.

Keywords: scientific developments, scientific potential highly skilled specialists, Higher school modernization, history of the Soviet science.

В 1934 году в Саратове состоялась конференция учёных, рассмотревшая основные направления и перспективы научно-исследовательской работы Саратовского края. Проблемами перво-степенной важности были признаны те же, что признавались приоритетными и в государственном плане по науке на второе пятилетие: ирригация Заволжья; техническая реконструкция сельского хозяйства; разрешение энергетических вопросов края для ирригации и электрификации целого ряда отраслей хозяйства. Энергетический вопрос в регионе являлся достаточно сложным, так как до 1933 года край не имел собственной энергетической базы и те силовые установки, которыми он располагал, работали на привозном сырье, в частности на Донецком нефтяном топливе. Эта задача обуславливала параллельную научную разработку в области геологии: освоение полезных ископаемых и топливных ресурсов. Не менее важной проблемой было развитие машиностроения, особенно увеличение парка сельскохозяйственных машин, развитие теории и практики МТС. В области ирригации практически была поставлена проблема несколько более узкая, чем предлагалось правительственными органами – не ирригация всего региона, а только Заволжья, но в третьем пятилетии развернулись работы по полномасштабной реализации мероприятий по ирригации Нижневолжского края. Отдельные же вузы решали частные научные задачи, но и их разработки были включены в общий план по научному и народнохозяйственному развитию региона [1]. Вузы включались в сеть научно-исследовательских учреждений как самостоятельные научные единицы, обеспечивавшие своими исследованиями разработку важных народнохозяйственных проблем. Главное внимание при разработке плана научных работ края на второе пятилетие было уделено подчинению почти всего спектра исследований нуждам производства. Следует в этой связи отметить, что существовавшая к началу 1930-х годов сеть НИУ и вузов в Саратовском крае сравнительно удовлетворительно обслужива-

ла нужды сельского хозяйства, здравоохранения, обучения кадров, но промышленное производство почти не обслуживалось. Особенно это было важно по тем отраслям, развитие которых входило в приоритеты государственной научной политики и первоочередные задачи местной науки: химической и электротехнической промышленности, машиностроения, разработки топливных ресурсов, производства и использования стройматериалов [2]. В связи с этими задачами в 1932 – 1933 годах в рамках общегосударственной программы, произошла рационализация сети НИУ Саратовского края, что, однако, не обеспечило увеличения количества НИУ промышленного характера. Если в 1930 – 1932 годах их насчитывалось 12, то в конце первого – начале второго пятилетия всего семь (за счёт укрупнения): НИУ сельскохозяйственного профиля со всеми вспомогательными предприятиями было 22, медицинских – восемь, прочих – девять [3]. Усиление научной разработки промышленной проблематики достигалось за счёт того, что НИУ непромышленного профиля во главу угла ставили вопросы обслуживания нужд производства. А так же ростом количества научных работников, занятых исследованиями в области промышленности (по сравнению с первой пятилеткой их число к концу третьей пятилетки увеличилось в три раза только в НИИ и вузах). Причём аспирантура при промышленных НИУ не создавалась, что автоматически приводило с одной стороны к выкачке научных кадров из местной вузовской науки, а с другой – к приглашению научных работников через ведомства. Последнее обстоятельство приводило к гипертрофии исследований, заинтересованность в которых была проявлена центром, и результаты которых не всегда были жизненно необходимы для развития региона. Вместе с тем такая постановка исследовательского дела способствовала развитию научной мысли края на уровне, соответствовавшем новейшим достижениям.

В Саратовском государственном университете плановое начало в научно-исследовательскую работу было привнесено с 1931/32 учебного года [4]. Во втором и третьем пятилетиях, в связи с предыдущим и намечаемым развитием, саратовская наука становилась «центром научно-исследовательской мысли всего юго-востока страны и центром электротехнической индустрии» [5]. Исследовательская работа университета в большей своей части включала проблемы хозяйственной жизни Нижневолжского края (особенно это касалось кафедр геологии, морфологии, биологии). Но некоторые кафедры разрабатывали более общие и широкие вопросы (кафедры физической и неорганической химии, зоологии, физиологии и анатомии растений). Нужно отметить, что университет не имел достаточной базы для широкого развёртывания научно-исследовательской работы. Ассигнования по кафедрам шли главным образом на организацию и проведение педагогической работы. «Специальных штатных единиц научных сотрудников, освобождённых от педагогической нагрузки», уни-

верситет не имел, что не позволяло уделять достаточно времени исследованиям. Экспериментальные лаборатории по некоторым кафедрам требовали большого дополнительного оборудования.

Традиционно самыми сильными направлениями саратовской науки были физика, математика, химия и геология. Поэтому именно в данных областях учёные добились лучших научных результатов, что соответствовало научным приоритетам, декларированным на уровне государственной политики в области научных исследований, способствовавшим развитию тех областей знания, которые давали возможность форсировать модернизацию и индустриализацию страны. Основными направлениями работы института физики и кафедр университета являлись: 1) исследования в области вопросов электрического оснащения производственных процессов; 2) в области генерации, распространения и использования дециметровых электромагнитных генераторов; 3) в области электронных процессов в вакууме [6].

По линии первого из них институтом физики, кафедрами саратовского университета и производством при СГУ был освоен ряд оригинальных конструкций прецизионной электроизмерительной и контрольной аппаратуры (мостики с параллельным сопротивлением, специальный тип реле, новая конструкция прибора со скрещёнными полями и др.). Учёными саратовского университета впервые в СССР была сконструирована специально для хлебного хозяйства централизованная установка для температурного контроля хранения зерна в элеваторах (к 1934 году почти закончены были экспериментальные исследования). Значимость этой работы учитывалась постановлением ЦКК ВКП (б) и НК РКИ от декабря 1932 года, предписывающим оборудование подобной аппаратурой всех элеваторов Союза [7]. По двум другим вышеназванным направлениям совместной научно-исследовательской работы института физики при СГУ и соответствующих кафедр университета НР были достигнуты значительные результаты. Учёные разработали конструкции специальных электронных ламп для генерации дециметровых волн и конструкцию портативной установки для направленной радиосвязи на волнах указанного диапазона, имевших большое значение для СССР в целом.

Для Саратова и тяготеющих к нему районов выбранный комплекс научной проблематики в области физики и электротехники, разрабатываемый вузовскими учёными на протяжении 1930-х годов, обеспечивал тесную связь с «социалистической практикой в свете проекта постройки в Саратове заводов прецизионных электроизмерительных приборов и электровакуумной аппаратуры». С 1935 по 1940-й год указанная тематика исследований в области физики учёных СГУ и НИИФ закрепляется и детализируется в планах научно-исследовательских работ университета. Основные направления исследований остались прежними, но тематика сужалась. По научному направлению, связанному с электрическим контролем, проводились

исследования влияния форм магнитного экрана на характеристику максимальной работы реле нового типа; исследование изоляционных свойств различных сортов слюды при высоких температурах. По двум другим вышеуказанным направлениям научными сотрудниками исследовались диодные эффекты дециметровых волн, сравнение измерения частоты в дециметровом диапазоне, исследования термоионной системы при высокочастотных колебаниях, на практике разрабатывались установки для направленной связи с непрерывным спектром.

В фондах институтов и университета саратовского края были сконцентрированы богатейшие теоретические геологические и гидрологические материалы. До 1935 года они обычно применялись в узкопроизводственных целях, но не проводилось комплексного и всестороннего изучения геологических вопросов. План геологических работ был тесно связан с научно-исследовательской работой НИИ геологии и кафедр вузов по химии. Химизация Саратовского края и Нижневолжского в целом должна была пойти по пути разработки уже имеющихся ресурсов (сланцы и фосфориты) и расширения разведок фосфоритов с тем, чтобы обеспечить применение химических удобрений (суперфосфата), как было заложено в общегосударственном пятилетнем плане народнохозяйственного строительства. Планы научно-исследовательской работы включали и вопрос переработки нефти, причём ставилась задача разработки иных методов, нежели распространённый крекинг-процесс [8]. Результаты научно-исследовательской работы по указанным направлениям использовались на нефтеперерабатывающем и перегонном комбинатах, строительство которых началось в 1935 году в Саратове.

Самостоятельным научным направлением работы университета была разработка математической проблематики. «Саратовский университет, по крайней мере, в области математических наук, имеет все основания сделаться и уже фактически делается первоклассным научным центром. Его основные профессорско-преподавательские кадры состоят из молодых математиков большой научной активности, уже зарекомендовавших себя ценными работами, успевшими обратить на себя внимание как у нас в Союзе, так и за границей», – писал член-корреспондент АН СССР, президент московского математического общества доктор математических наук профессор П. Александров [9]. Особенно следует отметить целесообразность организации научных кабинетов, «впервые заполняющих пробел в оборудовании научных зданий, предназначенных для математических факультетов». Рабочие кабинеты, созданные в Саратовском университете для математиков, были к тому времени введены в практику всех основных математических центров Западной Европы и Америки. Основными направлениями научно-исследовательской работы универси-

тета в области математики были: разработка алгебраической теории и создание учебников для средней школы.

В целом к 1940 году по научно-исследовательской работе саратовского университета можно констатировать, что все кафедры вуза вели научную работу, связанную с народнохозяйственными задачами края. Во-первых, университет проводил разработку вопросов проекта «Большая Волга», в эту деятельность были включены большинство кафедр (биологии, почвоведения, физики, геологии и др.); кафедрой химии проводилась работа, связанная с химизацией края (использование сланцев, газов, минеральных удобрений, соляных озёр, руд, грунтовых вод и т.д.). В отчёте университета о научной работе особо отмечалась кафедра педагогики: она проводила исследования в области организации учебного процесса на базе высшего университетского образования [10].

Именно в 1930-е годы в Нижнем Поволжье были заложены основы систематического исследования археологических памятников. В этой связи следует упомянуть имя Павла Сергеевича Рыкова – одного из крупных учёных-археологов Поволжья, преподававших в СГУ. Благодаря его инициативе был разработан подробный план археологического изучения Нижнего Поволжья, особенно Саратовского края. Несомненно, весомым вкладом профессора Рыкова в воссоздание объективной картины исторического прошлого Поволжья являлись серьёзные и планомерные исследования крупных могильных курганов (Покровского – эпохи бронзы, Суловского – раннекочевнического, Армиёвского – древнемордовского). П. С. Рыкову принадлежит более 70 опубликованных работ по вопросам древней археологии и средневековых памятников на территории Нижнего Поволжья и Калмыкии [11].

С того момента, как ректором СГУ стал Г. К. Хворостин (1935–36 годы), дали своё согласие на преподавание в университете и крупнейшие саратовские учёные, работавшие в НИИ сельского хозяйства Юго-Востока СССР: академики Н. М. Тулайков, Г. К. Мейстер, Р. Э. Давид. В центре внимания соответствующих кафедр университета оказались вопросы наиболее актуальные для сельского хозяйства юго-востока страны, но серьёзных научных исследований в силу слабости этого направления в университетской системе, а также сильной конкуренции со стороны СХИ и Института зернового хозяйства почти не проводилось. Специфические условия рассматриваемого региона требовали особого изучения для эффективной работы сельского хозяйства. Одним из основоположников теории засушливого земледелия стал академик Николай Максимович Тулайков, являвшийся не только теоретиком агрономии, но и практиком, популяризатором и педагогом.

Академик Николай Максимович Тулайков является одним из наиболее выдающихся учёных не только Поволжья, но и всего СССР,

жизнь которых трагически оборвалась в 1937 году. Н. М. Тулайков известен как крупный специалист в разных областях агрономической науки, но многие годы результаты его трудов оставались неизвестными или неприемлемыми для научной общественности, критиковались как связанные исключительно с «вредной теорией преимущества мелкой вспашки» [12]. Всю жизнь учёный занимался вопросами засушливой зоны земледелия юго-востока СССР, проблемой борьбы с засухой. Для разрешения этих частных вопросов требовалась комплексная теория, разработанная им с учётом аграрной специфики Нижневолжского региона, куда входили вопросы качества и количества урожая, водного режима растений, транспирационных коэффициентов у растений в географическом разрезе, приемы агротехники для условий засушливого земледелия и вопросы ирригации.

Имя академика Тулайкова связано также с борьбой против паровой системы. На взгляд учёного практиковавшаяся по всему Союзу паровая система не применима к зоне засушливого земледелия, так как происходит постепенное выветривание и пересыхание плодородного слоя почвы, огромные площади земель пустуют, «при том, что страна так нуждалась в хлебе». Единственное, для чего пар в таком климате может использоваться, считал академик Тулайков, – борьба с сорняками, но всё же желательно бороться с ними при помощи других мер (химическими препаратами, например). В 1931–32 годах под руководством Н. М. Тулайкова Всесоюзным научно-исследовательским институтом зернового хозяйства была проведена работа по выявлению пахотнеспособных земель, которые могли быть использованы для распашки и расширения посевов. В Поволжье, на Урале, в Сибири и в Казахстане экспедициями площадь неосвоенной пашни была определена в размере более 55 миллионов гектаров. Впоследствии, при освоении целины, расчёты Тулайкова подтвердились, но в отношении первых лет урожайности реальность превзошла самые смелые ожидания учёного.

Опираясь на собственные исследования и опыт сельского хозяйства засушливых регионов, Н. М. Тулайков выступал против распространяемой травопольной системы земледелия академика В. Р. Вильямса как умозрительной, не опирающейся на экспериментальные данные, не могущей претендовать на универсальность [13]. В ходе своих исследований академик Тулайков пришёл к выводу, что В. Р. Вильямс переоценивал значение структуры почвы как фактора её плодородия и многолетних трав как повышающих урожайность пшеницы. Пласту из многолетних трав он противопоставлял возделывание пропашных растений как лучших предшественников для яровых (пропашной клин). Совершенно неприемлемой Тулайков считал травопольную систему для районов с малым количеством годовых осадков, то есть в типично засушливых районах, так как мно-

голетние травы дают здесь невысокие урожаи и невыгодны даже в качестве корма для скота.

Н. М. Тулайкова можно назвать основоположником концепции земледелия в засушливых зонах СССР (юго-восток), которая представляла собой тщательную теоретическую переработку и обобщение экспериментальных данных многолетних сельскохозяйственных опытов в Нижневолжском крае. Им был разработан целый ряд средств, которые должны были поднять продуктивность земледелия в Поволжье почти в три раза. В качестве наиболее важных средств повышения урожайности в зоне устойчивого засушливого земледелия он называл широкое внедрение пропашного клина, улучшение специальной обработки и приёмов возделывания яровых колосовых культур, расширение посевов озимых культур, изменение направления хозяйства в сторону широкого развития животноводства, организацию в больших размерах централизованного орошения полей. Н.М. Тулайков направлял внимание специалистов на региональные особенности и методы хозяйствования, накопление и широкое использование местного опыта. Эти идеи соответствовали не универсализации, а специализации и районированию хозяйства, что соответствовало основным научным задачам в области сельскохозяйственных исследований, поставленным перед наукой во втором и третьем пятилетии.

Нужно отметить высокий процент включения профессорско-преподавательского состава СХИ в научно-исследовательскую работу. По данным архивов и тематическим планам научно-исследовательских работ, в научной работе участвовали научные работники института не менее 70–80% от общего числа сотрудников, а к 1940 году из более чем 100 человек в исследовательскую деятельность института были вовлечены практически все преподаватели.

Результаты научных исследований НР университета печатались, в основном, в местных научных сборниках. С 1933 года СГУ возобновилось издание научных работ сотрудников университета, благодаря директору СГУ профессору Д. А. Рамзаеву. В 1930 году издание «Учёных записок СГУ» прекратилось по различным причинам. В университете оставались десятки неопубликованных работ в «большинстве теоретически ценных и практически полезных», а попытки некоторых научных работников печатать свои труды в других научно-исследовательских организациях привели к «маринированию этих работ издательствами» [14]. Выпущенный в 1934 году сборник научных работ университета содержал ценнейшие материалы, связанные с проблемой проекта «Большая Волга»: экономического характера, ботанической реализацией, физиологического, геологического и минералогического аспектов данной проблемы. Эти вопросы продолжали оставаться основными в научно-исследовательской работе кафедр уни-

верситета на протяжении 1930-х годов. К 1940 году университетом было выпущено девять сборников научных трудов сотрудников вуза.

В области сельскохозяйственной научной работы в Саратовском и Нижневолжском крае ведущее место занимал филиал АН – НИИ Зерновых культур. Основным направлением научно-исследовательской деятельности Саратовского сельскохозяйственного института на протяжении предвоенного десятилетия являлась разработка частных сельскохозяйственных вопросов, стоящих перед регионом. Конференция, проходившая в сельскохозяйственном институте в Саратове в период с 10 по 22 марта 1941 года, явилась своеобразным итогом развития научно-исследовательской работы в вузе за истекшее десятилетие. Основное внимание учёных концентрировалось в сфере реализации государственных приоритетов, ставших центральными в период второй и третьей пятилеток, и обслуживания сельскохозяйственных нужд края. Наиболее актуальными и широко разрабатываемыми были вопросы орошения сельскохозяйственных угодий. Научная разработка этого вопроса была особенно актуальна для сельского хозяйства Саратовского и Куйбышевского краёв, являвшихся зоной засушливого земледелия.

Среди научных исследований указанного направления можно отметить работу кафедры орошаемого земледелия. Большое значение имели исследования профессора Ф. Б. Нельсон-Скорнякова [15] по проблемам развития ирригации Средневолжского и Нижневолжского краёв на базе использования энергии существующих электростанций, что давало возможность в кратчайшие сроки приступить к орошению больших массивов земель путём устройства насосных станций на Волге с подачей воды в наливные водохранилища на реке Большой Иргиз, Малый Карамон и др. Работа водохранилищ, таким образом, позволила бы полностью аккумулировать и использовать сток местных рек и обеспечивать орошение новых земель в количестве не менее 100 тыс. гектаров. Другим направлением исследования проблем ирригации края было орошение дождеванием [16]. Применение этого опыта показало практическую возможность этого способа орошения в производственных условиях на юго-востоке, и в первую очередь, при орошении овощных культур, когда при размещении площадей под орошение дождеванием использовались поймы рек. В результате экспериментальных работ с 1935 по 1940 год, обработки и сопоставления данных доцентом А. И. Беловым была представлена на конференции работа по сооружению временной сети ирригационных систем [17]. Различные аспекты той же проблематики разрабатывали профессор С. А. Делиникайтис [18] (методы увеличения поливной карты ирригационных систем). Изучались особенности методов и системы орошения на разнообразных по рельефу и составу почвах. Благодаря научно-исследовательской работе в данном

направлении были получены обобщающие выводы по особенностям орошения на Нижней и Средней Волге и в Заволжье.

Комплексные исследования практического характера научными сотрудниками сельскохозяйственного института проводились в области дренажа почв, способов фильтрации, питания растений, животноводства. Особого внимания заслуживают работы А. А. Троицкого и Б. К. Ризенкампа [19] по чрезвычайно актуальным проблемам механизации и гидромеханизации хозяйства.

Не менее важное практическое народнохозяйственное значение имели работы в области специфики агрикультур и влагоёмкости почвы профессора Г. А. Маландина [20] (основная разработка данной тематики началась уже в 1940-х годах); в области борьбы с заболеваниями зерновых культур («чёрный рак») кафедр фитопатологии и физиологии растений под руководством профессора В. К. Лёвошина [21], положившие начало комплексному изучению болезней растений и методов борьбы с ними.

Несмотря на такой широкий круг вопросов, имевших, в том числе и практическое значение для развития сельского хозяйства края, финансирование научно-исследовательской работы вуза было минимальным, хотя эти же вузы официально причисляли к научным единицам, активно ведущим исследования [22].

С проблематикой работ СХИ во многом соприкасалась научная работа саратовского Зооветинститута. Полномасштабная научно-исследовательская работа этого вуза начинается с 1936 года [23]. Основная тематика в течение всего изучаемого периода концентрировалась вокруг решения практических задач сельскохозяйственного характера и животноводства. Наиболее разрабатываемые темы были исследования, определяемые как основным профилем института, так и смежными проблемами. Наиболее актуальным было признано исследование возможности производства советского креолина. В рамках краевого эксперимента исследовалась профилактика пироплазмоза: проблема решалась на основе проведения долгосрочного эксперимента по сплошной очистке девяти районов Саратовской области; учёными исследовались проблемы инфекционной анемии, бластоминоза. В сфере сельскохозяйственной тематики совместно с Институтом зерновых культур и СХИ вуз занимался проблемой использования дикорастущих трав. В числе работников Зооветинститута имелись крупнейшие специалисты в области агрономии и животноводства: профессор Похваленский (зоофармакология), Бегучев (кормодобывание), Лосев (паразитология), Добросмыслов (зоогигиена). Особенностью научно-исследовательской работы Зооветинститута было то, что вся она проводилась на основе специальных заказов от сельскохозяйственных органов края и результаты её были практически полностью внедрены в сельскохозяйственное производство.

Практической значимостью и результативностью отличалась научная работа кафедр и сотрудников Саратовского медицинского института. Но до 1936 года, как и в большинстве вузов, контроль над ней отсутствовал [24]. Так, в отчёте о научно-исследовательской деятельности вуза за 1935 год отмечалось, что сотрудниками института было выполнено 246 научных работ [25], но тематика и более подробные комментарии отсутствуют. Так же отмечалось, что для выработки более оптимальных путей исследований и проблематики исследовательских тем научными работниками мединститута ежегодно проводились научные сессии по актуальным вопросам медицины и здравоохранения. В 1936 году к выполнению было запланировано уже 296 научно-исследовательских тем. Но, несмотря на такую обширную проблематику, можно констатировать, что по плановым показателям на 1937 год работа была выполнена на 26,5 % (по плановым темам) и на 58 % к общему числу запланированных научных работ, включая внеплановые темы. Обращает на себя внимание тот факт, что число внеплановых научных тем в мединституте в годы третьей пятилетки быстро увеличивалось, хотя их разработка не финансировалась из средств государственного бюджета. Так, их количество в 1937 году составило 31,5 % по отношению к общему плану против 10 % в 1936 году. Основным недостатком можно назвать тот, что ни качество, ни актуальность тематики не учитывались и не контролировались. Возможно, это обусловлено тем, что проблематика носила прикладной и узкоспециальный характер решения задач здравоохранения в краевых рамках.

По плану научно-исследовательской работы на 1937 год было намечено для разработки 344 темы, но широко он не обсуждался даже в совете института. Тематика страдала многопроблемностью, а на некоторых кафедрах и малоактуальностью. Так, кафедры химии, физики, философии разрабатывали темы, совершенно не связанные с профилем вуза, а основные терапевтические кафедры не имели почти ни одной темы (из 43 намеченных по плану), посвящённой вопросам лечения [26].

1939 и 1940 годы характеризовались некоторым упорядочением научно-исследовательской работы института. ППС была закончена 131 плановая работа и 28 исследовательских работ вне плана. На 1940 год было перенесено выполнение 106 научно-исследовательских работ, что было вызвано несколькими причинами: некоторые авторы были призваны на работу в госпитали, для выполнения других работ не было возможности приобрести требуемые реактивы и аппаратуру. К началу 1940 года все 43 кафедры мединститута имели разработанные и одобренные планы научно-исследовательских работ. В общий план были включены 355 тем (из них только 36 докторских и 91 кандидатская диссертация). Повысилась актуальность разрабатываемых проблем. Сотрудниками вуза исследовались проблемы влияния тока

на организм, лечения различных ранений, обезболивания, стерилизации Кетгута, бактериофага, периферического кровообращения, частные вопросы хирургии, лечения наиболее распространённых заболеваний (туберкулёз и другие лёгочные заболевания, чешуйчатый лишай), проблема детской смертности. Большое значение имели исследования по диагностике заболеваний, в области рентгенологии. В научных работах кафедры нормальной анатомии человека изучались вопросы пластической хирургии. К 1940 году тематика расширилась за счёт увеличения количества исследований по оборонной проблематике, связанной с химическим оружием, средствами индивидуальной защиты.

Но популяризация в печати достижений мединститута была практически невозможна из-за отсутствия серьёзного научного сборника трудов, так как с 1935 по 1938 год научные труды института не печатались, что лишало молодых работников возможности иметь печатные работы, требуемые для достижения определённого квалификационного уровня. В целом, научно-исследовательская работа Саратовского медицинского института, несмотря на солидную теоретическую базу в лице профессорско-преподавательского персонала, в основном велась не при кафедрах, а при клиниках, что в свою очередь обуславливало, вкуче с директивными указаниями Наркомздрава, ориентированность на решение узких прикладных задач в области здравоохранения, оставляя в стороне разработку теории медицины.

К числу актуальных научных работ, которые велись в других крупных высших учебных заведениях Саратова (педагогическом, юридическом финансово-экономическом институтах, институте советского строительства), относились, в основном исследования, связанные с подготовкой новых учебников для вузов для обеспечения высшей школы доброкачественными учебниками по основным дисциплинам. ВКВШ была поставлена задача «привлечь к составлению учебников лучшие народно-преподавательские кадры вузов и научных учреждений Союза в качестве авторов, рецензентов, редакторов». Лучшие учебники для вузов приравнивались к работам на соискание научной степени [27]. ВКВШ был установлен строгий контроль над изданием учебников (составлены тематические планы издания с указанием тиража). Научные работники провинциальных вузов выполняли роль рецензентов и сборщиков материала по узким частным проблемам. К 1940 году было издано 1436 новых учебников по различным дисциплинам, их общий тираж составил 20 миллионов экземпляров [28]. Всего в предвоенном 1940 году научные кадры вузов разработали 13,5 тысяч исследовательских тем [29].

В основном архивные материалы дают представление о научной работе данных институтов только после 1936 года, что обусловлено реализацией указа ЦК и СНК СССР «О высшей школе». До этого периода указания по ведению кафедрами вузов научно-

исследовательской работы имеются весьма неясные, в основном констатировалось неудовлетворительность выполнения этой работы или её отсутствие в силу разных причин. По различным данным в научно-исследовательской работе рассматриваемых нами вузов в изучаемый период участвовало от 30 % преподавателей (по данным за 1936–38 годы по юридическому институту) [30] и 40 % сотрудников (средние данные по годам второй пятилетки по институту советского строительства до его ликвидации) [31] до 70–80 % (СХИ). По педагогическому институту от 45% до 80% в годы второй и третьей пятилеток [32] (данные разнятся в зависимости от выбранного для анализа источника: максимальные цифры значатся в отчётах института, минимальные – в отчётах комиссий отдела школ и вузов обкома ВКП (б), проводивших регулярные обследования). Существенное различие в цифровых данных обусловлено тем обстоятельством, что обком и вузы включали в научный персонал, ведущий научную работу, различные категории научных работников. В данные комиссий обкомов, как правило, не включались лаборанты и препараторы, так как в указаниях Госплана в разные годы по разному подходили к вопросу об исследовательских кадрах, что вело к несогласованности в данных о количестве научных работников целом по стране.

Научно-исследовательская работа сотрудников Саратовского педагогического института объединяла довольно широкий круг вопросов. Так, преподавателями кафедр педагогики, психологии, дошкольной педагогики института разрабатывались для новых школьных учебников разноплановые вопросы: от «политического и культурного облика нового советского учащегося» до психологических проблем учащихся-дезорганизаторов школьного процесса и организации работы в начальной школе. С момента запрещения педологии и педологических методов исследования работы в области педагогики стали носить в большей мере теоретический характер, зачастую страдали оторванностью от реальных школьных проблем и особенностей школьного учебного процесса. Преподавателями кафедры литературы исследовались в основном темы, связанные с биографиями и творчеством отдельных представителей литературы XVIII–XX веков (Радищева, Пушкина, Шолохова) и тематика, связанная с курсами по литературе в разных классах средней школы, методическими рекомендациями для ведения занятий. Учёными кафедр и языкознания и иностранных языков к долгосрочной разработке были приняты темы, разрабатывающие на разных этапах становление речи человека, её эволюцию, историографические аспекты проблемы. Профессор Коглер на протяжении длительного времени занимался несколькими составляющими исследования египетских иероглифов (иератическое, демотическое письмо, коптский язык) [33], что достаточно редкое явление для провинциального вуза даже при более совершенных системах коммуникаций. Кафедры зоологии, химии и

геологии являлись наиболее приближенными к решению насущных для края практических задач: исследования по паразитологии на примере различных сельскохозяйственных животных и птиц, совершенствование крекинг-процесса, исследование продуктов химического разложения, образование и использование кислот и др. – вот круг исследований сотрудников кафедр на протяжении двух пятилеток.

Как и в СГУ, в Саратовском педагогическом институте очень сильной была математическая научная школа. В тематических планах научных работ вуза количество тем кафедры математики составляло в разные годы от 10 до 17 % от общего числа запланированных работ, что превышает количество разрабатываемых проблем на базовых педагогических кафедрах. Работы носили научно-теоретический характер: это были исследования аналитических функций, теории геометрических фигур и стереометрии, теории групп в абстрактной алгебре и теории функций и т. д.

Тематика научно-исследовательских работ Саратовского юридического института лежала в области разработки двух основных направлений: частные вопросы советского права и методика преподавания юридических дисциплин в вузах. По первому направлению можно констатировать значительные успехи, так как изучение правовых аспектов проходило в основном на практических примерах судебных органов в Саратовской области, что способствовало выявлению значительных несоответствий юридической практики советского периода с непосредственным состоянием правосознания граждан. Большое количество исследований посвящено вопросам уголовного права в различных аспектах, вопросам социалистического землепользования трудовой дисциплины, новой избирательной системе, бюджетному праву и новому советскому правовому статусу гражданина [34]. Научная работа преподавателей вуза постоянно совмещалась с юридической практикой, так как многие из них одновременно являлись представителями судебных органов. Научными работниками института с 1936 по 1940 год было выпущено 16 учебников и методических пособий для вузов по теории права, основам государственного строительства и марксизма-ленинизма, частным вопросам истории права, судебной экспертизы, методам юридической практики и т. д.

В отчёте Саратовского планового института о научно-исследовательской работе за 1937 год отмечается, что в течение 1936–37 годов исследовательская работа в вузе не проводилась (это во многом связано с тем, что в означенный период кадровый состав института сильно пострадал в ходе репрессий: отсеялось до 40 % состава [35]). Научно-исследовательская работа саратовского планового института в основе своей была актуальна, но производит впечатление разноплановой и слабо координируемой, а так же параллельной раз-

рабатываемым проблемам в других учебных заведениях. Поэтому с 1936 года происходило постепенное сокращение количества разрабатываемых тем за счёт закрытия тех направлений, которые находились в разработке в других вузах, что привело к сокращению финансовых вливаний в научно-исследовательскую работу института. Если в 1935/1936 годах ассигнования на неё составляли 50–70 тыс. рублей (что гораздо выше по сравнению с аналогичными показателями крупнейшего университета Саратова), то на 1938–39 годы они снизились до 18–20 тыс. рублей [36]. С 1937 года научная работа института во многом была связана с исследованиями и разработкой по поручению Госплана РСФСР ряда проблем третьего пятилетнего плана народнохозяйственного строительства [37]. В целом Саратовский плановый институт занимал исключительное положение в системе институтов Госплана: ни один из вузов Госплана РСФСР и СССР, кроме саратовского, не издавал сборников своих научных трудов, получивших признание и высокую оценку на общесоюзном уровне; ни один из институтов не имел прочно сложившегося коллектива научных кадров. Тематика научно-исследовательских работ в годы второй и третьей пятилеток была связана с экономическими вопросами сельского хозяйства и промышленности. В неё входили исследования по организации труда в совхозном и колхозном производстве, экономические методы повышения производительности труда, географического размещения сельскохозяйственных культур, проблемы и перспективы экономического развития отдельных областей и регионов. Некоторые научные исследования были посвящены актуальным вопросам планирования в районах, трестах, на производстве; балансового учёта в сельском хозяйстве и промышленности. К числу достоинств научной работы института, несомненно, следует отнести регулярное печатание трудов сотрудников института (только за полтора года – 1936–37 было выпущено шесть томов «Учёных записок» объёмом свыше 70 печатных листов) [38]. Большая часть профессорско-преподавательского состава вела научно-исследовательскую деятельность. Многие преподаватели заключали договоры с местными органами (Крайпланом), выполняя необходимые теоретические и прикладные разработки [39]. По общим подсчётам, начиная с 1936 года научными работниками института было разработано более 10 научных тем такого характера. Обратим внимание на данный факт: разработка научных проблем, имеющих большое народнохозяйственное значение, обычно изымалась из компетенции вузовской науки, особенно вузов не промышленного профиля, передавалась соответствующему НИИ. Так что работа Саратовского планового института и здесь являлась исключением. С другой стороны, это обстоятельство можно объяснить и отсутствием в крае НИИ соответствующей специализации.

Библиографический список

1. ЦДНИСО. Ф. 30. Оп.5. Д. 109. Л. 59–60
2. РГАЭ. Ф. 372. Оп. 31. Д. 2819. Л. 31.
3. РГАЭ. Ф. 372. Оп. 31. Д. 2819. Л.30.
4. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 3503. Л. 60.
5. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 2819. Л. 28.
6. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 2819. Л. 37.
7. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 2819. Л. 42.
8. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 2819. Л.71.
9. ЦДНИСО. Ф. 30. Оп. 5. Д. 199. Л. 108 (об.).
10. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 3503, Л. 44.
11. 14 апреля 1937 года П. С. Рыков был арестован органами НКВД как враг народа и помещён в Саратовскую тюрьму, позже расстрелян.
12. ГАУО. Ф. Р-4027. Оп. 1. Д. 32. Л. 9–24.
13. Сущность теории травопольной системы земледелия академика Р. В. Вильямса состоит в утверждении, что травы восстанавливают структуру почвы, и что это может быть так же достигнуто целесообразной обработкой почвы.
14. ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 169. Л. 1.
15. ГАСО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 5. Доклад Ф. Б. Нельсон-Скорнякова. Проблема орошения в Саратовской и Куйбышевской областях в связи с перспективой реконструкции реки Волги.
16. ГАСО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 12. С. П. Валовской. Организация орошения дождеванием в колхозе «Завет Ленина» Ворошиловского района и методика принятых исследований».
17. ГАСО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 8. А. И. Белов. Временная оросительная сеть ирригационных систем.
18. ГАСО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 9. С. А. Делиникайтис. Увеличение поливных карт; В. Г. Сыркин. Работа сельскохозяйственных машин в условиях постоянной и временной сети картовых оросителей.
19. ГАСО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 16. Ризенкамф Б. К.. Фильтрация через земляную плотину на непроницаемом основании; Троицкий А. А. Механизм поверхностного стока.
20. ГАСО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 (об.). Резолюция по докладу Маландина Г. А. Влияние поверхности раздела по А. Ф. Лебедеву на полевою влагоёмкость почвы.
21. ГАСО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 13. Легошин В. К. Биотические факторы культур Нижнего Поволжья.
22. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 2819. Л. 81.
23. ЦДНИСО. Ф. 30. Оп. 5. Д. 200. Л. 56.
24. ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1416. Л. 85.
25. ЦДНИСО. Ф. 30. Оп. 5. Д. 199. Л.136.
26. ГАСО. Ф. Р- 594. Оп. 3. Д. 22. Л. 1–2.
27. Высшая школа. Основные постановления, приказы, инструкции.– М.,1940. – С. 106–107.
28. Торшина Н. С. Государственное руководство высшей школой в годы первых пятилеток // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР. – М., 1979. – С. 67.
29. Алексеева О. И., Рисин И. Е., Эйтингон В. Н. Организация управления научными исследованиями в вузах. – Воронеж, 1981. – С. 8.
30. Подсчитано по данным: ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1419. Л.1.

31. ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1109. Л. 44.
32. Подсчитано по данным: ЦДНИСО. Ф. 30. Оп. 5. Д. 201. Л. 26–30; ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1701. Л. 99–104.
33. ЦДНИСО. Ф. 30. Оп. 5. Д. 201. Л. 27.
34. ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1871. Л. 70–76.
35. ЦДНИСО. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 43. Л. 6.
36. ЦДНИСО. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 43. Л. 7.
37. ЦДНИСО. Ф. 30. Оп. 5. Д. 202. Л. 36.
38. ЦДНИСО. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 43. Л. 7.
39. ЦДНИСО. Ф. 30. Оп. 5. Д. 202. Л. 35.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ В 1930 ГОДЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

О. В. Милаева, Е. С. Моисеева
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

Summary. In article it is told about the basic directions of scientific researches in Srendevolzhsky edge in 1930th years. Development of scientific researches in the field of agriculture, pedagogics, physicists, economy, medicine, philology is considered. The general level of development of a science in edge is analyzed.

Key words: scientific potential highly skilled specialists, Higher school modernization, history of the Soviet science, scientific researches.

Старейшим вузом Среднего Поволжья являлся Самарский сельскохозяйственный институт. Исследования учёных вуза касались широкого круга актуальных вопросов в различных областях народнохозяйственных проблем, которые соответствовали поставленным государственным задачам и реализовывались в ходе внедрения новейших достижений в различные его области. Основной базой для ведения научно-исследовательской работы являлась организованная при институте государственная селекционная станция, а так же расширенный агротехнический опорный пункт. Для разработки важных проблем механизации, поставленных в плане хозяйственного строительства на государственном уровне, у соответствующих кафедр института не имелось базы. Вуз не имел даже в 1933 году разработанного сводного плана научно-исследовательской работы и, соответственно, ассигнований на её ведение. Но в качестве позитивного момента можно отметить высокий исследовательский кадровый потенциал (14 профессоров, 16 доцентов и ассистентов), причём 95 % ППС находились в институте на основной работе [1].

Научно-исследовательская работа в Самарском педагогическом институте с 1932 по 1934 год проводилась под контролем учебного сектора, так как научно-исследовательский не был выделен в особый сектор. Всего для разработки в эти годы различными кафедрами ин-

ститута было взято около 40 коллективных и индивидуальных научных тем [2]. Наиболее активно работали кафедры педагогики, педологии, физики и физиологии. Учёными разрабатывались проблемы школьной педагогики и методики преподавания различных предметов, усвоения учащимися основ школьных знаний, теорию школьного коллектива, влияния различных форм занятий на восприятие школьниками изучаемого материала, а так же обучения в национальных школах (мордва, чуваш).

Тематика научно-исследовательских работ в 1934/35 учебном году включала 69 тем, но в связи со значительным изменением в численности ППС (по разным причинам из института выбыло до трети состава), количество тем было сокращено до 56. К 1936 году из них выполнено только 14, остальные включены в план исследовательской работы на 1936 год [3]. В 1938 году научная работа пединститута характеризовалась следующими показателями. Было издано два сборника научных трудов сотрудников вуза, получивших удовлетворительные отзывы ряда крупных специалистов центральных высших учебных заведений и АН СССР [4]. Из запланированных на 1938 год 54 научных тем в предписанный срок была выполнена 41 работа. В 1939 году институт подготовил к печати четыре сборника научных работ, три сборника переданы в печать, были организованы пять научных конференций, предпринята долгосрочная первая диалектологическая экспедиция в районы Куйбышевской области, где учёные вуза работали в тесном контакте с институтом языка и мышления АН СССР. На 1939 год институтом были запланированы к выполнению 93 темы научно-исследовательского характера, но план был выполнен только на 47 %, а по отдельным кафедрам (физики, всеобщей истории, марксизма-ленинизма), процент невыполнения плана достигал 75 %.

В отчёте института о научно-исследовательской работе за 1940 год констатировался большой процент вовлечения научных работников в исследовательскую работу и повышение своей квалификации через сдачу кандидатских экзаменов. Причём отмечалось, что основные сдвиги в научно-исследовательском деле произошли с 1936 года. Если в 1939 году 68 % научных кадров занимались научной работой, то в 1940 их число возросло до 75 % (исключение составляли работники военной кафедры и кафедры физической культуры). Общее количество научно-исследовательских тем на 1940 год было запланировано в числе 90 (52 темы со сроком окончания в том же году, но выполнено только 43) [5]. Наибольшую научную ценность представляли работы кафедр русского языка и литературы, математики, биологии, педагогики. Дирекцией отмечался постоянно повышающийся процент работ, выполняемых сверх плана (более 10 работ). Причинами, из-за которых 40 из 113 штатных научных сотрудников не проводили плановой научной работы, назывались следующие:

призыв в армию, по состоянию здоровья, вследствие большой педагогической загрузки, подготовки к сдаче кандидатского минимума, отсутствие опыта для ведения научных исследований (шесть преподавателей с кафедры иностранных языков).

В 1940 году институт издал четыре сборника своих научных трудов по различным кафедрам (педагогике, факультета русского языка и литературы, физико-математического и сборник практического опыта лучших учителей города). Научными работниками вуза были предприняты несколько научных экспедиций: в июле 1940 года кафедрой языкознания проведены вторая экспедиция по сбору материалов для составления диалектологического атласа под руководством профессора В. А. Малаховского. Кроме указанной, были организованы экспедиции научных работников в составе малых групп. В результате исследований экспедиций были изучены говоры Ново-Девиченского, Ставропольского, Шигонского, Молотовского, Мелекесского районов. По результатам исследования был составлен первый в СССР диалектологический атлас [6] Средневолжского края.

В Куйбышевском педагогическом институте в 1930-х годах были созданы сильные научные школы диалектологии и изучения современного русского языка, заложены основные направления и методология исследований, которые различными учёными продолжают до сего времени в различных регионах. В Куйбышевском педагогическом институте работал один из известнейших учёных-лингвистов, доктор филологических наук, член-корреспондент Академии педагогических наук Александр Николаевич Гвоздев (стал доцентом института в 1938 году). Его лингвистическое наследие охватывает обширный круг различных направлений, в том числе масштабное изучение пензенских говоров на материалах 400 населённых пунктов и составление первого в стране регионального диалектического атласа. Им же было начато всесторонне изучение детской речи, и труды учёного в этой области были признаны классическими. А. Н. Гвоздев разрабатывал вопросы мономорфологии (без использования данного термина) [7]. Ему принадлежат научные труды по теории орфографии, фундаментальные, концептуально целостные вузовские учебники и учебные пособия по современному русскому языку, один из первых обобщающих трудов по лингвостилистике. Для специалистов являются актуальными работы А. Н. Гвоздева по экспериментальному изучению усвоения орфографии. Именно эта проблематика в работе учёного превалирует в конце 1920-х–1930-х годах. Проводился массовый эксперимент на материалах школ Пензы и Куйбышева по изучению закономерностей процесса усвоения орфографии, причём он строился на параллельном исследовании и физиологических и психологических особенностей детской речи. Учёным детально проанализированы факторы, влияющие на усвоение орфографии на различных этапах школьного обучения. По сово-

купности и научной значимости работ А. Н. Гвоздеву в 1938 году была присвоена учёная степень кандидата филологических наук и учёное звание доцента [8].

С 1929 года в институте преподавал и вёл обширную научную деятельность профессор Всеволод Антонович Малаховский. Его можно назвать основоположником куйбышевской научной школы методики преподавания русского языка. Его перу принадлежат более 100 работ по вопросам языкознания, истории русского литературного языка и особенностей методики русского языка [9]. В центре внимания учёного как методиста с начала его деятельности определились следующие основные аспекты изысканий: научная грамматика и методика её преподавания; самостоятельная исследовательская работа учащихся в процессе изучения языка; соотношение научной грамматики и живой речи; место стилистики в обучении языку. Эти направления развивались в процессе научной деятельности учёного и его учеников; впоследствии одни из них приобретали форму целостных концепций, другие отвергались или пересматривались. Впервые его идеи обрели научную популярность в период реорганизации советской средней и высшей школы, особенно актуальна в наши дни поставленная профессором Малаховским задача комплексного и системного изучения предмета, теснейшим образом сопрягающегося с действительностью, и овладения самим учителем научными методами преподавания. Учёный проводил эксперименты в школах Куйбышева и Куйбышевской области по особенностям правильного литературного произношения школьниками слов. Написанная им работа «Орфоэпия в средней школе» представляет собой теоретическую справку о нормах литературного произношения и его истории, предлагает ряд методических приёмов обучения русскому языку, основанных на конкретном анализе особенностей местных говоров [10].

С Куйбышевским педагогическим институтом с 1935 года связана преподавательская и научная деятельность ещё одного известного учёного-литературоведа – доктора филологических наук Виктора Алексеевича Бочкарёва (в 1937 он получил степень кандидата наук и звание доцента). Бочкарёв, обучаясь в Саратове, перенял традиции саратовской научной филологической школы, возглавляемой профессором А. П. Скафтымовым. В годы работы в саратовском пединституте (1932–1935 годы) участвовал в кампании по ликвидации безграмотности, в создании пособий для школ по литературе. С 1935 года читал самостоятельные доцентские курсы по истории русской литературы XVIII–XIX веков, критики, руководил семинарами уже в Куйбышевском педагогическом институте. В своих научных трудах он уже в это время выступает как учёный с широкими исследовательскими интересами, стилем в традициях академической школы отечественного литературоведения. Научные интересы В. А. Бочкарёва затрагивали мало исследованные пласты русской литературы. Его дис-

сертификатное исследование являлось, по сути, первой основательной научной монографией о Н. П. Огарёве. «Огарёвская» линия получила продолжение в работах аспирантов профессора Бочкарёва. Изучение русской драматургии, её истории, поэтики, традиций и новаторства было главным направлением научной деятельности учёного, который является основателем этого направления на кафедре русской и зарубежной литературы Куйбышевского педагогического института. В. А. Бочкарёв был автором многочисленных статей и фундаментальных исследований, создателем научной школы изучения русской драматургии и литературной критики, которая развивается и поддерживается студентами и аспирантами до сего времени. Исследования В. А. Бочкарёва посвящены не только теоретическим разработкам проблем истории и литературоведения, но и анализу взглядов на русскую драму ряда представителей критической мысли и драматургии XVIII–XIX веков: А. И. Герцена, А. И. Островского, И. С. Тургенева, Д. И. Писарева, Н. А. Некрасова. Этот материал завершает подробное описание становления и эволюции теории драмы в России, созданное В.А. Бочкарёвым в его трудах. Профессор В. А. Бочкарёв является так же основоположником научных исследований кафедры русской и зарубежной литературы Куйбышевского педагогического института, касавшихся изучения русской поэзии. Именно на протяжении второй половины 1930-х годов учёный в рамках собственного диссертационного исследования и ряда статей в местной печати рассматривает поэтическое творчество Огарёва в философско-художественном ключе. Разумеется, основное развитие научной деятельности В. А. Бочкарёва происходило в последующие годы, но начала собственного научного видения и круг исследований были определены уже в 1930-е годы.

В первые пять лет своего существования, то есть до 1936 года, Куйбышевский плановый институт не вёл разработку проблем научно-исследовательского характера [11]. План научно-исследовательской работы на 1935/36 год основным требованиям не отвечал: из 27 запланированных тем не более десяти имели практическую или теоретическую ценность, остальные носили сугубо абстрактный характер. В 1936 году вышел первый сборник научных трудов института, имеющий научную ценность. Учёными института начинают разрабатываться исследовательские проблемы, ставшие основными на конец второй и начало третьей пятилеток. Экономические проблемы использования серных месторождений Поволжья (битумов), что позволяло использовать продукты переработки нефти и во многом разрешало промышленную задачу использования продуктов отхода наиболее экономичным способом. Профессор А. А. Свешников [12] продолжал исследования битуминозных веществ Поволжья, Заволжья и Южного Урала, проводимых академиком Архангельским. Профессор Свешников впервые подтвердил правильность теории профессора

Уклонского о происхождении серы, придя к выводу о нефтяной природе битумов. Результатом исследования учёного явилась постановка вопроса о разведке нефтяных месторождений в осернённых районах Поволжья. Немалая практическая значимость этих исследований состояла и в дальнейшей разработке получения веществ методом фракционного разделения. С той же практической точки зрения интересен и предлагаемый А. А. Свешниковым новый метод автоклавной обработки руд, а не флотационных концентратов, как ранее.

Не менее актуальным, но уже для сельского хозяйства, являлось изучение соответствующими кафедрами планового института проблем МТС, перевода тракторного парка с лёгкого вида топлива на более тяжёлое, новых, более экономичных типов двигателей. Для двигателей тракторов перевод на тяжёлое топливо был особенно важен в связи с тем, что тогда они работали на лигроине, являющемся дорогим и дефицитным топливом, даже по сравнению с керосином. Для промышленности Поволжья перевод тракторов на керосин давал возможность, по подсчётам учёных, в несколько раз снизить себестоимость производимых тракторов, а следовательно, увеличить машинный парк МТС в отдельно взятых сельскохозяйственных единицах. В 1935 году данная работа была премирована как представляющая научную ценность и имеющая практическое значение для сельскохозяйственного производства на всесоюзном конкурсе, организованным всесоюзным советом научных инженерно-технических обществ.

В отношении научно-теоретических работ выделяются исследования кафедры статистики и учёта. Можно утверждать, что именно в 1930-е годы в Куйбышеве сложилась научная экономическая школа по разработке проблем статистического анализа, поддерживавшаяся и развивавшаяся крупными учёными. Профессором кафедры статистики Куйбышевского планово-экономического института в 1936/1937 годах [13] был один из виднейших представителей русской экономической мысли – Григорий Иванович Баскин. В первой половине 1930-х годов самостоятельная советская экономическая высшая школа по существу только формировалась. Г. И. Баскин являлся автором ряда методологических и социально-экономических трудов, которые не утратили своей актуальности и по сей день, представляющих в своей основе синтезированную модель аграрной эволюции кондратьевской и чаяновской экономических школ. Основные его труды (в шести выпусках) были изданы в Самаре в 1925 году, но после первого ареста изъяты. В результате своих многолетних исследований учёный создал расширенную социально-классовую структуру типов крестьянских хозяйств. Г. И. Баскин внёс большой вклад в методологию статистики, впервые разработал и применил новый метод группировки статистического материала – дистанционный. В основу им было положено признание организующего влияния рынка, но-

вый метод позволил выявить влияние пространственного фактора на все стороны крестьянского хозяйства – севообороты, товарность, ренту. Нельзя не отметить вклад профессора Баскина в усовершенствование комбинационных таблиц, имеющих значение для статистического исследования. Баскиным была создана оригинальная методика количественного определения земельной ренты и ставок рентного обложения. Актуальным является исследование Баскина по определению оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий, так как в настоящий период идёт процесс формирования новых форм хозяйствования на селе [14]. Не менее самостоятельными и представляющими научную ценность, можно считать исследования первого в институте кандидата экономических наук, заведующего кафедрой статистики Константина Александровича Фавстова. Он, если не в идейном отношении, то по направлению исследований, продолжил работу профессора Г. И. Баскина. Несомненно актуальными в эпоху модернизационных сдвигов в обществе, были его исследования в области проблемы статистических группировок и таблиц.

Вместе с тем при анализе планов научно-исследовательских работ Куйбышевского планового института и процентов их выполнения, следует отметить, что плановая и результативная научная работа в вузе началась только после 1938 года, то есть данный институт позже всех исследуемых включился в разработку актуальных исследовательских задач. С 1939 года особым направлением деятельности учёных планового института в соответствии с указаниями Госплана стало составление учебников и учебных пособий. Этими вопросами занимались шесть кафедр (бухгалтерского учёта, техники сельского хозяйства, основ технологии, экономики и планирования сельского хозяйства, народнохозяйственного планирования, математики). Названные кафедры разрабатывали сугубо частные теоретические вопросы, которые впоследствии были объединены в комплексное исследование и составной частью вошли в общегосударственные учебные программы [15]. Были разработаны учебники для экономических вузов по энергетике, истории социалистического планирования, анализу деятельности сельскохозяйственных предприятий и др. [16].

С 1940 года тематика научно-исследовательских работ планового института расширилась. К выполнению были запланированы 24 темы научно-исследовательского характера (для сравнения: в 1936 году в план было включено 32 темы) [17]. Помимо тем экономического направления в план вошли две темы философского характера («Марксистская критика теории познания И. Канта» и «Материализм в философских учениях Нового времени»); темы исторические («Запорожье в период Сечи», «Борьба партии против отзовистов», «Реформа 1861 года»); ряд тем, связанных с обоснованием практики социалистического строительства в сельском хозяйстве и промышленности. Анализ тематики научно-исследовательских работ плано-

вого института на 1940 год показывает довольно широкий охват различных теоретических и учебно-методических проблем. Но сравнительно слабо были представлены вопросы собственно планирования – всего одна работа, что для планового вуза совершенно недостаточно [18]. В целом к концу изучаемого периода Куйбышевский плановый институт окончательно определил профиль и направление своих работ научно-исследовательского характера. Однако проблематика по сравнению с периодом первой пятилетки стала более узкой, институт перешёл на положение вуза, занимающегося прикладными разработками теоретических вопросов в рамках частных проблем. Выход на более высокий уровень исследований, связанных с разрешением актуальных для края вопросов хозяйственного строительства, ему был закрыт, что влекло за собой малые ассигнования на научно-исследовательскую работу и консервирование потенциальных возможностей научного персонала на внутривузовском уровне.

Куйбышевский медицинский институт включился в научно-исследовательскую работу с 1934 года. Научная конференция медицинских работников, проходившая в 1933 году в Самаре [19], поставила перед учёными ряд практических и теоретических задач для дальнейшей плановой разработки. Эта проблематика определила научную деятельность сотрудников Куйбышевского медицинского института на годы второй пятилетки. Разрабатывалась проблематика, касающаяся диагностики и улучшения социально-бытовой гигиены, вопросов общественного питания, особенно рационального питания матерей, детей и подростков. К научной разработке предлагались вопросы лечения пищевых отравлений и борьбы с ними, эпидемиологическое состояние Самары и борьба с брюшным тифом; трахома в Средневолжском крае; слепота по средней Волге; сифилис на Средней Волге и борьба с ним; паразитарные болезни; использование сельскохозяйственных отходов пищевой промышленности края для питания людей (!), что, разумеется, делало актуальной тематику борьбы с пищевыми отравлениями.

Не менее важными были разработки по проблемам охраны детства и материнства, проходившие в срезе выработки эффективных методик физического воспитания детей, а также охраны матерей (опыт раннего вставания женщин после родов, методики борьбы с абортризмом и т. п.).

Научному исследованию должны были подвергнуться проблемы санитарно-демографического состояния Средневолжского края и внутренних заболеваний, связанных с производством. Всего к разработке предлагалось около 30 тем подобного характера, среди них: причины травматизма в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства, проблема влияния физического труда на здоровье женщины, проблемы иммунизации работников против различных заболеваний. 10 тем в планах научно-исследовательской работы

медицинского института касались вопросов рационализации сети лечебных заведений Средневолжского края и реконструкции медико-санитарного дела на основе применения новейших достижений медицинской техники: изобретательство, организация вновь и совершенствование существующего производства медицинской аппаратуры, инструментария, лекарственных и химических продуктов.

К 1935 году в выполнение научно-исследовательской работы включились практически все кафедры. К разработке было намечено 143 темы, причём проблематика носила самый актуальный характер: 51 тему объединили в комплексное исследование «Борьба с эпидемическими и социальными болезнями Средневолжского края», 20 тем носили краеведческий характер по частным случаям заболеваний, 53 проблемы касались улучшения качества лечебного дела, и остальные исследования были лабораторно-экспериментальные по разработке той или иной теоретической проблемы или методики. Как видим, проблематика научно-исследовательских работ Куйбышевского медицинского вуза отличалась практическим уклоном и утилитарным подходом к её ведению. Планы научно-исследовательских работ теперь плотно увязывались на низовом уровне между отдельными кафедрами, затем согласовывалась вся тематика научных работ, проводимых институтом; на внешнем уровне вся исследовательская деятельность вуза увязывалась с соответствующими учреждениями [20]. Мы так подробно остановились на аспекте согласованности научно-исследовательской работы учебного учреждения внутри него самого и на включённости этой тематики как органической составляющей в план ведения научно-исследовательской работы потому, что Куйбышевский медицинский институт, единственный из всех нами рассматриваемых, принял эту модель и полностью её осуществил.

Актуальные исследовательские проблемы, разрабатываемые сотрудниками института в последующие годы, можно объединить в четыре основных направления. Первое – это водные ресурсы края, изучаемые комплексно кафедрами биологии, физиологии, физики. Названная тема предусматривала изучение перспектив рыбохозяйственного (промыслового) и лечебного использования их в связи с проектом «Большая Волга»; отдельно исследовалась проблема радиоактивности источников края. Второе – улучшение организации здравоохранения в крае: сеть заведений и санитарно-эпидемиологические и гигиенические показатели. Третье – проблема использования местного сырья во врачебной и лабораторной практике, что не теряет своей актуальности и теперь. Проблема предусматривала решение ряда частных вопросов: исследование флоры Куйбышевского края с точки зрения лекарственных растений; изучение сред, образующихся в организме при их применении, реакция отдельных органов и т. д. Четвёртое – подробное изучение и снижение заболеваемости в Куй-

бышевском крае: наиболее актуальная тематика – малярия и поражения сердечно-сосудистой системы [21].

С 1937–1938 годов одним из основных научных направлений института стало изучение онкологических заболеваний. К теоретическим долгосрочным исследованиям относились работы кафедры физиологии. Особо актуальна была разработка проблемы взаимоотношения нервных и гуморальных факторов дыхания (преимущественно разрабатывалась профессором М. В. Сергиевским). В рамках данной тематики изучались вопросы влияния различных органов на дыхательные процессы, химических препаратов при введении внутрь, особенности работы сердечно-сосудистой системы при разных методиках дыхания, изучение состояния окислительных процессов в организме при разных условиях и пр. К теоретическим разработкам относились вопросы химии белковых тел и проблема обезболивания родов, методологии лечения аллергических заболеваний (разработанные методы были внедрены для массового использования в клиниках края).

Важными и интересными в практическом отношении были совместные исследования теоретических кафедр патологической и нормальной физиологии и клиника кожно-венерических заболеваний при институте по вопросам экспериментального сифилиса, проводимые в течение ряда лет под руководством профессора А. С. Зенина. Вопросы диагностики и терапии злокачественных новообразований, пневмонии, малярии и невромалярии, зоба, новых методов лечения хирургических заболеваний разрабатывались клиниками и теоретическими кафедрами совместно. В 1930-е годы профессор А. И. Германов, с 1935 года преподававший в Куйбышевском медицинском институте, заложил основы формирования научной терапевтической школы в Куйбышеве. Несомненно актуальными были исследования в области гнойной хирургии, которые проводились Куйбышевским вузом, практически единственным по РСФСР. В этой области особой известностью пользовался профессор, доктор медицинских наук Антон Григорьевич Бржозовский – хирург, учёный и педагог, заведовавший кафедрой факультетской хирургии Куйбышевского медицинского института с 1938 по 1959 год. Профессор А. Г. Бржозовский занимался абдоинальной хирургией, травматологией, нейрохирургией, хирургией щитовидной железы, урологией. Он является автором оригинальных хирургических методик, принесших ему мировую известность.

Рядом учёных уделялось особое внимание исследованиям лечебных факторов Куйбышевской области: курортов, климатических станций, целебных источников для оказания курортно-санаторной помощи населению [22]. Особо следует отметить работу в этой области доцента В. А. Климовицкого, занимавшегося изучением озера Белого и давшего ценные выводы на основе своих экспериментальных наблюдений, выделившего значение связи эффективных температур

с солнечной иррадиацией. А также Н. Е. Кавецкого, разрабатывавшего проблемы лечения сердечно-сосудистых заболеваний при помощи сероводородных ванн. Не менее интересными были исследования профессора Борю, работавшего по вопросам бактериологии и выбора оптимальных сред для лечения организма. В этом же направлении проводились разработки вопросов экспериментального бактериофага, исследование водных ресурсов и использование бактериофага при лечении и профилактике инфекционных заболеваний. Роль исследований в данном направлении была особо актуальна вследствие поставленных задач борьбы с массовыми инфекционными заболеваниями, принимавшими в крае эпидемиологический характер (брюшной тиф и дизентерия).

Кафедры Куйбышевского медицинского института, как и большинства медицинских вузов в рассматриваемый период, занимались также разработкой оборонной тематики, особое внимание уделялось вопросам госпитальной хирургии и ранолечения. «События показывают, как неуклонно близится новая империалистическая бойня, а вместе с тем и час столкновения двух существующих в мире противоположных систем, час, когда перед каждым гражданином Советской страны встанет задача обороны...своей социалистической родины» [23].

В целом научными работниками Куйбышевского медицинского института за годы второй и третьей пятилеток были разработаны более 400 тем [24] научно-исследовательского характера по различным актуальным вопросам здравоохранения, терапии, лечения заболеваний как в краевом масштабе, так и общетеоретических медицинских проблем.

Основная научно-исследовательская работа Ульяновского педагогического института касалась разработки теоретических аспектов дошкольной педагогики и филологических изысканий. До 1935 года над научно-исследовательской проблематикой в институте работали только две кафедры: ботаники и химии. На других кафедрах была поставлена задача изучения и проверки новых методов преподавания и организации учебного процесса. Основным вопросом было изучение политехнизации школы. Под руководством краевого отдела культурной пропаганды и КрайОНО был организован авторский коллектив по пересмотру и оценке имеющихся учебников и созданию новых, отвечающих программно-методическим требованиям советской школы. Особое внимание уделялось разработке методики проведения производственной практики. Вместе с тем на заседании Средневолжского крайкома по вопросу научно-исследовательской работы вуза отмечалось, что данная работа по своей тематике не увязана с вопросами производственной практики, даже не согласована между отдельными кафедрами [25]. С 1932 по 1935 год научно-исследовательская работа в институте, судя по документам, не получила планомерного развития из-за отсутствия хорошей материаль-

ной базы и не сложившегося сильного коллектива научных работников. Разумеется, в большей степени это относилось к коллективной работе. С 1935 года в вузе постепенно определились основные научные направления и кафедры приступили к созданию тематических планов коллективной и индивидуальной научно-исследовательской работы. Основная индивидуальная исследовательская работа сводилась к написанию и оформлению диссертаций, их защите, сдаче кандидатских экзаменов.

Коллективная работа института была особенно продуктивна по программно-методическим вопросам (кафедры педагогики и психологии). На протяжении предвоенного десятилетия исследовались проблемы подготовки детей к школьному образованию, специальные курсы по педагогике, психологии и педологии; благодаря активной работе учёных в Ульяновске сложилась сильная педологическая научная школа. Особый интерес представляет разработка вопросов правильной постановки обучения в советской политехнической школе, школьной психопрофилактики, гарантирующей воспитание «нервно здорового поколения». Если педология занималась общими проблемами комплексного развития ребёнка, то новые исследования в педагогике Ульяновского педвуза были сконцентрированы на разработке практических специальных рекомендаций для педагогов-практиков. Специалисты института полномасштабно изучали проблемы психологии ошибок учеников, включая вопросы аритмистении, легастении, графастении как завершающих общую тему психологии школьной ошибки. Кафедры работали с привлечением широкого педагогического актива города, результаты исследований апробировались в школах Ульяновска. Научные работники активно занимались проблемами развития детей со слаборазвитым интеллектом (олигофрены, дебилы, имбецилы). Ими проводились постоянные консультации по данным вопросам, устраивались специальные конференции, семинары, читались публичные доклады и лекции; первоначальная апробация результатов исследований проходила в организованном кружке педагогов вспомогательной школы и вспомогательных групп города Ульяновска. Основные выводы исследования представлялись на конференции в Москве и Ленинграде.

После запрещения педологии как науки исследования в данном направлении были свёрнуты, и Ульяновский педагогический институт направил свою научную деятельность на разработку частных вопросов педагогики, став дополнительной научной единицей Куйбышевского пединститута, занимавшегося научными исследованиями теоретического характера в области педагогики. Со второй половины 1930-х годов активно разрабатывается тематика преподавания и методики математики, домашней работы учащихся.

Другим направлением научно-исследовательской работы Ульяновского института на протяжении 1930-х годов была филологиче-

ская проблематика: преподавание в школе национальных языков [26], особенности обучения детей родному языку, морфология Средней Волги. Проводилась работа по всестороннему углублённому изучению биографий и творчества выдающихся поэтов, писателей, литераторов, общественных деятелей: И. С. Тургенева, В. В. Маяковского, И. Н. Ульянова, А. С. Грибоедова, А. Н. Гончарова, А. С. Пушкина, Д. И. Писарева, В. Раевского, Н. М. Карамзина. Особенностью большинства трудов по всем вопросам являлось углубление в краеведческую тематику (особенно в темах по исследованию биографий земляков), что объяснимо малым вниманием к этому аспекту в более ранний период и невозможностью в силу положения провинциального вуза братья за более широкую проблематику. Особый интерес представляет диссертационное исследование доцента Т. М. Турова «Крестьянская лексика в языке «Записок охотника» И. С. Тургенева», работа над которым велась на протяжении 1937–1940 годов. Это исследование получило высокую оценку специалистов-литературоведов. «Многие подробности борьбы идей вокруг вопросов родного языка конца XVIII – первой половины XIX века только впервые становятся известными из исследования т.Турова и дают много важного для истории русской филологии в целом». После опубликования названная работа явилась полезным пособием для специалистов по русскому языку и литературе, сохранившим свою важность по сей день. Интересны работы по изучению творчества местных крепостных поэтов, основанные на тщательном изучении архивных источников, журналов, хроник [27]. Коллективная тематика в области литературных исследований в 1930-е годы концентрировалась на изучении летописца семьи Гончаровых, творчества поэта Языкова (особенностей его литературного стиля), «литературно-стилистического наследия Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина» [28].

Велась разработка краеведческой тематики аграрных отношений в Симбирской губернии в дооктябрьский период [29], что являлось характерным основным направлением для всех исторических исследований в рассматриваемый период; исследовалась деятельность И. Н. Ульянова в качестве директора народных училищ Симбирской губернии.

Кафедра физики проводила научную работу по изучению электромагнитных явлений по следующим разделам: 1) электронные явления; 2) электромагнитное поле; 3) лучистая энергия. Работа носила коллективный характер и велась с 1935 по 1940 год. Основной задачей разработки данной проблематики была узкоутилитарная: «освещение намеченных вопросов в курсе физики для средней школы, организация экспериментов по этим вопросам и постановка их в средней школе» [30]. Индивидуальная работа велась преподавателями кафедры по следующим темам и направлениям: разработка вопросов «серийных закономерностей и строения вещества (изучение двух-

атомной молекулы) [31], диалектика в курсе физики [32], изложение вопросов силы, массы, энергии, законов механики в курсе средней школы. Как видим, научно-исследовательская работа проходила в русле разработки методических рекомендаций для средней школы и собственно научные темы были исключением или, как правило, диссертационным исследованием. Финансирование затрат на исследовательскую работу по кафедре физики различалось по тому же критерию: если диссертация оплачивалась в размере 12.500 рублей в год (сюда включалась оплата командировок и оборудования для проводимых экспериментов, печатание материалов на машинке) [33], то рядовая работа методического характера оплачивалась от 150 до 2.100 рублей (включались расходы на приобретение литературы, консультации, в отдельных случаях оплачивались экспериментальные материалы) [34].

В плане научно-исследовательской работы кафедра математики отличалась прямо противоположными тенденциями: члены кафедры занимались научной работой теоретического характера. Среди наиболее значимых тем можно выделить разработку алгебраической теории линейных дифференциальных уравнений, проективного обоснования метрической геометрии, теории бесконечности, разрабатывалась астрономическая тематика [35].

Научная работа в сфере сельского хозяйства в рассматриваемом вузе, проводимая кафедрой ботаники, наглядно представляет развитие приоритетных направлений государственной научно-исследовательской тематики. С 1933 по 1940-й год основным направлением исследовательской работы были вопросы биодиагностики растений и применения минеральных удобрений, проводились опыты над различными сельскохозяйственными культурами. Одной из приоритетных с точки зрения реализации государственной политики в области научных исследований была работа по проблемам сокращения срока вегетации растений. Для развития экспериментальных исследований в области сельского хозяйства в Ульяновске была ранее создана опытная станция, имевшая всесоюзное значение, где в 1920-е годы проводил исследования по растениеводству и земледелию применительно к зоне Среднего Поволжья Н. М. Тулайков.

В целом можно констатировать, что из трёх возможных направлений научно-исследовательской работы – теоретического, экспериментального, методического – в Ульяновском педагогическом институте в 1930-е годы наиболее разрабатываемым стало методическое, однако оно было ограничено выбором небольшой специальной тематики. И только к 1939–40 году институтом были определены и иные направления научной работы. В 1939 году пединститут издал первый том «Учёных записок», где были напечатаны результаты научных исследований за истекший период. Из 75 НР вуза в 1939 году в научную

практику были включены 32 преподавателя, что составило 43 % от общего числа сотрудников, а в 1940 году – 36 человек (44 %) [36].

Средневожский край до 1930-х годов не был включён в систему крупных научных центров. Поэтому новые научные направления формируются на основе опыта центральных научных школ, что обуславливало тяготение к Москве и Ленинграду в научном отношении на первом этапе развития. К середине 1930-х годов Самарские вузы обрели научную самостоятельность. Самым сильным направлением научных исследований следует назвать филологическое. В 1930-х годах сложились или начинали складываться несколько научных школ: диалектологии (А. Н. Гвоздев), изучения современного русского языка (В. А. Малаховский), методологии изучения литературы (В. А. Бочкарёв). Сложившаяся ранее статистическая экономическая научная школа была разгромлена, на её месте развивалось направление изучения проблем экономического использования полезных ископаемых. Учёными медицинского института (профессор А. Г. Бржозовский) была создана самарская хирургическая школа; успешно развивалось научное направление, занимавшееся климатологией (В. А. Климовицкий), заложены основы самарской терапевтической медицинской школы (А. И. Германов).

В Ульяновском педагогическом институте сложилось достаточно сильное и продуктивно разрабатывавшее практически значимое методическое направление исследовательской работы. Учёными изучались разнообразные аспекты и вопросы в области дошкольного образования. Не менее важной была работа над вопросами воспитания и образования детей с недостаточным развитием интеллекта. Но в системе высших учебных заведений, занимавшихся исследованиями, институт стал вспомогательной структурой куйбышевских вузов, пользуясь весьма ограниченной научной самостоятельностью.

Библиографический список

1. ГАСО. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.
2. ГАСО. Ф. Р- 2304. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4.
3. ГАСО. Ф. Р- 2555. Оп. 1. Д. 5. Л. 39.
4. ГАСО. Ф. Р-2304. Оп. 1. Д. 31. Л. 24.
5. ГАСО. Ф. Р- 2304. Оп. 1. Д. 61. Л. 1.
6. ГАСО. Ф. Р- 2304. Оп. 1. Д. 61. Л. 7 – 7 (об.).
7. Скобликова Е. С. Памяти учёного. Молодой учитель. – 2002. – № 11.
8. О научной и педагогической деятельности А. Н. Гвоздева см. например: Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. – М., 1963; Памяти Александра Николаевича Гвоздева // Филологические науки. – 1960. – № 4 и др.
9. Малаховский В. А. Из истории кафедры русского языка Куйбышевского государственного педагогического института (1929–1959) // Учёные записки КГПИ. – Вып. 32. – 1960.
10. Малаховский В. А. Орфоэпия в средней школе. Русский язык и литература в средней школе: сб. статей. – Куйбышев, 1940; он же. Орфоэпия в сельской

- средней школе: Сборник статей по теории и методике русского языка // Учёные записки КГПИ. – Вып. 32. – С. 93–105 и др.
11. Труды Куйбышевского планового института. Вып. 1. – Куйбышев, 1936. – С. 3.
 12. Свешников А. А. «Битумы серных месторождений Поволжья» // Труды Куйбышевского планового института. Вып. 1. – Куйбышев, 1936.; Он же. Выплавка серы из обогащённых глинисто-маргелистых серных руд Водинского месторождения пароводяным способом в автоклавах // Там же. – С. 6 – 50.
 13. Самарской государственной экономической академии 70 лет. – Самара, 2002. – С. 15, 103.
 14. О Г. И. Баскине см. например: Самарские ветви кондратьевщины. – Самара, 1930; Белякова Н. С. Научно-исследовательская деятельность Г. И. Баскина // Поволжский журнал по философии и социальным наукам. – 2000. – № 7; Она же. По материалам следственного дела «Волжской контрреволюционной организации Трудовой Крестьянской Партии» // Самарский земской сборник. – Самара, 1999. – С.51–57; Она же. Земской статистик Григорий Иванович Баскин (1866–1938) // Самарский земской сборник. – Самара, 1999. – № 1. – С.14–21.
 15. ГАСО. Ф. Р-3572. Оп. 1. Д. 169. Л. 15–15 (об.).
 16. ГАСО. Ф. Р-3572. Оп. 1. Д. 244. Л. 12.
 17. ГАСО. Ф. Р-3572. Оп. 1. Д. 93. Л. 148–148 (об.).
 18. ГАСО. Ф. Р-3572. Оп. 1. Д. 169. Л. 16–17 (об.).
 19. ГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 23. Д. 4. Л. 124–127.
 20. ГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 44. Д. 6. Л. 4 (об.).
 21. ГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 44. Д. 6. Л. 63–71.
 22. ГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 73. Д. 13. Л. 59–65.
 23. ГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 73. Д. 13. Л. 60.
 24. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 59. Д. 24. Л. 3–21; Оп. 87. д. 32. Л. 1–16; Оп. 98. Д. 10. Л. 5–12.
 25. ГАУО. Ф. Р-73. Оп.2. Д. 6. Л. 3.
 26. ЦДНИУО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1189. Лапатухин М. С. Основные методические принципы преподавания казахского языка в русских школах Казахстана; Н. М. Никольский. Преподавание русского языка в татарской школе и др.
 27. ГАУО. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 111. Бейсов П. С. Первый поэт из рабочих Алипанов.
 28. ГАУО. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 111. Л. 18.
 29. ЦДНИУО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 38. Л. 41.
 30. ЦДНИУО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 82. Л. 28–28 (об.).
 31. ЦДНИУО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 82. Скороходов Н. В. Изучение строения вещества (на примере частного случая двухатомной молекулы.)
 32. ЦДНИУО. Ф. 11. Оп. 2. Д. Л. 92. Слесаренко И. А. Диалектика в курсе физики.
 33. ЦДНИУО. Ф. 11. Оп. 2. Д. Л. 28.
 34. ЦДНИУО. Ф. 11. Оп. 2. Д. Л. 28 (об.).
 35. ЦДНИУО. Ф. 11. Оп. 2. Д. Л. 34–49. Лебедев И. В. Алгебраические моменты в теории линейных дифференциальных уравнений; Пестряков Г. П. Прямые методы решения контурных бигармонических проблем; Левина А. Л. Проективное обоснование метрической геометрии; Коломаров И. А. Интеграция функций; Смирнов В. Н. Бесконечные непрерывные группы; Горелов Я. П. Хвосты комет.
 36. ЦДНИУО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1189. Л. 44.

Э. В. ИЛЬЕНКОВ: ИНТЕЛЛИГЕНТ В «ТИСКАХ» АВТОРИТАРИЗМА

М. А. Антипов

Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия

Summary. Article focuses on the fate of the outstanding national philosopher E. V. Ilyenkov. It is shown that the fate of intellectuals in an authoritarian society is tragic, because this government does not tolerate dissent.

Key words: intelligentsia, intellectual, authoritarianism.

Интеллигенция как предмет философского осмысления отличается достаточной сложностью и размытостью. Попытки четко очертить рамки данного социального феномена, вложив его в определенное понятие, как правило, не увенчиваются успехом, рождая все новые и новые идейно-теоретические концепты.

Современную интеллигенцию можно рассматривать как особую социальную группу, представители которой схожи разу по целому ряду признаков. Важнейшими из них являются интеллектуальный и/или творческий характер труда, высокий нравственный уровень, развитое мышление и творческие способности, особый, «интеллигентный», стиль поведения.

Кроме указанных необходимо отметить еще один атрибут интеллигенции, а именно твердую идейную убежденность, уверенность в своей правоте и готовность отстаивать свои взгляды. Как отметил Н. Бердяев, «интеллигенция была идеалистическим классом людей, целиком увлеченных идеями и готовых во имя своих идей на тюрьму, каторгу и на казнь» [1, с. 31].

Интеллигенция – это интеллектуальная элита общества, и в любом обществе она находится в особых отношениях с народом и властью. Отношения интеллигенции с народом метко охарактеризовал Н. Бердяев. По его словам, «интеллигенция противопоставляла себя народу, чувствовала свою вину перед народом и хотела служить народу» [1, с. 35].

Отношения интеллигенции с властью определяются специфической политической системы общества. В России интеллигенция истинно находилась в достаточно сложных отношениях с властью. Большая часть отечественной истории прошла под знаком авторитаризма и даже тоталитаризма, при которых свобода интеллектуального и творческого самовыражения всячески пресекалась. По словам Н. Бердяева, «философия постоянно подвергалась гонению, она была на подозрении». Так, например, в 1850 году преподавание философии в вузах было запрещено тогдашним министром народного просвещения Шириным-Шихматовым [1, с. 36].

Непростым для интеллигенции было и советское время: достаточно вспомнить «философский пароход» 1922 года или сталинские закрытые конструкторские бюро (в народе прозванные «шарашками»). Поэтому судьбы многих советских интеллигентов – философов, ученых, литераторов были одновременно насыщены творческими достижениями и трагичными. Сейчас философия советского времени во многом забыта, что обусловлено навязанной в то время властью интеллектуальной монополией марксизма, неприемлемостью инакомыслия. Все реже упоминаются имена тех, кто был носителем философской культуры и мышления в советском обществе. Одним из таких, неоправданно забытых философов, является Эвальд Ильенков.

Будучи молодым преподавателем МГУ, философ вместе со своим другом, в научной статье «Гносеологические тезисы» высказывает мысль, кардинально противоположную господствующему в советской философии марксизму в его советском, «штамповочном» конъюнктурном варианте. Он заявляет, что предмет философии – это мышление.

Как результат 13 мая 1955 Ученый Совет Факультета Философии МГУ разбирает «персональное дело» Ильенкова Э. В. и Коровикова В. И., на котором их обвиняют в «гегельянстве» и лишают права преподавания в МГУ. В воспоминаниях современников Ильенкова можно найти один занимательный фрагмент, связанный с указанным событием. Декан факультета В. С. Молодцов на этом заседании воскликнул: «Куда нас тащат Коровиков с Ильенковым?! Они нас тащат в область мышления!» Из переполненного студентами зала ему ответили: «Не беспокойтесь! Вас туда не затащишь!».

Ильенков никогда не старался угодить власти, был далек от официальной идеологии. Его интересовал марксизм в первоначальном неидеологизированном виде, в марксизме он видел прежде всего значимую философскую концепцию, отражающую роль противоречий в развитии мышления и бытия, а не вуаль для господствующей политической идеологии.

Одним из его достижений является развитие и обоснование важнейшего общенаучного метода теоретических исследований – метода восхождения от абстрактного знания к конкретному знанию. Этому методу посвящена его известнейшая работа «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса» (1960 г.).

В работе «Космология духа» он высказывает и обосновывает мысль о том, что материя обладает мышлением, что сближает его с Бруно и со Спинозой. В этой работе, как указал сам философ, представлена «попытка установить в общих чертах объективную роль мыслящей материи в системе мирового взаимодействия» [2, с. 419].

В другом своем сочинении «Идолы и идеалы», посвященном происхождению и природе мышления, Ильенков указывает на активную сущность мышления, мышление не дано человеку пассивно, ему

дан лишь мозг, мышление же развивается в ходе активной деятельности. «Мыслящее существо необходимо должно быть подвижным... активно изменять, переделывать окружающую его естественную среду, строя из неё своё «неорганическое тело» – тело цивилизации» [3, с. 39].

Ильенков был не только выдающимся и самобытным философом, но и педагогом, педагогом особым. Он учил слепоглухонемых детей в Загорской школе-интернате. Воспитанники выросли полноценными личностями, могли мыслить, общаться, осваивали школьную программу, а некоторые заканчивали университет. Одним из слепоглухих учеников Э. Ильенкова является А. В. Суворов, в три года потерявший зрение, а в девять – слух, но несмотря на это, в 1996 году защитивший докторскую диссертацию по психологии.

Возможность обучения и социализации слепоглухонемых детей он обосновал в статье 1970 г. «Психика человека под «лупой времени»». В данной статье он пишет, что «все без исключения физиологические механизмы...возникают путем «интериоризации» внешних, предметно-обусловленных действий индивида в социально организованной среде» [4, с. 89]. Другими словами, психика индивида формируется и развивается за счет его активных действий во внешней среде. А за счет развития психики индивид социализируется и превращается в личность.

Но в обществе с авторитарной политической системой главное – это не творческие, профессиональные и личностные заслуги, а конформизм по отношению к официальной идеологии. В Ильенкове было первое – оригинальные, а порой и гениальные философские мысли, талант ученого и педагога, человечность, любовь и энтузиазм в отношении к слепоглухим воспитанникам. Но конформистом он не был, никогда не стараясь уложить свое творчество в рамки официальной политической идеологии, закрытой в созданном путем трансформации первоизданного марксизма псевдофилософском каркасе под названием «марксизм-ленинизм».

Будучи «пророком в своем отечестве», интеллигентом в подлинном смысле этого слова, Ильенков постоянно наталкивался на пресинг и непонимание со стороны официальных научно-философских и партийных кругов. Результатом такой жизненной ситуации стало событие, не являющееся исключением для творческих личностей, не находящихся понимания и должного признания. То отчуждение, которое он постоянно испытывал, привело его к депрессии, закончившейся самоубийством.

Таким образом, судьба Э. В. Ильенкова наглядно демонстрирует положение интеллигенции в обществе с авторитарной политической системой. Отказ интеллигента от согласия с официально декларируемыми идеями и лозунгами ради свободы мысли и творческого самовыражения в большинстве случаев ведет к трагическим последствиям, а зачастую к смерти.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Русская идея – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 286 с.
2. Ильенков Э. В. Космология духа // Ильенков Э. В. Философия и культура. М., 1991.
3. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах – М., 1968.
4. Ильенков Э. В. Психика человека под «лупой времени» // Природа – № 1 – 1970, с. 88–91.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ПОИСКА ИСТИНЫ В ВАЖНЫХ ВОПРОСАХ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Л. И. Дорошина

Пензенский государственный педагогический университет
им. В. Г. Белинского, г. Пенза, Россия

Summary. The article tells about a famous historian from the Russian city of Penza, a prominent specialist in the history of the Russian peasantry in the XX century and the famine of 1932–1933 in the USSR, V. V. Kondrashin. There have been major milestones of his biography and some of the most important scientific achievements.

Keywords: historians, the history of Russia, the peasantry.

У музы истории Клио есть своё неподкупное воинство. И один из верных её воителей – доктор исторических наук, профессор Виктор Викторович Кондрашин. Он – коренной пензяк. Родился в Пензе 4 августа 1961 года, в семье рабочего. Здесь, на городских окраинах Шуиста и Северной поляны, где жили в основном выходцы из деревни, и прошло его детство. Такими же недавними крестьянами были и родители Виктора.

В то время, как родители работали, Кондрашин-младший осваивал улицу – отстаивал свои права всеми принятыми в мальчишеской среде способами. А среда была вольнолюбивая, хулиганистая до жестокости, шпанистая. И возможно, если бы не строгий контроль матери, не избежал бы Виктор печальной участи некоторых своих друзей, оказавшихся не в ладах с законом.

Разумеется, немаловажным было и влияние взрослого окружения. Именно оно в итоге помогло молодому человеку сделать жизненный выбор. Частые разговоры и даже споры отца и дяди – простых рабочих – о событиях в стране и мире, школьные уроки истории К. А. Резеповой и особенно Кавалера Ордена Трудового Красного знамени, учительницы истории и обществоведения Антонины Ивановны Сёмушкиной стали решающими факторами при выборе профессии.

Вообще-то юношеские увлечения Виктора Кондрашина лежали в сфере наук, где имелись широкие возможности для эксперимента,

опыта. К таковым можно отнести длительное увлечение химией. Виктор слыл заядлым спортсменом (бокс, лёгкая атлетика), делал заметные успехи в музыке (баян, гитара).

Кроме того, мальчик мечтал стать лётчиком. Изучал устройство всевозможных летательных аппаратов, вырезал из газет и журналов рисунки и фотографии самолётов и оклеивал ими стены квартиры. С восьмого класса вёл переписку со Ставропольским высшим военным лётным инженерным институтом.

Теперь профессор Кондрашин поднимается на борта быстрокрылых лайнеров в роли пассажира – его ждут с лекциями и докладами в Англии и Японии, в Америке, Италии и Китае... Биография нашего земляка опубликована в Швейцарии, в издаваемой там энциклопедии «Кто есть кто в России» – среди биографий других успешных людей из сфер экономики, политики, науки, культуры и искусства.

Виктор Викторович работает над глобальными вопросами российской истории: «Причины и характеристика революционных потрясений в России в первые десятилетия XX века», « Был ли голод 1932–1933 годов в СССР геноцидом народов Украины», «Характеристика исторического значения советского периода в истории России. Причины распада СССР». Эти вопросы активно обсуждаются на конференциях и форумах различного уровня, потому что трагический опыт России пытаются осмыслить учёные разных стран.

Профессор Кондрашин убеждён, что при решении любого из поставленных историей России названных вопросов невозможно обойти так называемого «крестьянского вопроса». «В основе Великой русской революции (а её значение и влияние на Россию и весь мир, как считает В. В. Кондрашин, не уступает влиянию Великой французской буржуазно-демократической революции) лежала крестьянская революция крестьянской страны, не принявшей предложенный ей самодержавием ускоренный вариант индустриальной модернизации за счёт обнищания деревни, её раскрестьянивания при сохранении монопольных привилегий на землю и другие ресурсы помещиков, крупных землевладельцев и капиталистов».

Он также считает, что революцию в России спровоцировало в первую очередь неэффективное управление страной царским самодержавием, которое «оказалось неспособным предотвратить её с помощью реформ, отвечающих интересам подавляющего большинства населения страны, прежде всего крестьянства. Эгоизм землевладельцев и опекающей их бюрократической системы во главе с царём, стремление сохранить привилегии и власть оказались сильнее инстинкта самосохранения». Не захотели они поделиться властью – и получили революцию.

Многолетние научные исследования В. В. Кондрашина так или иначе касаются деревни. Ещё будучи аспирантом Института Российской истории РАН, Виктор Кондрашин в должности научного со-

трудника «Центра крестьяноведения» Московской высшей школы социально-экономических наук он написал историю саратовского села Лох.

Годы учебы в аспирантуре были очень сложными в экономическом отношении. Денег на науку в стране не выделялось. Стипендии не выплачивались. А надо было содержать уже не только себя, но и семью. К труду Кондрашину было не привыкать. Ведь ещё в годы учебы на историческом факультете Пензенского государственного института он подрабатывал в Доме пионеров, обучая детей игре на баяне. А чтобы продержаться в столице, вынужден был играть в метро – на переходе между «Библиотекой имени В. И. Ленина» и «Боровитской». И здесь он вскоре стал одним из самых высокооплачиваемых музыкантов подземки. Приходилось работать и грузчиком на столичных рынках, и заниматься бизнесом при содействии своего друга – тоже аспиранта, дагестанца А. У. Мавлиева.

Менялась обстановка в стране – менялись и дела в науке. Становились востребованными и серьёзные исследования многих вопросов Российской истории. Интересовали яркие молодые специалисты и Запад. После стажировки в Институте Кеннана (США) Виктору Кондрашину предложили остаться в Америке. Но он принял другое решение. Когда к нему обратились пензенские историки и предложили должность профессора кафедры истории и методики её преподавания, он, не долго раздумывая, согласился. И как говорит, ни разу не пожалел об этом. Потому что, по его словам, аграрная история России изучается ныне в основном в регионах.

В. В. Кондрашин – неперемный участник различных мероприятий международного масштаба по вопросам противостояния учёных России и Украины, связанных с оценкой голодомора 30-х годов. Изучивший все возможные материалы по этому вопросу, он знает: никакого геноцида не было. Была трагедия всего советского народа – всех регионов бывшего СССР, оказавшегося в зоне насильственной коллективизации. Крестьянскому движению в Поволжье в 1918–1922 годах посвящен его монументальный труд, где детально проанализированы две правды – противостоящих сторон: советской власти и крестьянства.

Исследуя позднейший исторический этап, Кондрашин имеет основания утверждать, что советский строй рухнул также из-за неумелого управления страной, ошибок Горбачёва в области внешней и внутренней политики.

Лауреат фондов Форда, Сороса, РГНФ, профессор Кондрашин особое внимание уделяет региональному компоненту отечественной истории, малой родине. Он один из организаторов и неперемный участник конференций «Моя малая Родина», проводимых в с. Степановке Бессоновского района. Его вклад в изучение истории края отмечен премией Губернатора Пензенской области. А ещё профессор

«взрастил» целую плеяду последователей, молодых учёных: В. Е. Мазяев, Л. В. Лебедева, А. А. Тархова, китаянка Лю Ин и другие успешно защитили диссертации, подготовленные под его руководством.

Кажется, что у Виктора Викторовича Кондрашина не хватает времени только на одно – на отдых в общепринятом значении этого слова.

ОБ ИСТОКАХ ПРАЗДНОВАНИЯ ДНЯ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В РОССИИ

Д. А. Лобузная

Поэтический клуб «Берега», г. Пенза, Россия

Summary. The article gives a brief digression into the history of Slavic Cyrillic writing. Tells about the preparations and conduct of first Day of Slavic Writing in the Russian city of Murmansk, and distribution of this festival to other cities in Russia.

Key words: Slavic, Orthodox, Cyrillic, cultural and educational activities.

Братья Кирилл (827–869) и Мефодий (815–885) – выдающиеся просветители. Чтобы распространять и утверждать среди славян христианство на базе не латинского и не греческого, а родного их языка, Кирилл создал в 863 году славянскую азбуку. Солунские братья (их родина – Солунь, по-современному – Солоники) перевели с греческого на славянский церковные книги, обогатив славянскую речь и мысль новыми словами, понятиями, оборотами. Так ещё в девятом веке был заложен фундамент славянских литератур. И они возникли раньше романских и германских, долго ещё опиравшихся не на живую национальную лексику, а на мёртвую и чуждую народам латынь.

Миссионерская деятельность Кирилла и Мефодия началась в Великоморавском княжестве. Их ученики продолжали её в Болгарии, Сербии, других славянских странах. А на русских землях кириллица укоренилась благодаря её заимствованию вместе с болгарскими и сербскими текстами. Широкому её использованию благоприятствовало крещение Руси в 988 году. Насаждать грамотность, образованность помогало духовенство. В его кругах быстро множилось число книжников илюбомудров, переводчиков и сочинителей. От них пошла древнерусская литература, зародившаяся ещё в конце десятого века.

Вклад Кирилла и Мефодия в развитие культуры огромен и оценён уже давно. День их памяти в Болгарии отмечался ещё 680 лет тому назад. В России – тоже исстари. Правда, после Октябрьской революции его празднование отменили. Но с 1986 года оно было возобновлено. Первый праздник славянской письменности состоялся в Мурманске благодаря инициативе писателя Виталия Маслова при

поддержке учителей. Одним из организаторов его проведения стала автор этой статьи, тогда заместитель директора по учебной работе школы № 3 г. Мурманска.

Д. А. Лобузная (в центре) у памятника Кириллу и Мефодию в Мурманске

Просветительская работа о роли солунских братьев возникла из необходимости посещения уроков русского языка. Ни в начальной, ни в средней школе не звучали имена создателей славянской азбуки.

На одном из заседаний методического объединения учителей русского языка средней школы № 3 состоялся серьезный разговор об этом. Молодые выпускники Мурманского пединститута взялись найти материалы о жизни братьев-просветителей и провели информационную работу во всех классах. Так имена Кирилла и Мефодия были изначально озвучены в стенах обычной средней школы.

В Мурманск, город-порт, нередко заходили болгарские суда. Из уроков истории учащиеся знали, что 3 марта – День освобождения Болгарии от османского ига, великий праздник братского народа. В 1986 году праздник отмечался особо – дата почти круглая – 110 лет. Газета «Комсомолец Заполярья» писала: «Но это и наш праздник, в этот день мы благодарно вспоминаем о тех двухстах тысячах наших

русских соотечественников, которые отдали жизнь за освобождение братского народа от османского ига в 1876–1878 годах».

В 1986 году в Мурманске удалось провести первый в России Праздник славянской письменности. На главном проспекте заполярного города была установлена трибуна. Состоялась многолюдная демонстрация мурманчан – учащихся, учителей, писателей, работников культуры – людей, которым не была безразлична судьба русского языка. Говорили о славянской культуре, о русском языке, давшем миру столько великих имён.

Благодарные болгары подарили городу бронзовый памятник Кириллу и Мефодию. Он установлен перед зданием областной научной библиотеки. Возле него теперь проводят все культурные мероприятия. Особенно многолюдно бывает здесь 24 мая, в день рождения Равноапостольных братьев.

На Празднике славянской письменности в Мурманске присутствовал вологодский писатель Владимир Сорокажердьев. Он с энтузиазмом взялся за проведение такого же праздника в своём родном городе. День славянской письменности праздновали в Вологде в 1987 году. В следующем году этот праздник провели в Ярославле, потом были Новгород, Киев, Минск, Смоленск и, наконец, Москва.

Это был уже 1992 год. Тогда праздник прошёл как Всемирный Славянский Конгресс. На него прибыли делегаты из всех частей света, включая Австралию. В те дни одна из московских газет писала: «Славянство является не только этнической, но и культурной общностью, у которой вопреки историческим превратностям есть своё законное место и свой собственный вклад в развитие мировой культуры. Братья Кирилл и Мефодий являются символами славянского единства. Вот почему их чествование – это подходящий повод для объединения наших усилий в деле освящения места и роли славянских народов в мировом культурном процессе». Присутствовать на Всемирном Славянском конгрессе, проходившем 25–28 мая в Москве, посчастливилось в составе мурманской делегации присутствовать и автору этой статьи.

В день открытия Конгресса Патриарх Всея Руси Алексей Второй отслужил Литургию в Успенском соборе Кремля. Это стало его духовным напутствием. В тот же день, 24-го мая, им был освящён московский памятник Святым Кириллу и Мефодию, открытый на Славянской площади (автор памятника В. Клыкков).

Болгарский принц Кара Георгиевич, живший в Австралии, не держа зла на коммунистические власти Болгарии, отдал дань уважения великим просветителям. Он прибыл в Москву и произнёс блестящую речь о значении деятельности Кирилла и Мефодия для современного славянского мира. В эти дни в Манеже была открыта выставка «Всему миру свет», а вечером в Кремлёвском Дворце состоялся праздничный концерт.

На Конгресс работали многочисленные научные секции. Так, на исторической секции были рассмотрены проблемы: «Киевская Русь в кругу народов и цивилизаций», «Славянские народы в составе многонациональных империй нового времени», «Конфессиональные проблемы в истории славянских народов», «Славянский мир: духовное состояние и ценностные ориентиры (литература, культура, искусство)», «Образование и государственность».

Состоялась работа нескольких «круглых столов»: «Средства массовой информации и славянские страны», «Военно-патриотические аспекты в жизни славянских народов», «Сокровища письменной культуры славянства (картотечные собрания, издание словарей, энциклопедий древности, календарей)», «Древнерусская картотека XI–XVI веков – памятник культуры». Состоялся в рамках Конгресса и «круглый стол» по проблемам образования.

Безусловно, проведение Праздника славянской письменности стало выдающимся мировым событием конца двадцатого века.

III. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ В БОРЬБЕ С СОЦИАЛЬНЫМИ ДЕВИАЦИЯМИ

Н. К. Мартыненко
Волжский университет им. В. Н. Татищева,
г. Тольятти, Россия

Summary. In article on the basis of an extensive actual material integration of efforts of the state and nonstate structures directed on protection of women and preventive maintenance асоциальных of the phenomena is shown. Cooperation of public organizations with authorities and the work form were shown a kind of communication with fractions, deputies, entering of applications into the State Duma, in the State Council, in the ministries and other structures. Experience of the Russian society of protection of women can be used public organizations, the state and municipal structures for creation of constructive mechanisms of interaction of the state and a society taking into account today's specificity of a problem considered in article.

Keywords: the power and society, social protection, public self-organizing.

Защита женщин от опасности стать жертвой разврата актуальна для современности с точки зрения наличия и укоренения проституции. Каким должен быть механизм сдерживания распространения негативных социальных явлений, кто должен взять на себя основную тяжесть борьбы? Обращение к истории показывает, что одних усилий власти не достаточно, на помощь должно придти само общество. Обращение к опыту прошлого, изучение методов тесного сотрудничества общественных организаций, политических партий и союзов в России досоветского периода с государственными властями всех уровней может оказать реальную помощь в поиске эффективных решений сегодняшних проблем.

Задачу упреждения проституции решали многие благотворительные общества, но были и такие, кто провозглашал борьбу с этим злом своей основной целью, например, Российское общество защиты женщин (РОЗЖ) [1, с. 3–9]. Одним из составных элементов регламентации было сосредоточение проституток в домах терпимости. По действовавшим в империи правилам 1844 г. о надзоре за проституцией, допускался приём в дома терпимости девушек от 16 лет. Комитет РОЗЖ обратился к министру внутренних дел с просьбой запретить приём в дома терпимости несовершеннолетних [2, с. 13, 14.]. 6 июня 1901 г. министром внутренних дел был утверждён циркуляр за

№ 1314 о запрете приёма в дома терпимости женщин моложе 21 года [3, с. 15]. Новое Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. уже вводило запрет на занятие проституцией до 18 лет, но сопроводительная записка указывала на то, что это ограничение оставалось лишь благим пожеланием, на «усмотрение, по местным условиям» [4, с. 169].

Еще в ноябре 1899 г. при обсуждении в Государственном Совете проекта нового Уголовного кодекса, заместитель председателя русского общества защиты женщин А. А. Сабуров, высказался за внесение законов о наказаниях виновных в вовлечении и удержании женщин в публичных домах не только путём насилия и обмана, но и пользуясь их беспомощным состоянием. Предложения А. А. Сабурова были приняты. Чётко следуя целям своей деятельности, в 1906 г. комитет РОЗЖ вновь начинает ходатайство перед министром юстиции о дополнении Уголовного уложения статьями, наказывающими за вовлечение в проституцию. Благодаря этим стараниям 7 марта 1907 г. министр внёс в Государственную Думу второго, затем повторно, третьего созыва проект закона «О мерах к пресечению торга женщинами в целях разврата» [5, с. 10–11]. 25 декабря 1909 г. одобренный Государственной Думой и Государственным Советом закон «О мерах к пресечению торга женщинами в целях разврата» удостоился высочайшего утверждения. Преследовалось принятие в притон разврата женщин моложе двадцати одного года, и удержание в нём женщины вопреки её желанию [6, с. 1–20].

Сложившееся к концу первого десятилетия XIX в. в России отношение к домам терпимости нашло отражение в поручении Первого всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, проходившего в Санкт-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 г. комитету Российского общества защиты женщин «возбудить ходатайство перед правительством о безотлагательном их уничтожении» [7, с. 294]. На собрании 22 мая 1911 г. члены русского общества защиты женщин принимают решение обратиться в Министерство юстиции с просьбой об активизации действий по введению 27-й главы Уголовного уложения с указанием изменений – установления наказания за содержание притонов разврата [8, с. 13–14]. В 1913 г. члены общества поддержали почин 39 депутатов Государственной Думы о включении в 529-ю статью Уголовного уложения положения о тюремном заключении виновного в устройстве, содержании, или заведывании притоном разврата [9, с. 1–20]. В 1914 г. комитет общества вновь обратился в Министерство внутренних дел с призывом упразднения домов терпимости [10, с. 3–4].

На правительственный уровень российским обществом защиты женщин была вынесена задача защиты от вовлечения в проституцию девушек и женщин, приезжавших в города из сельской местности. Председатель общества охраны прав женщин О. В. фон-Кубе и председатель отдела предупреждения Российского общества защиты

женщин графиня С. В. Панина предложили организовать в Петербурге единое центральное бюро женского труда, и наладить работу железнодорожной миссии для встречи молодых девушек на вокзалах и пристанях для оповещения об организациях и людях, к которым они могли бы обратиться за помощью [7, с. 614].

Специальные конторы переправляли живой товар и за границу. В ответ на запрос общества в 1906 г. о защите женщин, вывозимых из страны, распоряжения Министерства внутренних дел обязывали, «чтобы на железнодорожных станциях были вывешены объявления с обращением к публике немедленно сообщать железнодорожной жандармской полиции, когда будет замечено, что какая-нибудь пассажирка путём обмана перевозится куда-либо для промысла проституции [5, с. 12].

Является очевидным, что при сохранении в обществе двойной морали нельзя добиться его нравственного выздоровления. РОЗЖ обратился к правительству с предложениями введения уголовного наказания за вовлечение женщины в проституцию лично, с помощью сводников; наказания за сексуальное посягательство со стороны хозяина, начальника, попечителя и других лиц, от которых женщина находилась в зависимости [7, с. 616].

К числу вопросов, по которым РОЗЖ взаимодействовало с государственными властями было несовершенство русского права в отношении защиты детей от разврата [7, с. 319]. Комитет РОЗЖ заявил в особую комиссию по совершенствованию регламентации о необходимости введения мер ответственности не только за растление, но и за связь с лишённой невинности [2, с. 29]. Председатель киевского отделения РОЗЖ В. Г. Клячкина предложила предоставить обществу защиты женщин право осуществлять юридическую защиту эксплуатируемых в разврате малолетних [7, с. 554–555, 295].

Актуальной и на сегодня остаётся защита детей от незаконного вывоза за границу. В начале 1914 г. комитетом общества было составлено обращение в Министерство внутренних с просьбой внедрения в законодательство запрета на вывоз несовершеннолетних в иностранные государства и использования их труда в барах, кафе, кабаре, в цирках, театрах и концертах [10, с. 7].

В защите труда от посягательств в целях сексуальной эксплуатации нуждались разные категории работниц. Одним из средств получения хозяевами дополнительной прибыли был труд артисток развлекательных заведений. Посетители кафе-шантанов могли пригласить для общения любую из исполнительниц дивертисментных программ, участниц хора и т. п. Часть денег полученных за оказание любовных услуг, артистки обязаны были отдавать хозяевам заведения. На собраниях комитета РОЗЖ обсуждались возможные проекты изменения правил, регулирующих взаимоотношения между артистами и нанимателями. После внесения в 1903 г. предложений в Министер-

ство внутренних дел, в 1906 г. губернаторам и градоначальникам министерством было предложено «принимать меры к тому, чтобы устроители не навязывали артистам условий, приводивших к разврату» [5, с. 10–12]. Следовательно, в начале XX в. Российское общество защиты женщин способствовало введению в практику особой системы контрактов, защищавших артистов от посягательств на сексуальную эксплуатацию со стороны лиц, причастных к шоу-бизнесу.

Как и в наши дни, в рассматриваемый период пособником проституции являлись порнография и объявления в газетах [11, с. 154, 161]. Преследование за такую деятельность законодательством не предусматривалось. Поэтому РОЗЖ настаивал на издании уголовного закона, направленного как против авторов сомнительных публикаций, так и против редакторов изданий, размещавших подобные материалы [10, с. 5–6]. 15 июня 1912 г. вступило в силу соглашение «О запрещении обращения порнографических изданий», подписанное 4 мая 1910 г. в Париже представителем России совместно с представителями тринадцати других государств, и высочайше ратифицированное 7 октября 1911 г. [12, с. 15]. Но декларативное осуждение порнографии и объявлений о сводничестве форму закона у нас в стране, как того требовалось в скором порядке, не приняло. Лишь в 1914 г. министр юстиции уведомил комитет РОЗЖ, что меры против порнографии предусматриваются проектом нового Устава о печати [10, с. 23].

Тем структурам Российского общества защиты женщин, которые оказывали так называемую «юридическую помощь», особенно хорошо была известна отсталость гражданских законов в той части, которая регулировала взаимоотношения между супругами. По отчётам РОЗЖ можно убедиться, что большая часть «юридических» дел касалась обращений жён в оказании содействия в получении отдельных видов на жительство. В 1912 г. Государственной Думой был принят большинством голосов внесенный на рассмотрение от имени 73 депутатов отделом избирательных прав русского взаимно-благотворительного общества законопроект о раздельном жительстве супругов. 12 марта 1914 г. был высочайше утверждён и одобрен Государственным советом и Государственной Думой закон «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений и личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой». В статье «В изменение Устава о паспортах» (Свода Законов, Т. XIV, изд. 1903 г.) говорилось: «Замужние женщины, независимо от их возраста имеют право получать отдельные виды на жительство, не испрашивая на то согласие своих мужей» [10, с. 10]. В этом случае в законотворчестве Государственного Совета необходимо отметить деятельность члена Российского общества защиты женщин А. Ф. Кони. В частности, закон от 12 марта 1914 г. о раздельном жительстве супругов во многом обязан его усердной работе.

Таким образом, исторический опыт взаимодействия Российского общества защиты женщин с государственной властью может быть использован общественными организациями, государственными и муниципальными структурами, чья деятельность прямо или косвенно направлена на борьбу с социальными пороками в современной России, в частности с проституцией, для создания конструктивных механизмов взаимодействия со стороны государства и общества с учетом современной специфики проблемы.

Библиографический список

1. Селиванов А. Ф. Общество помощи и защиты женщин. – СПб., 1907. – 10 с.
2. Российское общество защиты женщин в 1900 и 1901 г. – СПб., 1902. – 57 с.
3. Российское общество защиты женщин в 1902 году. – СПб., 1903. – 62 с.
4. Елистратов А. И. Борьба с проституцией в Европе. – Казань, 1909. – 494 с.
5. Российское общество защиты женщин в 1906 году. – СПб.: Сенатская типография, 1907. – 118 с.
6. Закон 25 дек. 1909 года о мерах к пресечению торга женщинами в целях разврата с разъяснением. – СПб.: Отдел борьбы с вовлечением женщин в разврат, 1911. – 20 с.
7. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в С.-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года. – Т. 1–2. – СПб., 1911–1912. – 624 с.
8. Российское общество защиты женщин в 1911 г. – СПб.: Тип. Б. Я. Авидона, 1912. – 196, III с.
9. Законопроект об отмене врачебно-полицейского надзора за проституцией и закрытии притонов. По инициативе Санкт-петербургского клуба женской прогрессивной партии сост. проф. А. И. Елистратовым и внесён в Государственную Думу депутатом А. И. Шингарёвым (внесено за подписью 39 членов Гос. Думы 25 окт. 1913 г.). – СПб., 1913. – с. 20.
10. Российское общество защиты женщин в 1914 году. – Петроград: Тип. Н.П. Зандман Пр-ки, 1915. – 159 с.
11. Бентовин Б. И. Торгующая телом. Очерки современной проституции. – СПб.: Электротпечатня Я. Кровицкого, 1910. – 234 с.
12. Российское общество защиты женщин в 1912 году. – СПб.: Тип. В. Безобразов и К^о, 1913. – 115 с.

ПРИОРИТЕТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (1861–1914 гг.)

С. В. Кольчугина

Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия

Summary. This article is devoted to the selection of priority areas of economic development in Russia during the period of bourgeois modernization. Over the years 1861–1914 government's economic policy has evolved from the dominance of liberal principles to a system of state regulation, while maintaining the overall protectionist attitude towards domestic business. Although the course of the forced industrialization caused a mixed assessment of the society, in general, he promoted an adequate integration of Russia into the international market.

Key words: protectionism, liberalism, free trade, manchesterism, forced industrialization, the state regulation.

Эпоха «великих реформ», обозначавших начало движения России к формированию рыночной социально-экономической системы, включала в себя также и определенные изменения торгово-промышленной политики правительства, причем двоякого плана. Во-первых, возрастающий дефицит государственного бюджета обусловил внимание правительства к проблеме налогообложения. В то же время вследствие слабого развития промышленности, непосильной для нее конкуренции с иностранными товарами, недостаточности капиталов, ограниченности внутреннего рынка российская буржуазия испытывала потребность в поддержке со стороны властей. Поэтому основными составляющими государственной экономической политики, проводимой М. Х. Рейтерном (министр финансов в 1862–1878 гг.), становятся принципы фритредерства и манчестерства.

Однако в России принятые меры (либерализм, свобода конкуренции, частная инициатива, свобода отношений между капиталом и трудом, поддержка отечественного предпринимательства в виде протекционистских таможенных пошлин, льготных кредитов, государственных гарантий) привели к широкому развитию грюндерства, ажиотажа и спекуляции, в особенности в области железнодорожного строительства, акционерного и банковского дела. Поскольку они не заложили основ национальной системы экономики страны, в конце концов все это кончилось крахом.

В результате в связи с многочисленными финансовыми нарушениями Рейтерн обратился к возможностям государственного регулирования. Именно в его министерство наметилась тенденция расширения экономических функций государства. Тем не менее, и при таком подходе сохранялись некоторые издержки финансово-экономического и социального порядка. Политика динамичного

промышленного развития осуществлялась с помощью феодальных по своему существу привилегий (например, предоставление займов, кредитов, государственных заказов частным лицам и акционерным обществам, сдача казенных заказов по явно завышенным ценам, прямая государственная помощь промышленникам во время экономических кризисов). Это способствовало установлению сильной зависимости от государственной казны и чиновничьего аппарата, что, в свою очередь, не побуждало предпринимателей вкладывать средства в долгосрочные экономические проекты. Непредсказуемость высшего волеизъявления, а также подчиненность желаниям, интересам сановного лица приводили как к процветанию, так и упадку предприятия. Последовательное внедрение начал капиталистического предпринимательства – конкурентный механизм предоставления концессий, заказов, отказ от совмещения предпринимательской и государственной деятельности и т.д. – могло бы значительно сократить подобные издержки [2, с. 56; 5, с. 152–153].

Частично данная идея была реализована в программе Н. Х Бунге, министра финансов в 1881–1886 гг. Бунге исходил из признания, что ведущим фактором в экономической жизни и лучшим способом достижения экономического благосостояния народа является хозяйственная свобода, конкуренция, спрос и предложение. Проводя эти буржуазно-либеральные принципы, он считал также необходимым улучшить податную систему в целях более равномерного распределения налогов; обеспечить развитие промышленности путем целесообразно построенного покровительства, развития кредита, улучшения денежной системы, чтобы создать независимую от иностранного господства, прочную экономическую национальную систему хозяйства [7, с. 127].

Сменивший Бунге И. А. Вышнеградский в известной части продолжил некоторые финансовые мероприятия, начатые своим предшественником, однако на первое место новый министр финансов ставил цели бюджетно-финансового благополучия. С помощью усиления налогового бремени, резкого сокращения сверхсметных расходов ему удалось ликвидировать дефициты государственного бюджета, а путем проведения ряда таможенных мероприятий, покровительства промышленности, укрепления денежной системы были заложены основы дальнейшего развития буржуазных отношений [6, с. 105–106].

Окончательное завершение протекционистская государственная политика по отношению к крупной буржуазии получает при деятельности С. Ю. Витте. Однако в российском обществе проводимый им курс вызывал острое недовольство присущей ему социальной несправедливостью по отношению к широким слоям населения, тем, что он почти не оставлял перспективных возможностей для развития кустарной промышленности. Многие дореволюционные экономисты (А. Корсак, М. И. Туган-Барановский, И. Х. Озеров, В. П. Воронцов и

др.) считали правительственную политику по отношению к крупной промышленности негативным фактором хозяйственной жизни, препятствующим свободному развитию народно-хозяйственных демократических сил, осуществляющим ее «насаждение» за счет «народных производительных сил». В таком ключе рассматривали последствия форсированной индустриализации М. И. Туган-Барановский и И. Х. Озеров. «Я вовсе не сторонник мелкой кустарной промышленности в ее стационарной форме, но можно было бы взять ее за основание и доразвивать ее до более высших форм», – считал И. Х. Озеров. Преимущества названного пути виделись экономистам в том, что широкие слои населения в данном случае могли бы получить возможность развивать навыки промышленной жизни лучше и быстрее принаравливаясь к потребностям своеобразного российского рынка, прежде всего в отношении качества и дешевизны товаров. Основным аргументом служило соображение о том, что мелкой промышленности (более гибкой, не обремененной облигационными капиталами) не так страшен промышленный кризис, а само развитие мелкой промышленности рассматривалось в виде средства расширения емкости внутреннего рынка и формирования спроса. Крупные же предприятия в глазах многих отечественных экономистов, особенно создаваемые иностранцами, оставались «чем-то чужеродным в нашей жизни, и в то время, как вся масса населения не прогрессировала, они не находили для себя достаточно спроса». Хотя отсутствие в России мелкой буржуазии тот же Туган-Барановский не считал исключительно негативным фактором для развития страны в целом: так, поскольку «русский интеллигент стоял вне влияния буржуазной культуры, свободным в отношении культуры существом» [1, с. 292; 4, с. 182; 8; 9, 56].

Тем не менее, несмотря на критику действия властей, нельзя не признать, что в начале XX в. успехи отечественной экономики были очевидны – об этом, в частности, свидетельствует мощный прилив иностранного капитала накануне первой мировой войны. В целом государственная торгово-промышленная политика обеспечивала по крайней мере минимум условий для развития предпринимательства: «промышленность всегда была любимым чадом, для которого государство не жалело никаких затрат» [10, с. 396–397]. Русский капитализм через законченную систему покровительственных мероприятий, через развитую систему кредита, укрепление золотой валюты, через запретительную таможенную политику прочно закрепляет свои позиции.

Библиографический список

1. Историки экономической мысли России / В. В. Святловский, М. И. Туган-Барановской, Б. Я. Железнов. – М.: Наука, 2003. – 319 с.

2. Караваева И. О роли государства в развитии промышленного предпринимательства в России до 1917 г. // Вопросы экономики. – 1996. – № 9. – С. 54-62.
3. Рейтерн М. Х. Биографический очерк. – СПб.: Типография «Сельского Вестника», 1910. – 195 с.
4. Сорвина Г. Н. Экономическая мысль России XX столетия: страницы истории. – М.: РОССПЭН, 2000. – 224 с.
5. Сорокин А. К. Государство и предпринимательство в России (Исторический опыт предоктябрьской модернизации) // Полис. – 1995. – № 3. – С. 151–156.
6. Степанов В. Л. Иван Алексеевич Вышнеградский // Отечественная история. – 1993. – № 4. – С. 99–115.
7. Степанов В. Л. Н. Х. Бунге: Судьба реформатора. – М.: РОССПЭН, 1998. – 398 с.
8. Струве П. Б. Торговая политика России. – СПб.: Типо-Литография И. Трофимова, 1913. – 244 с.
9. Туган-Барановский М. И. К лучшему будущему. – М.: РОССПЭН, 1996. – 528 с.
10. Янжул И. И. Избранные труды / Под ред. М. Г. Покидченко, Е. Н. Калмычковой. – М.: Наука, 2005. – 438 с.

РОЛЬ ЕВРЕЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РУССКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Т. С. Лызлова

**Филиал Российского государственного университета
туризма и сервиса, г. Смоленск, Россия**

Summary. The given article is dedicated to the part of Jewish party intellectuals in Russian revolutionary movement of the late XIX and the first quarter of the XX centuries. The causes of the increase of revolutionary activities of Jewish youth the above-mentioned period are described. The dynamics of the development of Jewish proper party-organization is shown and the characteristics of certain representatives of Jewish party intellectuals are depicted here.

Key words: revolution, Jewish question, Jewish party intellectuals, Jewish national parties, pogroms.

Начало XX в. – время возникновения в России национальных партий и движений. При этом еврейское население принимало в данном процессе наиболее активное участие.

Первые еврей-революционеры появились в середине 60-х годов XIX в. В 1862 г. в первой организации «Земля и воля» принимал участие Николай Утин, который, правда, вскоре раскаялся и подал царю прошение о помиловании. В 1891 г. Н. В. Чайковский вместе со студентом Военно-медицинской академии Марком Натансоном создали кружок «чайковцев». А в 1876 г. к «Земле и воле» примыкало уже несколько десятков евреев. К 90-м годам XIX в. евреев в революции было уже большое количество. По подсчётам американского историка Нормана Неймарка в начале XX в. среди лиц, арестован-

ных за политические преступления, евреи представляли 30 %; около 15 % членов партии эсеров были евреями, а некоторые «максималистские и анархистские террористические группы почти полностью были еврейскими» [1, с. 4].

С ростом революционного движения усилился и приток в его ряды евреев, главным образом учащейся молодёжи. Первые чисто еврейские кружки появились в 1883 г. в Минске. Их основателем был Хаим Хургин, впоследствии видный сионист. Другим центром еврейского революционного движения стал Вильно. Здесь революционные кружки еврейской интеллигенции существовали ещё в середине 70-х гг. XIX в. Вильно всегда имел значительную еврейскую интеллигенцию, которая была гораздо более связана с еврейской массой, чем ассимилированная еврейская интеллигенция Польши или юга России. Вскоре этот город сыграет центральную роль в возникновении чисто еврейского рабочего движения. В начале 90-х гг. XIX в. здесь складывается «Группа еврейских социал-демократов», которая распространила свою деятельность на целый ряд городов Польши, Литвы и России и заложила основу для создания Бунда.

Первая еврейская партия Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше, России) была создана в сентябре 1897 г. Организация вела довольно активную деятельность. Достаточно сказать, что только за первые два года своего существования (1898–1900) Бунд возглавил 312 забастовок. В начале XX в. его организации имелись во многих городах России, издавались газеты, листки на идиш, общий тираж которых достигал 45 тыс. экземпляров. Росло и число членов организации. Летом 1904 г. Бунд насчитывал около 23 тыс. человек, в 1905–1907 гг. – около 34 тыс. человек. Напомним, что членов РСДРП в начале 1905 г. было только 8.400 человек [1, с. 4; 2, с. 66].

Накануне первой русской революции в 1901–1903 гг. среди лиц, арестованных за политические преступления, евреи составляли 29,1 % (2.269) человек, в период с марта 1903 по ноябрь 1904 гг. эта цифра увеличилась до 53 %, что явилось реакцией на Кишиневский и Гомельский погромы. Зато в 1905 г. число евреев, арестованных за политические преступления, составило 34 %, а среди сосланных в Сибирь значилось 37 % евреев [1, с. 53].

По данным «Журнала министерства юстиции» с 1901 по 1903 гг. на каждые 100 обвиняемых за государственных преступления приходилось евреев: несовершеннолетних – 64,7 %, в возрасте от 21 до 25 лет – 39 %, от 25 до 40 лет – 14,9 %, свыше 40 лет – 6,8 %. [3, с. 77]

Наибольшая активность еврейских организаций наблюдалось в годы первой русской революции. В период с 1905 по 1907 гг. в Российской империи было создано около 20 различных еврейских партий и групп.

Таблица 1. Еврейские партии, созданные в 1905–1907 гг.

Год создания	Название партии
1905	Еврейская демократическая группа Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей-Цион» Комитет политических сионистов «Ционэ Цион» Одесская еврейская революционная партия Одесский сионистский комитет Российская организация сионистов Союз еврейского равноправия
1906	Еврейская народная группа Еврейская народная партия Еврейская социалистическая рабочая партия «СЕРП» Нежинская еврейская революционная партия Одесская территориальная еврейская рабочая партия Партия сионистов Сионистская партия «Гатхио» Сионистско-социалистическая рабочая партия Харьковская еврейская партия
1907	Еврейская территориальная рабочая партия

Чем же объясняется такая активность российских евреев?

Одна из причин лежала на поверхности. Ограничительное законодательство российского самодержавия толкало еврейскую молодежь бежать из замкнутой среды местечек и устремляться в революционные кружки, где все оказывались в равном положении. Неуклонно проводимые запреты задевали все слои еврейского населения. Правительство об этом знало и признавало, что «неудовлетворённость настоящим стеснённым, в сравнении с остальным населением империи, положением и в связи с этим усиливающееся раздражение и ненависть к русскому правительству в России достигли крайних пределов, толкнув евреев на путь отчаянной борьбы с существующим государственным строем» [4, с. 30–31].

Отмечается в правительственных документах и крайне тяжёлое экономическое и правовое положение евреев. Например, в «Записке о правах жительства и передвижения евреев»: «...говорят, евреи – революционеры. Но «еврейская масса находится в таком экономическом положении, что она готова пойти за всяким, кто обнадёжил бы её облегчением её участи. Причина участия евреев в революционном движении кроется не столько в разрушительной силе, которую может нести в себе еврейство, но главным образом в его бесправии и тяжёлом экономическом положении, из которого со свойственным еврейскому народу страстностью он ищет выхода, не стесняясь способами борьбы... Все сословия России, все классы находятся в лучшем состоянии, чем евреи, у них одних встречаются пролетарии, жизнь которых не обеспечена ничем. Против этих пролетариев возникают

иногда буйные восстания народа; масса живёт под страхом погромов, под страхом насилия. В самом законодательстве евреев причисляют к разряду «инородцев» наравне с самоедами и язычниками. Одним словом, ненормальность теперешнего положения евреев в России очевидна в отношении шаткости и неопределённости их юридических прав. Отнюдь не с точки зрения защиты или симпатии к евреям, но с точки зрения государственной справедливости, высшего беспристрастия и правосудия, нельзя не признать, что евреи имеют право жаловаться на своё положение» [5, с. 170–171].

Тем не менее, в 1906 г. правительственные круги пошли на отмену лишь наиболее одиозных ограничительных актов 90-х годов XIX в.

Однако были причины, которые лежали несколько глубже. Следует учитывать, что жители местечек, несмотря на нищету, представляли собой особую субкультуру, особый тип личности: более грамотный, чем российский рабочий и крестьянин, более предприимчивый, и уже в силу этого – более восприимчивый к новым идеалам. Кроме того, надо считаться с тем, что в сознании еврейской массы социал-демократические идеи уживались с представлением об особых страданиях еврейского народа. Не говоря о пресловутой черте оседлости, которая являлась пережитком средневековья. Можно привести только один пример: если в центральной России один ремесленник приходился на 20 жителей, то в местечке – на 6. В результате возникла страшная конкуренция. Понятно, что в этих условиях у определённой группы возникла мысль о специфической судьбе еврейского пролетариата, трижды бесправного и гонимого, и о необходимости борьбы.

Это говорит о том, что социально-экономические и политические факторы неизбежно должны были привести значительную часть еврейства в оппозиционный лагерь.

Не стоит также забывать, что, не имея возможности получать образование в России, молодые евреи выезжали за границу, где вращались в среде революционной эмиграции. Домой многие из них возвращались убеждёнными революционерами, вступали в соответствующие организации и вовлекали в них своих сверстников. Российский историк О. Будницкий верно отмечает: «Самый урбанизированный и почти грамотный народ империи, ограниченный в праве выбора места жительства, профессии, получении образования за то, что молился «не тому» Богу, с «естественноисторической» неизбежностью должен был породить людей, которые сделают борьбу против существующей власти целью своей жизни. Возрастание евреев в российском революционном движении напрямую коррелируется со степенью их интеграции в российское общество. Мальчишки, выросшие нередко в традиционной еврейской среде, оказавшись в русской гимназии, а затем русском университете (иногда – загра-

ничном), впитывали революционное быстрее, чем кто-либо другой. Они могли их воспринимать не только на интеллектуальном, но и на эмоциональном уровне. Еврейские юноши становились русскими революционерами». [1]

Тогда же появляются яркие представители еврейской партийной интеллигенции. Таким был один из лидеров российского сионизма Б. Борохов.

Родился он в 1881 г. в г. Золотоноше Полтавской губернии в семье учителя еврейского языка. В 12 лет убежал из родительского дома в Палестину, но по дороге был пойман и возвращён. Учился в Полтавской гимназии.

Его революционная практика начинается в среде российских социал-демократов в Екатеринославе. Однако постановка национального вопроса в их программе Борохова не удовлетворяет, и он начинает серьёзно увлекаться сионизмом. Его первая литературная работа – «О психологии еврейского ума». С 1904 г. он принимает деятельное участие в сионистской жизни.

В 1905 г. побывал в Берлине, Базеле и Париже.

На VI сионистском конгрессе Борохов появляется в качестве поалей-сиониста. В это же время выходит его труд «Классовые моменты национального вопроса». В феврале 1906 г. по его инициативе был созван съезд партии и с этого времени Борохов становится официально по главе партии, получившей название ЕСДРП «Поалей-Цион».

Под редакцией Б. Борохова начинает выходить партийный орган Полтавского района «Еврейская рабочая хроника» – первый орган партии – на русском языке. Всего было издано три номера. По закрытию «Хроники» Борохов был арестован. Просидев некоторое время в тюрьме, выпущен под залог. Временно вместе с ЦК партии ЕСДРП «Поалей-Цион» поселился в Вильно, где стал издавать центральный орган партии на еврейском языке – «Дер Пролетаришер Геданк», который после выхода третьего номера был закрыт и возобновился под названием «Форвестр» (вышло шесть номеров). Тогда же выходит его брошюра «Чего хотят «Поалей-Цион» (на еврейском языке).

В конце 1906 г. Борохов принимает участие в партийной конференции в Гродно. В 1907 г. вследствие преследования со стороны царского правительства бежал за границу, где участвовал во II съезде партии в Кракове, был выбран делегатом на VII Гаагский сионистский конгресс. Там же состоялась первая всемирная конференция «Поалей-Цион» и был основан «Всемирный еврейский социалистический рабочий союз «Поалей-Цион», членом Бюро которого и был выбран Б. Борохов.

После конгресса он поселился в Вене, где прожил до 1917 г., работая в Бюро Фербанда и над большим трудом по истории еврейского языка и литературы, который был рассчитан на 16 томов.

В Америке Борохов стал членом ЦК партии «Поалей-Цион» и редактором центрального органа «Дер Идишер Кемпфер».

В августе 1917 г. он приехал в Россию, где принимает участие в работе III съезда партии в Киеве и там же в декабре 1917 г. скончался [6].

В годы реакции, последовавшей после поражения первой русской революции, активность еврейских партий сводится к минимуму. Например, количество членов Бунда к октябрю 1910 г. составило всего лишь около 2 тыс. человек. С другой стороны, наблюдавшийся в годы реакции рост антисемитизма, неизбежно толкал наиболее активных евреев в политику. Всё это привело к тому, что на уровне 1911 г. понятия «революционер» и «еврей» были равны. Выработалась и формула: главные враги России – студенты, жида и поляки.

Несмотря на то, что в годы Первой мировой войны под предлогом борьбы с «еврейским шпионажем» стало практиковаться взятие евреев-заложников, еврейские общественные организации получили новый импульс. Они сосредоточили свою деятельность в комитетах обороны, бюро труда, рабочих столовых, филантропических организациях и культурно-просветительских обществах.

Следующий всплеск еврейской активности наблюдался после Февральской революции. Одним из первых постановлений Временного правительства было принятое 20 марта 1917 г. «Постановление об отмене вероисповедальных и национальных ограничений». Одним разом были отменены все 140 законов и распоряжений, ограничивающих евреев во всех сферах гражданской жизни. В результате российские евреи получили равные гражданские, политические и национальные права с остальным населением. Весной–летом 1917 г. наблюдался невиданный ранее взрыв еврейской общественной и культурной активности: все еврейские партии вышли из подполья; появились десятки новых обществ и объединений (только в одном провинциальном Смоленске в этот период действовало около 25 различных еврейских организаций), издательств и периодических изданий; проводились партийные совещания и конференции; началась подготовка к Всероссийскому еврейскому съезду; стала достижимой идея национально-культурной автономии и национального представительства в органах власти и самоуправления.

Один из исследователей еврейской истории А. В. Блюм точно описал обстановку тех дней: «Люди были опьянены свободой, ощущением присутствия при рождении новой жизни, новой эпохи российской истории, в котором они видели себя уже не объектом государственной ненависти и законотворческих экспериментов, а полноправными строителями общего дома и общего будущего» [7, с. 10].

В результате революции появляется совершенно новый слой еврейства, оторванный от корней, люмпенизированный, но зато получивший невероятную до сих пор возможность войти во власть при новом режиме. В советском аппарате число евреев-служащих с само-

го начала революции было велико. Это объяснялось тем, что процент грамотных евреев в любом местечке был значительно выше процента грамотных среди русских, украинцев и белорусов. Поэтому было вполне закономерно, что в первые годы советской власти чиновничество в значительной степени состояло их евреев, особенно в городах и местечках бывшей «черты оседлости».

В 1922 г. В. И. Ленин в разговоре с С. Диманштейном, руководителем еврейской секции при ЦК РКП/б, заявил, что еврейская интеллигенция ответила саботажем на саботаж русской интеллигенции и помогла спасти «нашу революцию» в условиях всеобщего саботажа интеллигенции.

Постепенно одна за другой еврейские партии либо сливаются с РКП/б, либо ликвидируются. Значительная часть еврейской партийной интеллигенции становится членами партии большевиков. Так, согласно анкетам, евреев членов ВКП/б, служащих в Центральном Бюро Евсекций при ЦК ВКП/б, только в одном Одесском комитете из 141 человека: 91 – ранее состоял в Бунде, 21 – ЕСДРП «Поалей-Цион», 12 – Комфарбанде, 6 – ЕКП, 3 – СЕРП и 2 – Сионистско-социалистической партии (СС)[8].

Однако другая часть наиболее образованной и тесно связанной с российской политической жизнью и культурой еврейской интеллигенции решительно не приняла и отвергла революционные преобразования, покинув страну. В конце 20-х и начале 30-х годов XX в. почти все евреи, игравшие значительную роль в национальных и большевистской партиях до революции и в первые годы после неё были устранены.

В 1930-е годы политически активное население работает в основном в местных структурах партии большевиков, а также на «культурной ниве». По образному и точному выражению Дж. Клиера «Великий Октябрь» был хорош для еврея, но плох для евреев. Евреи, наконец, добились равенства – перестав быть евреями.

Библиографический список

1. Будницкий О. В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция // Евреи и революция. Материалы исследования. – М. – Иерусалим, 1999.
2. Овруцкий Л. В., Червякова М. М. Бунд известный и неизвестный // Родина. – М. – 1991. – № 9–10.
3. Савиных М. Н. Законодательная политика российского самодержавия в отношении евреев во второй половине 19–начале 20 вв. – Омск, 2004.
4. Булдаков В. П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. – М. – 2000. – № 1.
5. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – н. XX вв.). – СПб.: ЛИСС, 1998.
6. Российский государственный социально-политический архив (РГАСПИ): Ф. 272, Оп. 1. Д. 497. Л. 40-41; Д. 557. Л. 60-63.
7. Блюм А. В. Еврейский вопрос под советской цензурой, 1917–1991. – СПб., 1999.
8. РГАСПИ: Ф. 445. Оп. 1. Д. 187, 188, 189.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЯКУТСКОГО ТРУДОВОГО СОЮЗА ФЕДЕРАЛИСТОВ В 1917 Г.

П. М. Егоров

Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия

Summary. The article considers ideology of Yakut labor union of federalists about political system. It can be of use for specialists in political science and history.

Keywords: federalists, intelligentsia, political ideas, federalism

Якутская интеллигенция восторженно встретила Февральскую революцию. 25 июня 1917 г. открылась учредительная конференция партии «Якутский трудовой союз федералистов». Программа «Якутского трудового союза федералистов» соединяла идеи областничества и национального суверенитета. Они хотели видеть Россию демократической республикой, имеющей трёхступенчатую государственную структуру: центральную власть в лице Российской республики, областную республику со своей законодательной и исполнительной властью и местную с законодательной функцией. Российская республика должна быть федеративной с президентским управлением. Верховной властью признаётся законодательная палата, состоящая из избранных самим многонациональным народом и племенем депутатов путём всеобщего равного, прямого и тайного голосования без различия пола и веры [1, с. 89].

«Избранные народом депутаты образуют Всероссийскую Законодательную Палату, которой принадлежит вся полнота верховной власти. Нет и не должно быть в государстве другой равной или высшей власти, чем власть законодательной Палаты, т. е. Российское государство должно быть демократической республикой» [2]. Согласно этим положениям Программы депутаты Учредительного собрания, представители всех народов России, должны будут участвовать в разработке общегосударственных законов. В связи с этим большое значение федералисты придавали выборам в Учредительное собрание, депутаты которого и образовали бы Всероссийскую законодательную палату или парламент.

В Программе приоритетное развитие получили идеи федеративного устройства Российского государства и национально-государственного суверенитета. «Российская республика должна быть федеративной, т. е. отдельным областям, обособленным территориально, по культурно-историческим, национальным и экономическим условиям, предоставляется право самостоятельного устройст-

ва и управления во внутренних делах через свои местные законодательные палаты» [3].

Федералисты выступали последовательными сторонниками национально-государственной федерации, основанной на признании суверенных прав народов России на самоопределение, государственность и собственность. Рассматривая суверенитет как абсолютный источник власти и совокупность неотъемлемых, естественных прав и свобод любого народа, федералисты понимали, что только суверенность нации даёт основание самоопределиться, распоряжаться своей судьбой, выбрать то или иное государственное устройство.

В программе нашли отражение областнические взгляды лидера федералистов Г. В. Ксенофонтова. Он поддерживал требование областников о предоставлении Сибири полной автономии во главе с Сибирской областной думой, наделённой законодательными правами и широкими полномочиями. Прежде всего, Сибирской областной думе должно было принадлежать «право самостоятельного распоряжения всеми землями в области с их лесами, водами и недрами» [4]. Этот пункт программы был направлен против переселенческой политики царизма, в основе которой лежал насильственный захват земель для наделения ими русских крестьян-переселенцев. Это затрагивало интересы всех слоёв сибирского населения, в том числе якутского. Поэтому в ведение Сибирской думы входило и «определение размеров и способов колонизации (переселения) и устройства переселенцев» [5].

Кроме того, согласно программе, ведению думы принадлежало местное бюджетное право, выборы исполнительной власти, ответственности перед Сибирской думой, установление порядка пользования землёй, местные пути сообщения, право участия в установлении тарифов – железнодорожных и таможенных, вопросы промышленного и сельскохозяйственного развития области, народное образование и медицина, общественная безопасность, национальный вопрос [6]. Сибирская дума наделялась не только распорядительными, но и законодательными функциями. Ей предстояло выработать законы, обеспечивающие ей эти права. В дальнейшем эти законы, по всей вероятности, должны были быть представлены на рассмотрение и утверждение Всероссийской Законодательной Палаты, которую федералисты были согласны наделить всей полнотой власти.

Как видно из программы, Сибирская областная дума наделялась широкими полномочиями в решении всех вопросов, касающихся Сибири. По существу, в программе были заложены основы государственного суверенитета Сибири как субъекта федерации с широкими экономическими и политическими правами. Программа федералистов впервые предложила демократическое решение непростого вопроса федеративного государства как разграничение предметов ведения и полномочий между регионами и федеративным центром.

Таким образом, идеи сибирского областничества не только не противоречили основной идее о федеративном устройстве Российского государства, а наоборот, дополняли и полнее раскрывали содержание одного из основных принципов федерализма – национально-государственного.

Федералисты были не согласны с национальной политикой Временного правительства, представляющей собой возвращение к старому царскому лозунгу о «единой и неделимой России», отказ от предоставления народам России «демократических свобод и прав на самоопределение». Данное обстоятельство усугубило сибирско-областнический крен программы, сделав это направление основополагающим. Якутские федералисты возлагали свои последние надежды на областную автономию Сибири. С помощью Сибирской областной думы они надеялись решить вопрос о национальном самоопределении народов Сибири [7, с. 58].

Для подготовки I Сибирского областного съезда на местах были созданы оргкомитеты. В якутский оргкомитет вошли федералисты Г. В. Ксенофонтов, С. А. Новгородов и И. Г. Корнилов. С целью объявления автономии Сибири и «вхождения её в Российскую республику на федеративных началах» 8–17 октября 1917 г. состоялся I Сибирский съезд в Томске. Якутскую область представляли делегат Союза федералистов, студент III курса монголо-маньчжуро-татарского разряда факультета восточных языков Петроградского университета Семён Андреевич Новгородов, уроженец Верхоянска, делегат Якутской городской думы; эсер, студент Иннокентий Александрович Казанцев и делегат от Союза федералистов Захар Андреевич Яковлев [8, с. 4].

Во время прений на съезде в Томске выяснилось, что по вопросу автономии Сибири среди делегатов нет единства взглядов даже внутри отдельных фракций. Решительно за «единую и неделимую» высказались кадеты. Сторонники автономии, в свою очередь, разбились на автономистов и федералистов. К тому же, они делились на признающих Сибирь в качестве единого региона и выступающих за его деление на несколько областей. Представители национальных объединений выдвинули свои требования [9, с. 43].

Сегодня федеральный центр, обосновывая необходимость построения «сильного» государства, противопоставил децентрализацию федеративному устройству, и негативно рассматривает результаты предшествующего этапа федеративного развития. В таком контексте децентрализация воспринимается как фактор дестабилизации внутригосударственных отношений и упадок государственности. Однако, изучение идей якутских федералистов свидетельствует, что они выступали за национальную автономию и федерацию, основанную по национально-территориальному признаку.

Библиографический список

1. Алексеев Е. Е. Федеративный центр и автономия (на примере Якутской АССР (1917–1941гг.). – Якутск; Бичик, 2000. – С. 384.
2. Программа «Якутского трудового союза федералистов» // НА РС(Я). Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 2.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Дьячкова А. Н. Г. В. Ксенофонов: ученый и общественно-политический деятель. – Якутск: Изд-во якутского ун-та, 2000. – 203 с.
8. Антонов Е. Якутские депутаты в Сибирской думе. Якутия. 27 июля 2007. – С. 4–5.
9. Шиловский М. В. Первый сибирский областной съезд (октябрь 1917 г.)// Вопросы истории Сибири XX века. – Новосибирск, 1998. С. 42–57.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1930-Е ГОДЫ

А. В. Сюков

**Самарский государственный университет,
г. Самара, Россия**

Summary. In this article it is spoken about political moods of scientific intelligency in the Middle Volga region in 30th years of XX century. On the basis of various historical sources the basic forms of interrelation of scientists with authority and features of the given process in region are revealed.

Key words: scientific intelligence, authority, the Middle Volga region.

На рубеже 1920 – 1930-х годов произошли кардинальные изменения во взаимоотношениях власти и научной интеллигенции, что выразилось в усилении политического воздействия властных структур на научное сообщество. Наиболее тяжело пришлось учёным, которые проживали в провинциальных центрах, в том числе и в Среднем Поволжье. Количество научных учреждений в регионе было ограничено, поэтому учёным приходилось проявлять лояльность к власти, опасаясь потерять возможность заниматься научной деятельностью. К тому же в регионе по сравнению с Москвой, Ленинградом и другими крупными научными центрами было не так много авторитетных учёных, к мнению которых могли бы прислушиваться руководители местных партийных и государственных учреждений. Однако даже в таких условиях в Среднем Поволжье было немало оппозиционно настроенных научных работников. Группа критически настроенной к власти научной интеллигенции была крайне неоднородна, что определялось различными причинами негативного отношения к власти и степенью оппозиционности.

Часть учёных была идеологически враждебна Советской власти. Многие научные работники до Октябрьской революции или в годы гражданской войны состояли в различных либеральных или социалистических партиях и активно участвовали в политической жизни страны. Так, известный поволжский ученый Г. И. Баскин был членом партии народных социалистов и являлся депутатом Государственной Думы. Был депутатом Государственной Думы от партии кадетов П. П. Крылов, который до 1930 г. занимал пост директора Самарского научно-исследовательского института микробиологии [1].

Часть учёных была недовольна тем положением, в котором оказалась интеллигенция в советском обществе, тем ограничением в правах и политической свободе. О приниженном состоянии учёных при новой власти говорили многие научные работники. Известный самарский ученый В. П. Арапов, арестованный как руководитель Самарского филиала «Трудовой крестьянской партии», в своих показаниях отмечал: «Политическое и общественное положение беспартийного спеца складывалось не лучше, чем до революции; он оставался тем же бесправным служащим, полугражданином, взятым на подозрение, только вместо дворянско-помещичьей верхушки хозяином у него оказался пролетариат... Политические свободы, о которых грезила интеллигенция при полицейском режиме, которые она считала столь необходимыми, оказались и в условиях пролетариата только мечтой. Зато отношение к интеллигенции стало не лучше, а, пожалуй, даже хуже, чем раньше» [2].

Другой обвиняемый по данному делу К. Н. Шатов говорил о «понимании разумной частью интеллигенции, что на Советской службе не могло быть тех прерогатив и преимуществ, которыми интеллигенция пользовалась при старом режиме, но она считала справедливым, чтобы её положение на службе государства ограждалось хотя бы какими-нибудь правовыми нормами, чтобы её правовое положение было не хуже положения лиц физического труда». Между тем в этом направлении ничего не делалось. Интеллигенция, пошедшая на службу в советские учреждения, целиком попала в категорию «служащий», по отношению к которой власть начальства, в сущности, была беспредельна. Против несправедливости, как бы очевидна она ни была, служащий никакой действительной защиты не находил. Интеллигент на советской службе если лично и не становился жертвой произвола, то всё-таки всегда должен был помнить, что такой жертвой он может стать в любую минуту, что он ежедневно и ежечасно может быть лишён куска хлеба. На такую же бесправность... интеллигент натыкался и в частной жизни [3].

Значительная часть научного сообщества первоначально восприняла революцию либо стала позитивно относиться к изменению государственной политики в годы нэпа, однако впоследствии разочаровалась ужесточением государственного режима [4]. В 1930-е гг.

появилась и оппозиция учёных, коммунистически настроенных, но выступающих против тех методов построения нового общества, которые начали применяться в этот период.

Однако большая часть учёных не были идеологически враждебны Советской власти. Между тем среди научного сообщества были относительно многочисленны случаи критического отношения в адрес отдельных элементов государственной политики, в особенности в научной сфере. Учёные были недовольны ликвидацией автономии высших учебных заведений, ограничением свободы творчества, бюрократизацией научной работы, планированием науки, монополией марксизма в науке, внедрением бригадно-лабораторного метода преподавания в высших учебных заведениях и т. д.

Значительная часть недовольства учёных имела не идеологические, а бытовые корни. Оно было вызвано низким материальным положением. Учёные были недовольны низким уровнем зарплаты [5], задержками в её выплате [6], плохими жилищными условиями.

Сложной проблемой является определение критериев враждебности власти. Ведь ещё в конце 1920-х годов власть в принципе позволяла умеренную критику. Так, известный биолог А. А. Любищев, работавший в Самаре в конце 1920-х годов, отмечал, что в этот период позволялось вести споры на различные политические темы довольно свободно, издавались и различные работы, в которых подвергались сомнению определённые положения марксизма [7]. А уже в 1930-е годы совершенно безобидная критика, направленная не против власти, а на решение конкретных проблем, во многих случаях причислялась к контрреволюционной деятельности. В результате многие научные работники, которые не были оппозиционны власти, подверглись репрессиям по совершенно надуманным обвинениям.

Нужно учитывать, что политические настроения у разных слоев научной интеллигенции значительно варьировались. Доля оппозиционно настроенных учёных среди представителей гуманитарных наук была выше, чем среди технических и естественных наук. Особенностью Среднего Поволжья было преобладание оппозиционных учёных в сельскохозяйственной науке. Это объяснялось большой численностью агрономических научных учреждений, основанных ещё до 1917 года, в которых работало много видных учёных старшего поколения. Не случайно крупнейшим политическим процессом в Среднем Поволжье, затронувшим научное сообщество, было дело Волжской контрреволюционной организации «Трудовая крестьянская партия», в результате чего была фактически разгромлена оппозиция в аграрной науке [8].

В течение 1930-х гг. количество учёных, настроенных оппозиционно, постепенно уменьшалось. Особо отчётливо этот процесс проявился в среде провинциальной научной интеллигенции. Это было вызвано отстранением от научной деятельности многих наиболее

активных противников власти в ходе массовых репрессий. Другие учёные из-за страха за свою жизнь или жизнь своих близких перешли на более конформистские позиции. Из-за опасения вызвать возможные обвинения, научным работникам приходилось нарочито подчёркивать свою политическую благонадёжность. Они выступали с речами в поддержку проводимой партией политики на митингах и собраниях [9], вступали в различные общественные организации. Однако многие учёные, даже проявляя полную лояльность власти, стали жертвами репрессий. Происходил и естественный процесс смены поколений, когда в науку пришла значительная масса молодых учёных, выросших и получивших образование в условиях нового общественного устройства, что предопределило их большую лояльность по отношению к власти.

Оппозиционность научного сообщества теряла массовость. Учёные вынуждены были скрывать свои взгляды, ограничивая круг общения по политическим вопросам. Однако нельзя говорить о всеобщем переходе учёных на советские позиции, как об этом заявляли государственные и партийные деятели. Противников власти стало значительно меньше, и критика приобретала менее острый характер, однако оппозиционность среди части научных работников продолжала существовать, и спектр настроений в конце 30-х годов был ещё крайне разнообразен.

Библиографический список

1. Самарцы – депутаты Государственной Думы Российской империи. – Ч. 1. – Самара, 2006.
2. Архив УФСБ по Самарской области. Ф. П-88. 44. Т. 3. Л. 124.
3. Там же. Т. 2. Л. 46.
4. Там же. Т. 1. Л. 2.
5. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 1189. Л. 13.
6. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 714. Оп. 1. Д. 401. Л. 9.
7. Ульяновский краеведческий музей. Личный фонд А. А. Любищева. Оп. 1. Д. 15. Л. 11–12.
8. Архив УФСБ по Самарской области. Ф. П-88.44. Т. 1-3.
9. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 28. Д. 219. Л. 8.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1946–1948 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

И. В. Филипчук

Арзамасский политехнический институт (филиал)
Нижегородского государственного технического
университета, г. Арзамас, Россия

Summary. The article covers urgent problem of relationship between local authority and provincial intelligentsia. The article describes the specificity and mechanisms of realization of decisions of the central party-and-state authority concerning institutions of culture in 1946–1948.

Key words: intelligentsia, Gorkovsky, ideology, discussion, political campaign, I. Stalin

Сразу же после окончания войны партийные органы власти стали уделять огромное внимание работе с интеллигенцией. Это было связано с тем, что советские деятели культуры жили в ожидании существенных изменений относительно смягчения идеологического контроля.

Особые притеснения творческой интеллигенции со стороны властей начались сразу же после войны, когда в 1946 г. ЦК ВКП(б) принял ряд постановлений по идеологической работе: «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа), «О репертуарах драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа), «О кинофильме «Большая жизнь» (4 сентября). Отныне писатели, композиторы и другие деятели культуры обязаны были создавать произведения на «современную тематику» и решительно отказываться от идеализации всего иностранного. Малейшие попытки отразить реальную жизнь и реальные трудности решительно пресекались. Эти постановления затронули не только столичную, но и провинциальную интеллигенцию.

Так, горьковский обком ВКП(б) немедленно отреагировал на принятие постановлений и незамедлительно созвал областное совещание работников искусств и литературы с вопросом «О состоянии и задачах идеологической работы». Бюро обкома наметило «решительный поворот к вопросам идеологической работы, воспитания масс в духе советской, коммунистической идеологии» [2]. В связи с Постановлениями неудовлетворительной была признана деятельность Горьковского отделения союза писателей, в частности, отход от современной советской тематики. Критике подверглись горьковские писатели Г. Фёдоров и его повесть «Матросская слава», в которой «слабо освещён вопрос о роли личности в истории», а также писатель В. И. Костылёв: «односторонне увлекшись исторической тематикой», и он за последние годы не создал ни одного произведения на совет-

скую тему. Однако, забегаая немного вперёд, скажем, что исторический роман-трилогия «Иван Грозный» Костылёва был удостоен Сталинской премии за 1947 г. Известен такой факт, что, когда английский критик Р. Мортимер назвал Костылёва «несчастливым» за то, что по адресу его произведений были сделаны критические замечания, писатель высказался: «Как советский писатель, как коммунист и депутат Верховного Совета РСФСР, я счастлив тем, что могу творить и участвовать в строительстве и жизни нашего советского, самого прогрессивного, передового и демократического государства в мире» [8].

Горьковское отделение Союза писателей вынуждено было перестроить свою работу. В течении первой пятилетки героями их произведений стали выходцы из простого народа – рабочие и крестьяне, которые прошли всю войну и главной своей задачей ставили возрождение мирной жизни. Так, по собственным признаниям писательницы Г. Е. Николаевой, до войны она совершенно не знала советской деревни, а в послевоенные годы «окунулась в деревенскую жизнь» [9]. Её очерк «Колхоз «Трактор»» в марте–апреле 1948 г. печатался в «Правде», а её роман «Жатва» о послевоенной деревне получил в 1950 г. Государственную премию. По нему на студии «Мосфильм» был даже создан фильм «Возвращение Василия Бортникова» [10].

Острой критике со стороны Горьковского обкома ВКП(б) подверглась работа театров г. Горького и области. Отмечалось, что их репертуар крайне отстал от современности. Репертуар всех театров был немедленно пересмотрен и в течении 1946–1947 гг. насыщен лучшими произведениями советских драматургов на современные темы и произведениями русской классической драматургии. За период 1947–1951 гг. театры области показали 232 новых спектакля, среди которых 61,7 % составили произведения советских авторов [7]. Так, Горьковский театр драмы в 1947 г. дал два советских спектакля на современные темы: «Старые друзья» и «За тех, кто в море», которые «вполне удовлетворительно оценены общественностью города» [5].

Новый виток кампания против творческой интеллигенции получила в 1948 г., когда гонениям подверглось музыкальное искусство. Отправной точкой стало Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели». Надо отметить, что оно активно критиковалось всеми категориями населения Горьковской области: как заводскими рабочими, так и в профессиональной аудитории. Это делалось для того, чтобы ещё раз напомнить творческой интеллигенции, что «искусство принадлежит народу», а главный смысл деятельности интеллигенции заключается в «служении народу».

Участники собраний в профессиональной аудитории отмечали огромное значение постановления для дальнейшего развития советской музыки: «Мы избавлены от тяжёлой обязанности исполнять музыкальные произведения, которые и музыкой-то назвать нельзя

[6]. Конечно, люди на собраниях не стремились высказывать своё реальное отношение к нападкам на музыкантов, зачастую просто следуя идеологическому прессу со стороны партии. На заводских собраниях звучали восклицания типа «Народ не понимает!», «Это народу не нужно!» с непременным требованием к деятелям культуры творить так, чтобы это было понятно массам [4].

В связи с Постановлением, критике подвергся один из горьковских композиторов А. А. Касьянов, который был обвинён в формализме. В статье «За расцвет советской музыкальной культуры» дирижёр театра опере и балета им. А. С. Пушкина Л. Любимов высказал своё суждение о его оперы «Фома Гордеев»: «Композитор в своём творчестве, к сожалению, также не избежал влияния формалистического направления и в погоне за ложным новаторством создал музыку, чуждую реалистическому произведению великого русского писателя. «Фома Гордеев» изобилует диссонансами. Опера почти совсем не наполнена прекрасной волжской напевностью» [1]. Опера «Фома Гордеев» была возобновлена в Горьком только через двадцать лет.

Постановления 1946 г. стали отправной точкой кампании «по борьбе с низкоклонством перед Западом», которая продолжалась все послевоенные годы, вплоть до смерти Сталина. На деле она свелась к осуждению общественных и личных контактов с зарубежными странами, пренебрежению к заграничной культуре, отрицанию ряда достижений мировой науки.

Библиографический список

1. Горьковская коммуна. – 1948. – 29 февр.
2. ГУ ГОПАНО (Государственное учреждение Государственный общественно-политический архив Нижегородской области) Ф. 30. Оп. 1. Д. 3152. Л. 38.
3. ГУ ГОПАНО Ф.3. Оп. 1. Д. 5326. Л. 33.
4. ГУ ГОПАНО Ф. 3. Оп. 1. Д. 6740. Л.13.
5. ГУ ГОПАНО Ф. 271. Оп. 1а. Д. 8. Л.1.
6. ГУ ГОПАНО Ф. 3. Оп. 1. Д. 6735. Л. 5.
7. ГУ ЦАНО (Государственное учреждение Центральный архив Нижегородской области) Ф. 2429. Оп. 4. Д. 104. Л. 8.
8. Дарков В. В. И. Костылёв. – Горький: Горьк. кн. изд-во, 1959. – С. 144.
9. Левин Л. Такие были времена: записки литератора. – М. : Совет. писатель, 1991. – С. 198.
10. Очерки истории Горьковской организации КПСС. – Ч. 3: 1941 – 1972. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1974. – С. 136.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И БЮРОКРАТИЯ: КОНФЛИКТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Е. А. Трофимов

Дальневосточный государственный аграрный
университет, г. Благовещенск, Россия

Annotation: The article deals with the conflict attitude between cultured, educated people and bureaucracy, a special attention is given to the present day conditions of attitude in Russian society. A high level of non-confidence from liberal part of Russian Society to present political regime is underlined.

Key words: cultured, educated people, bureaucracy, modernization, liberalism, conflict.

В данной статье мы попытаемся раскрыть вопрос возникновения конфликтного поля в отношениях между интеллигенцией и бюрократией. В современном постиндустриальном обществе эти социальные группы играют важную роль в процессе обеспечения устойчивости социально-политической системы, а противостояние между ними способно привести к нарушению эволюционного социогенеза. Надо заметить, что примеры такого противостояния имелись в истории России, более того, мы склонны считать, что Октябрьская революция 1917 года в известной степени является следствием такого конфликта.

Перед тем как мы перейдем к основной части нашего исследования, следует сказать несколько слов об интеллигенции и бюрократии как самодостаточных социально-политических субстанциях, занимающих устойчивое положение в социальном организме.

Термин «интеллигенция» впервые был впервые употреблён римским философом Цицероном в его трактате «О природе богов». Цицерон употреблял этот термин в двух различных смыслах: как «разумность» и как «способность понимать» [1, с. 110, 150]. В контексте исследования нас интересует вторая смысловая составляющая. Обладая способностью самостоятельного понимания сущности и природы вещей интеллигент наделяется «самостью», дистанцируясь от других социальных групп, большая часть из которых в значительной мере подвержена влиянию извне. «Самость» преобладает в понимании интеллигента у Г. В. Ф. Гегеля и Ф. В. Шеллинга. Русский социолог и публицист-народник П. Л. Лавров в «Исторических письмах» отождествляет интеллигентов с людьми критической мысли [2]. Такой подход во многом схож с первыми и также лежит в плоскости рассмотрения интеллигента в качестве самостоятельного и относительно независимого от внешнего мира индивида, отличающегося своими свободолобивыми представлениями от других Homo sapiens.

Несмотря на всю неопределённость термина «бюрократия» его следовало бы определить как самостоятельную социальную группу профессиональных государственных управленцев. Рассматривая содержательную сторону бюрократической общности, в глаза бросаются, переполняющие её противоречия: она безлика, но в тоже время своим светом озаряет всё социальное пространство; она сплоченна в своей неоднородности; осуществляя функции служанки, она стремится повелевать своим хозяином; созданная для решения проблем народа, она с недоверием относится к последнему, его свободам и систематически посягает на них, прикрываясь руссоистским «общим благом»; она не имеет своего мнения, но большинство происходящих в социуме процессов подчинено её пониманию.

Слабостью и силой бюрократии является её внешняя уступчивость. Как отмечает В. В. Похмелкин: «Бюрократия бывает вынужденной делиться собственностью на государство, доступом к принятию властных решений, а вместе с ним и к различным ресурсам с другими социальными группами, но она никогда не теряет контроль над ним, пока сохраняет себя в качестве класса, имеющего общий интерес в разрастании, расширении и концентрации государственной власти» [3, с. 5]. Таким образом, природной склонностью бюрократии, становится стремление к навязыванию своей воли другим, в том числе и выборным лицам, желание всеми возможными и не возможными способами подчинить их себе.

Обычно термин «бюрократ» несёт негативный оттенок. Но бюрократ не скверен сам по себе, а его антисоциальная сущность, проявляющаяся в стремление выдать свои интересы за интересы всего общества, использовать занимаемое место для извлечения личных выгод, является лишь проявлением дихотомии реализуемых им социальных функций. И здесь мы сталкиваемся с принципиальным расхождением природы интеллигента и бюрократа, скорее, лежащим в морально-нравственной плоскости: первый, обладая рефлексией, стремиться вперёд к инновации, свободе и самовыражению; второй – пятится назад, концентрирует власть в своих руках, сдерживает перемены и становится объективным тормозом развития социума.

Конфликты между интеллигенцией и бюрократией существовали во все времена, за исключением самого раннего этапа развития человеческой цивилизации. Причина, как следует из вышеизложенного, очевидна, как бесспорно и то, что, обладая особой культурой и являясь носителем нравственных идеалов, интеллигенция не способна противостоять беспринципности, наглости и бесчестности чиновников. По этому поводу Н. Макиавелли писал: «излишне говорить, сколь похвальна в государстве верность данному слову, прямоту и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел кого нужно обвести вокруг пальца; такие государи в

конечном счёте преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность» [4, с. 36]. Именно нравственность и моральная чистота философов, которые так ценил Аристотель, являются их ахиллесовой пятой, не позволяющей взять в свои руки штурвал государственного корабля.

Особенно явно разгоралась борьба между бюрократией и интеллигенцией в период социальных трансформаций, заставляющих власть усилить контроль над обществом, а так же в период «культурных чисток» и формирования «новой культуры». Эта борьба скорее носила характер морально-психологического подавления свободолюбцев, но власть использовала и физическое насилие, заставляя интеллигенцию подчиниться своей воле. Чего только стоит «культурная революция» в Китае, унесшая миллионы человеческих жизней.

Вместе с тем, не правильно было бы полагать, что противоречия между бюрократией и интеллигенцией носят антагонистический характер. История развития общества знает немало примеров движения интеллигенции и бюрократии в одном направлении, решении общих задач. Зачастую и некоторые наиболее грамотные представители самой бюрократии проявляли невиданную гибкость, становясь инициаторами прогресса, так же как и некоторые представители интеллигенции без зазрения совести отказывалась от своей гуманистической миссии, беспринципно обслуживая самые низменные интересы бюрократического класса.

В настоящее время в российском обществе хоть и наметились определённые тенденции для активного плодотворного сотрудничества интеллигенции и бюрократии, но они ещё обладают высокой степенью фантомности. С одной стороны, фактически осознание бюрократией необходимости модернизации продолжает находиться в состоянии рефлексии, что усиливается неспособностью государства эффективно решать стоящие перед обществом задачи и вводит его в состояние растерянности, сопровождаемое витализацией социально-политических архетипов. Об этом в частности свидетельствует продолжение Д. А. Медведевым «путинского» процесса укрепления «вертикали власти», противоречащего современному российскому конституционализму. Одним словом, модернизационная стратегия, как составляющая диалога, между бюрократией и интеллигенцией провозглашена, но ощущается её нежизнеспособность и внутренняя противоречивость, а то и утопичность.

С другой стороны, посткоммунистические преобразования несли и продолжают наносить травмирующее воздействие на саму интеллигенцию, видящую в модернизаторах не сторонников либеральных реформ, а их скрытых противников, примитивизаторов социальных систем. Очевидно, что ожидания интеллигенции не могут укладываться в предлагаемые современной политической элитой формально-рациональные схемы порядка и справедливости, они

требуют качественно иных подходов в оптимизации системы социально-политических отношений. В этих ожиданиях нет ничего оригинального и сверхъестественного. Речь идёт об отделении государства и бизнеса, осознании и признании важной роли оппозиции, создании условий для развития институтов гражданского общества, реальной защите прав и свобод граждан, экономическом росте, не как самоценности, а как факторе улучшения благосостояния и условий жизни населения России, развитии просветительских программ, отвечающих ценностям, принятым во всем цивилизованном мире.

Библиографический список

1. Цицерон. Философские трактаты. – М., 1985.
2. Лавров П. Л. Исторические письма. Письмо восьмое. Растущая общественная сила. Электронный ресурс: <http://www.revkom.com/biblioteka /utopiya/lavrov/pismo8.htm>
3. Похмелкин В. В. В Царство свободы дорога. Очерки либеральной футурологии. – М., 2002.
4. Макиавелли Н. Государь / перевод Г. Муравьёвой. – М.: Планета, 1990.

ЗАПАДНИЧЕСКАЯ И СЛАВЯНОФИЛЬСКАЯ ЛИНИЯ КОНФЛИКТА РЕГИОНАЛЬНОГО МЕДИАСООБЩЕСТВА С ВЛАСТЬЮ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ВОРОНЕЖСКИЙ КУРЬЕР»)

Д. Н. Нечаев, Е. С. Селиванова

**Воронежская городская Дума, АНО «Агентство
региональных социально-экономических проектов», г.
Воронеж, Россия**

Summary. In this article, the authors examine the segmentation of the intelligentsia from the perspective of the regional media space. Based on three pieces of the media community newspaper stand, describing the line of conflict with authority. According to the analysis, Voronezh regional intelligence consists of three groups, Western-oriented, Slavophile and socialist values.

Key words: the intelligentsia, the intellectuals, the media community, influence, liberalism, Westernization, conservatism, Slavophilism, socialist values and traditions.

В течение 90-х годов и первого десятилетия нового века в среде региональной (воронежской) интеллигенции, в особенности гуманитарной, произошёл ряд трансформаций, которые фрагментировали этот социальный слой, идеи которых могут получать реальное воплощение на уровне микросоциума [1]. На наш взгляд, в результате данных процессов оформились три основных сегмента интеллигенции, ориентированные на свои мировоззренческие и идеологические установки.

И на федеральном, и на региональном уровнях отношение интеллигенции к власти может колебаться в рамках от настороженного до оппозиционного [2]. Парадоксальным представляется факт, что ни один из оформившихся сегментов не только не был ориентирован на поддержку политического режима в стране, региональных политических режимов в области, но и в определённой мере формировал вызов действующей федеральной и региональной власти, инициируя конфликт в областном информационном пространстве.

Имеет смысл также отметить, что институционализировавшиеся неформальные группы в среде интеллигенции города и области смогли выстроить свои отношения с региональным медиасообществом, ретранслируя свои взгляды и убеждения через близкие по духу местные СМИ. Логично предположить, что опубликованные материалы, сюжеты в эфире электронных СМИ помогали оформлять и некое протестное поле среди части населения субъекта РФ.

В этой связи стоит выделить не только три мировоззренчески-идеологических сегмента региональной интеллигенции, но и местные средства массовой информации, становившиеся и неким каналом коммуникации для представителей упомянутых групп. Итак, в первой половине 90-х годов, в особенности после начала экономических и политических трансформаций 1992 года, сегмент интеллигенции, ориентированный на идеологию социализма, пропагандирующий ценности советского политического режима, оформился вокруг областной газеты «Коммуна».

Представителями этой группы в среде интеллигенции, выступавшими с критикой действий президента Б. Ельцина, воронежского губернатора А. Ковалева (1992–1996 гг.), были Р. Гостев, С. Рудаков, А. Глухова и др. Оппонирующей стороной как в первой половине 90-х годов, так и в период 1996–2009 гг. стал сегмент интеллектуалов, исповедующих ценности либерализма как идеологии и западничества как мировоззренческого течения. Они (Л. Кройчик, Б. Табачников, В. Давыдкин и др.) сгруппировались вокруг газеты «Воронежский курьер», зачастую занимали конфликтную и последовательно критическую позицию к власти как таковой (более мягкую по отношению к Б. Ельцину, откровенно жёсткую к тандему В. Путина – Д. Медведева).

И, наконец, третья часть интеллигенции институционализировалась вокруг газеты «Берег» (1990–2004 гг.), выбрав консерватизм в качестве идеологии и славянофильство (почвенничество) как мировоззренческое течение. Эту группу интеллектуалов на страницах данного СМИ представляли А. Минаков, С. Хатунцев, М. Прасолов, В. Варава и др. Их политическая позиция исходила из того, что проводимая общефедеральная и региональная политика не учитывала интересы коренного русского населения. И это также был определённый вызов политике правящего режима.

Характерно то, что если не брать во внимание линию интеллектуалов, ориентировавшихся на социализм и советские ценности («Независимая газета», «Коммуна» и значительная часть журналистов данного СМИ в целом разделяла данную позицию), то либерально-западническая, во многом космополитичная, линия одной группы входила в противоречие с консервативно-почвеннической линией (умеренный русский национализм, русская идея) другой группы, формируя политических антиподов, конфликтовавших не только между собой (страницы газет «Воронежский курьер» и «Берег» представляли собой информационное поле битвы мировоззренческих установок), но и с властью, дистанцировавшейся от одного и другого лагеря. Причём упомянутые газеты являлись государственными (муниципальными), а их руководители (главные редакторы: Д. Дьяков – «Воронежского курьера», С. Иванов – «Берега») олицетворяли собой символы борьбы за утверждение своей линии в общественном мнении.

Более отчётливо и прямолинейно линия конфликта с политическим режимом страны оформилась в газете «Воронежский курьер» в период правления В. Путина – Д. Медведева. По оценкам региональных экспертов, «за период с 2001 по 2008 г. в газете было опубликовано более 300 материалов антироссийской и антипутинской направленности» [3]. Основными темами в продвижении конфликта (на определённом этапе уже сами журналисты издания олицетворяли мировоззренчески-идеологический стержень) были отторжение путинского режима, сопоставление российского государства с террористическим инструментом, поддержка оппозиции в России и др.

К примеру, аналитико-публицистические материалы интеллектуалов либерально-западнического сегмента региональной интеллигенции и журналистов данного СМИ с негативными оценками российских политиков сознательно провоцировали конфликт:

Ума не приложу, как мы жили без Путина. Да и жили ли? Лично я честно и открыто сомневаюсь (№ 41, 14 апреля 2001). Даже не зная, что он делает и зачем, люди приветствуют любую его инициативу (№ 24, 6 марта 2001). Он в должности уже четыре года, но ничего не достиг. Этот режим напоминает абсолютизм. Президент имеет послушную Думу, вокруг себя он собрал послушное чиновничество, которое не подчиняется законам и для которого такие ценности, как демократия, имеют второстепенное значение... Когда государственной власти не понравилась критика, были закрыты телеканалы (№ 27, 12 апреля 2004). По его мнению Путин многое сделал, но это не значит, что не найдётся таких, кто сделает эту работу лучше него (№ 111, 7 октября 2006). Но чего «Единой России» таиться? Кого ей бояться? Закона? Не смешите. Вы можете себе представить, что бы эту партию сняли с дистанции? Вот и я не могу (№ 28, 17 марта 2005).

Негативные оценки получает и российское государство как политический институт:

Политика властей сравнима с геноцидом... Позор президенту, правительству, «Единой России» и юристам! В отставку их! Такое, с позволения сказать, разнообразие, характеризует, между прочим, не только ведь собравшихся, но и современную российскую власть, от которой людям хочется бежать в самые разные страны – хоть к тирании и фашизму, хоть к Западу с его чёткими представлениями о человеческих правах. Я не хочу жить в нефтегазовой империи Путина! Я хочу жить в России без Путина (№ 37, 8 апреля 2006). Российское государство, не стесняясь, ставит себя на одну доску с террористами... И у российского государства не остаётся никаких моральных преимуществ перед бандитами (№ 125, 4 ноября 2004). Прибыль от продажи нефти и газа для российского государства важнее человеческой жизни – это уже давно очевидно (№ 1, 11 января 2007). Страна наша становится беднее год от года. Если, конечно, под страной подразумевать не президента, правительство или Федеральное собрание, а ту территорию, на которой мы живём... Оброк, кабала, разорение – какими ещё словами можно назвать то, что происходит? (№ 14, 7 февраля 2002).

И ещё. Несмотря на политические и кадровые трансформации в Воронежской области (с 1992 года сменилось четыре губернатора, пять глав города Воронежа), на уход главных редакторов газет «Берег» (С. Иванов) в 2004 году, «Коммуна» (В. Жихарев) и «Воронежский курьер» (Д. Дьякова) в 2010 году, основные сегменты региональной интеллигенции, их идеологические установки не претерпели существенных изменений. Да и в самом обществе существует запрос на материалы с мировоззренческими и идеологическими доктринами.

Более того, на примере конкретного СМИ (новый главный редактор газеты «Воронежский курьер» К. Чаплин, работавший ранее в газете «Берег», реализует политический курс издания в его консервативно-славянофильском измерении) мы можем наблюдать смену мировоззренческих ориентиров. Есть также востребованность на СМИ с либерально-западническим и социалистически-советским трендами. И, скорее всего, они появятся, демонтируя неизменность основных идеологических элементов региональной интеллигенции, далеко не всегда «аморфной, разобщённой и безвольной» [4, с. 13], и её настроенность на противоречия и конфликт с властью, с функционирующими политическими режимами.

Библиографический список

1. Семененко И. Группы интересов в социокультурном пространстве: вызов демократизации или ресурс демократии? // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна: Феникс+, 2001. – С. 81–99. – С. 81.

2. Кузнецов А. Интеллигенция и власть // Известия. – 2011. – 16 марта. URL: http://www.izvestia.ru/intell_vlast/article3094023/
3. Финансирует ли воронежский губернатор оппонентов В. Путина – Д. Медведева? // Экономика и жизнь. – 2008. – 28 июня – 11 июля. – № 17 (188). – С. 12.
4. Чернышов Ю. Интеллигенция и власть: одна из «вечных» тем истории // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 5. Интеллигенция и власть. – Изд-во Алтайского университета, 1998. – С. 3–19.

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Ирана и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2011 году

20–21 апреля 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения»** (К-18-4-11).

25–26 апреля 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания»** (К-19-4-11).

5–6 мая 2011 г. II Международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»** (К-20-5-11).

10–11 мая 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность»** (К-21-5-11).

15–16 мая 2011 г. II Международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические аспекты личности и социального взаимодействия»** (К-22-5-11).

20–21 мая 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Многополярный мир: предпосылки, проблемы и перспективы становления»** (К-23-5-11).

25–26 мая 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-24-5-11).

1–2 июня 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-25-6-11).

5–6 июня 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-26-6-11).

10–11 сентября 2011 г. II Международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-27-9-11).

15–16 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-28-9-11).

20–21 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-29-9-11).

25–26 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Глобализация как этап развития мирового сообщества»** (К-30-9-11).

1–2 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-31-10-11).

5–6 октября 2011 г. II Международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-32-10-11).

15–16 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-34-10-11).

20–21 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Инновационный менеджмент в образовательном учреждении»** (К-35-10-11).

25–26 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-36-10-11).

1–2 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-37-11-11).

5–6 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Современные тенденции развития мировой социологии»** (К-38-11-11).

15–16 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Научно-технический прогресс как фактор развития современной цивилизации»** (К-40-11-11).

20–21 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-41-11-11).

25–26 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы»** (К-42-11-11).

1–2 декабря 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-43-11-11).

PsyJournals.ru
портал психологических изданий

ЖУРНАЛЫ ПО ПСИХОЛОГИИ **online**

Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.

Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.

Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.

Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы
включены в Перечень ВАК

онлайн подписка это

- * Удобно
- * Выгодно
- * Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ И БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГППУ

Научно-издательский центр «Социосфера»
Российско-Армянский (Славянский)
государственный университет
Липецкий государственный технический университет
Пензенская государственная технологическая академия

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ:
ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ПРОШЛОЕ,
ЗАДУМЫВАЯСЬ О БУДУЩЕМ**

Материалы международной научно-практической
конференции 1–2 апреля 2011 года

Редактор Л. И. Дорошина
Корректор В. А. Дорошина
Оригинал-макет И. Г. Балашовой

Подписано в печать 18.04.2011. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Учет.-из. л. 11,79 п. л.
Усл.-печ. л. 10,96 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 14/11.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440046, г. Пенза, ул. Мира, д. 74, к. 14. (8412) 68-68-45,
web site: <http://sociosphaera.ucoz.ru>,
e-mail: sociosphaera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412)56-25-09